

Н.П. Митина

Во глубине сибирских руд

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения

Н. П. МИТИНА

Во глубине сибирских руд

*К столетию
восстания
польских ссыльных
на Кругобайкальском
тракте*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И. С. МИЛЛЕР

Введение

После спада революционного подъема в России в конце 50-х — начале 60-х годов и поражения восстания 1863—1864 гг. в Сибирь были высланы многие русские революционеры и тысячи польских повстанцев. В тяжелой неволе русские и польские революционеры не прекращали совместной борьбы против царизма за социальную справедливость и национальную свободу. В 1864—1865 гг. в Сибири существовала русско-польская революционная организация, которая была прямым воплощением союза русских и польских революционеров предшествующих лет.

Идея русско-польского революционного союза возникла еще во времена освободительного движения декабристов и польского Патриотического общества. К 60-м годам XIX в. эта идея имела уже прочную традицию, завоевав умы и сердца лучших представителей революционного движения в России и Польше. Русско-польские революционные связи в эти годы вышли из сферы идеологических споров и революционной пропаганды и приобрели первостепенную практическую значимость, во многом определив социальное содержание, тактику и в конечном итоге шансы на успех освободительного движения обоих народов.

Царское правительство как огня боялось союза между русскими и польскими революционерами и всеми мерами старалось мешать его осуществлению. Враждебное отношение к освободительной борьбе польского народа было неизменно характерным для реакционных сил русского буржуазно-помещичьего общества, за которыми пошли в решающий момент и российские либеральные деятели. Пра-

вительственные и либерально-крепостнические круги во время и после восстания 1863—1864 гг. неистово разжигали шовинизм, стремились всеми мерами сорвать революционное содружество русского и польского народов, внести раскол в ряды революционеров. Одновременно враждебную позицию к русскому революционному движению заняли польские шляхетско-буржуазные круги, не делавшие различия между Россией Романовых и русским народом и выступившие против тех радикальных и социальных лозунгов, под которыми боролась за революционное единство русская и польская демократия. Однако несмотря на все старания правительственных и реакционных кругов, вопреки позднейшим утверждениям буржуазно-помещичьих историографов, русско-польское революционное сотрудничество в борьбе против общего врага — царизма — не только не было сорвано, но продолжало развиваться и после спада революционного движения в России и поражения польского восстания.

В результате общих усилий русских и польских революционеров сто лет назад в далекой Сибири на строительстве Кругобайкальского тракта произошло восстание польских ссыльных. Оно было последним вооруженным выступлением против самодержавия эпохи первой революционной ситуации.

Героическая борьба восставших ярко продемонстрировала всему миру, что ни виселицами, ни отрывом от родины нельзя остановить революционное движение масс, подавить национально-освободительные стремления, подорвать революционное содружество братских народов.

В революционном воспитании масс, которому такое огромное значение придавал В. И. Ленин при рассмотрении проблем истории освободительного движения, первостепенную роль сыграло распространение боевого, действенного интернационализма, убеждение масс на собственном опыте в возможности и необходимости совместных революционных действий представителей различных народов. Этим определяется историческое значение той страницы в истории русско-польского революционного сотрудничества, которой посвящена настоящая работа.

Изучение истории революционного движения ссыльных в Сибири было предпринято в 1920—1930-е годы советскими и польскими историками. Среди работ этого периода наиболее значительными были статья Ф. А. Куд-

рявцева¹, монография М. Яника² серия статей М. Злотжицкой³.

Однако и круг рассматриваемых вопросов, и совокупность доступных тогда материалов, в особенности архивных, были недостаточны для того, чтобы воссоздать полную картину революционной деятельности русских и польских ссыльных.

Заметный сдвиг в изучении русско-польского революционного сотрудничества в Сибири произошел за последние годы. В т. 62 «Литературного наследства» в публикации «Н. А. Серно-Соловьевич — Герцену и Огареву» в научный оборот были введены четыре документа о подготовке вооруженного восстания в Сибири. Некоторые аспекты рассматриваемой нами проблематики затрагивались в опубликованных недавно исследованиях⁴.

Раскрытие социально-политических основ русско-польского революционного союза 1864—1866 гг. в сибирской ссылке неразрывно связано с изучением общественного и революционного подъема в Сибири тех лет и деятель-

¹ F. Kudrjawcew. Powstanie Polaków nad Bajkałem.— «Z pola walki», 1927, N 2.

² M. Janik. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928.

³ M. Złotżycka. W przededniu powstania polskiego nad Bajkałem w r. 1866. «Niepodległość», t. XIV, zeszyt 1; Warszawa, 1936; ее же. Polskie powstanie nad Bajkałem w r. 1866.— Там же, з. 2; ее же. Sledztwo i sąd nad uczestnikami powstania nad Bajkałem.— Там же, з. 3.

⁴ Wł. Jewśiewicki. Na syberyjskim zesłaniu. Warszawa, 1959; Н. П. Митина. Из истории русско-польских революционных связей в Сибири в 1864—1866 гг.— «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960; ее же. Материалы к истории Кругобайкальского восстания польских ссыльных в июне — июле 1866 г.— «К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу»». М., 1964; С. Ф. Коваль. «Метеор» — рукописный журнал польских ссыльных в Сибири.— «Русско-польские революционные связи и восстание 1863 г.». М., 1962; В. Р. Лейкина-Свирская. О характере восстания ссыльных поляков на Байкале в 1866 г.— «Исторические записки», т. 72, 1962; H. Skok. Powstanie polskich zesłańców za Bajkałem w 1866 roku.— «Przegląd historyczny», 1963, t. LIV, zeszyt 2; Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Русско-польские революционные связи в подполье и ссылке (1864—1866).— «Русско-польские революционные связи. т. 2. М., 1963; («Восстание 1863 года. Материалы и документы»); Л. С. Кашихин. Д. И. Копылов. Н. П. Митина, Б. Г. Пекут. Участники польского восстания 1863—1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963; W. Wdowin. Z dziełów pobytu powstańców styczniowych na Jeńejjskim zesłaniu.— «Przegląd historyczny», 1964, t. LV, zeszyt 1.

ности русских и польских революционных организаций в Москве и Петербурге. В последнее время исследователи стали более обоснованно оценивать общественное и революционное движение в Сибири 60-х годов XIX в.⁵ Существенно увеличались и наши знания о деятельности центрального подполья⁶. Первостепенное значение имеет предпринятое за последние годы группой по изучению революционной ситуации в России в 1859—1861 гг. под руководством академика М. В. Нечкиной многогранное и углубленное исследование революционного движения 50-х — 60-х годов XIX в.

Решение рассматриваемых в данной работе вопросов потребовало не только тщательного ознакомления со всей посвященной им литературой, но и расширения круга источников, привлечения новых архивных материалов.

Ценные документы были найдены в делах Центрального государственного исторического архива СССР в Москве (ныне отдел дореволюционных фондов ЦГАОР СССР). Это прежде всего документы, отложившиеся в делах III отделения (ф. 109и, I и IV экспедиции, секретный архив), Петербургской следственной комиссии (ф. 95и), фонда Нерченской каторги (ф. 29и) и др. Кроме того, использованы материалы таких архивохранилищ, как Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ) и Библиотека Ягеллонского университета.

Учет материалов, хранящихся в советских архивохранилищах, для советско-польского издания «Восстание

⁵ Я. Р. Кошелев. Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX в.). Томск, 1962; В. Ф. Бордунов. Еще раз о некоторых проблемах истории Сибири (по материалам ноябрьского совещания авторского коллектива) — «История СССР», 1964, № 2; Н. П. Митина. Революционно-демократическое движение в Сибири в канун восстания польских ссыльных на Кругобайкальской дороге. — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XXIX, М., 1965; С. Ф. Коваль. Общественное движение и классовая борьба в Сибири во второй половине XIX в. — «История Сибири», т. III, раздел 1. Новосибирск, 1965 (макет).

⁶ Р. В. Филиппов. Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова. Петрозаводск, 1964; Э. С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.

1863 г. Материалы и документы» позволил ознакомиться со значительным числом документов, имеющих во многих архивах нашей страны. Особенный интерес для исследуемой темы представляют материалы государственных архивов Тюменской, Омской и Читинской областей.

Изученный архивный материал — это преимущественно документы, характеризующие наблюдение администрации за ссыльными и борьбу царских властей с оппозиционными и революционными настроениями, проявлявшимися в ссылке. Ценные материалы содержатся в делах специальных следственных комиссий, созданных в Сибири для расследования революционной деятельности среди ссыльных, а также в делах следствия по делу Каракозова. Важная группа источников, исходящая от организаторов восстания, представлена в архивах лишь единичными документами. Этот существенный пробел несколько восполняет мемуарная литература. Особенно интересны воспоминания участников событий: В. Левандовского⁷, З. Одживольского⁸, А. Розманита⁹ и автора-анонима¹⁰.

Из неопубликованных материалов использованы мемуары Зыгмунта Минейки¹¹ — активного деятеля революционного движения в Литве, члена организации З. Сераковского, командира революционного отряда, военного начальника Ошмянского уезда Виленской губернии. В Сибири Минейко был одним из руководителей революционной организации ссыльных. Это единственные воспоминания, которые содержат сведения о начальных стадиях создания революционной организации ссыльных. Они дают ключ к пониманию целого ряда архивных документов.

Для характеристики общественного и революционного движения в Сибири в 1863—1865 гг. первостепенное значение имеют воспоминания видных революционных деятелей этих лет — Г. Н. Потанина¹² и Н. М. Ядринцева¹³.

---

⁷ W. Lewandowski. Pamiętniki.— «Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego Polskiego w Rapperswilu za rok 1908». Paryż, 1909.

⁸ Z. O[drzywolski]. Powstanie polskie nad Bajkałem i sprawa Kazańska. Lwów, 1878.

⁹ A. Rozmanith. Wspomnienia znad Bajkału. Kraków, 1870.

¹⁰ «Polacy na Syberii i powstanie nad Bajkałem». Poznań, 1878.

¹¹ Z. Minejko. Wspomnienia.— Biblioteka Jagiellońska, rkp. № 7092, т. I—VIII, 1913—1925.

¹² «Сибирская жизнь», Томск, 1913—1917 гг.

¹³ «Восточное обозрение», СПб., 1884, № 6, 26, 33.

Исключительный интерес для изучения восстания на Кругобайкальском тракте представляют записи П. А. Кропоткина ¹⁴ «Полевой суд, учрежденный в Иркутске по делу о возмущении преступников на Кругобайкальской дороге».

---

¹⁴ П. А. Кропоткин с 1862 по 1867 г. был чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири и присутствовал на суде над участниками Кругобайкальского восстания. «Я составил подробный отчет,— пишет он,— который и был к великому неудовольствию генерал-губернатора помещен целиком в „Биржевых ведомостях“ за 1866 г.» («Записки революционера». СПб., 1906, стр. 196). Корреспонденции Кропоткина были полностью перепечатаны в журнале «Былое» (1921, № 17).

1.

Повстанцы 1863 г. в сибирской ссылке

В ночь с 10 (22) на 11 (23) января 1863 г. в двадцати пунктах Королевства Польского отряды повстанцев напали на царские гарнизоны. Так началось национально-освободительное и антифеодалное вооруженное восстание польского народа. Восстание быстро росло и вскоре охватило Литву, Белоруссию и Правобережную Украину. Оно продолжалось около полутора лет.

Самодержавие, вступив на путь жестокой расправы с революционным и национально-освободительным движением, применило в невиданных масштабах старую и испытанную меру наказания — лишение родины, семьи, имущества и гражданских прав. С момента начала восстания 1863 г. территорию Королевства Польского, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины покрыла сеть следственно-судебных учреждений¹, основное назначение которых заключалось в том, чтобы прикрыть произвол, насилие и жестокость террора военной диктатуры видимостью правосудия и законности. Уже к лету 1863 г. в следственные комиссии поступили тысячи арестантов. Стала широко практиковаться административная высылка и отдача в арестантские роты и в солдаты по одному предварительному следствию.

Яркая оценка беззакония судебно-следственных органов царского самодержавия имеется в записке представи-

¹ См. Л. А. Обухенкова. Архивные материалы судебно-следственных учреждений 1863—1866 гг. по делам участников восстания.— «К столетию героической борьбы „За нашу и вашу свободу“». М., 1964, стр. 211—279.

теля высшей царской администрации — министра внутренних дел П. А. Валуева. «Ни Англия, ни Франция, — писал он, — не ссылали и не ссылают без различия виновности, состояния, возраста и пола, как ныне производится у нас ссылка поляков из Западного края, а отчасти и из пределов Царства...

Между ними встречаются лица всех сословий, всех возрастов обоего пола и всех степеней виновности или более или менее доказанной или предполагаемой неблагонадежности. Есть члены Совета управления Царства, высланные впредь до окончания беспорядков, даже без лишения эмеритуры, предводители дворянства, чиновники, помещики, шляхтичи, ксендзы, мещане и крестьяне. Одни высланы за прямое участие в вооруженном восстании после взятия в плен с оружием в руках; другие — за другие виды участия в мятеже; еще другие — за неблагонадежность, обнаруженную их поступками, за оговор посторонними лицами, за праздношатательство с подозрительной целью; некоторые — за имение при себе запрещенных знаков, сочинений или одежды, например один из них — за найденные у него чамарку (национальная одежда. — *Н. М.*) и стихи; наконец, некоторые другие за участие, принятое в мятеже односельчанами или соседями. Многие высылаются в полном составе семейств, с малолетними детьми и престарелыми членами этих семейств. Главных виновных ожидают сокращенный военный суд и затем арестантские роты. Остальные высылаются на жительство под надзор полиции или для водворения на казенных землях. Высылка производится или определяется иногда с такой поспешностью, что в Сибирь высылаются лица, предназначавшиеся на жительство в Европейской России, чему было несколько примеров по Царству, или что сделанное распоряжение о высылке вслед затем отменяется, чему было несколько примеров по Виленскому генерал-губернаторству»².

Общее число высланных из Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Украины за участие в восстании 1863—1864 гг. достигло 36 459 человек³. В ведомости министерства внутренних дел указано 39 губерний, не считая Западной и Восточной Сибири, где отбывали наказание поль-

² ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1863 г., д. 23, ч. 341, лл. 52—53.

³ Там же, литер Г, л. 160.

ские повстанцы. Значительное число ссыльных направлялось в Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Казанскую, Костромскую, Нижегородскую, Олонецкую, Оренбургскую, Орловскую, Пермскую, Тульскую, Самарскую, Харьковскую и другие губернии⁴.

В Западную и Восточную Сибирь за участие в восстании было сослано 18 606 человек⁵. Осужденных для отправки в Сибирь польских повстанцев делили на четыре большие группы⁶. Первую составляли приговоренные к пожизненным каторжным работам. Как правило, такой приговор, как и смертная казнь, выносился лицам, обвиняемым по первой категории действующих в следственно-судебных учреждениях инструкций. Для лиц второй категории виновности предусматривалось осуждение в каторжные работы на различные сроки. Нередко на каторгу осуждались обвиняемые и по третьей категории — крестьяне и ремесленники.

Каторжные работы подразделялись на три разряда. К первому относились самые тяжелые и продолжительные работы в рудниках. Обычно к ним приговаривали либо пожизненно, либо на 15 лет. Ко второму разряду относи-

---

⁴ Там же, лл. 162—164.

⁵ Там же, ч. 341, л. 365.

⁶ Все арестанты — участники восстания 1863 г. делились на пять категорий виновности. К первой категории относились все предводители повстанческих отрядов, революционные эмиссары, члены Центрального революционного комитета, а также военно-служащие, перешедшие на сторону повстанцев. Ко второй категории виновных причислялись повстанцы, взятые в плен с оружием в руках, а также лица, «которые по образованию и положению в обществе могли иметь и имели вредное влияние на массы народа». К этой категории были отнесены помещики, духовенство, купцы, врачи, учителя, чиновники, отставные государственные служащие, отставные чиновники и нижние чины. По третьей категории виновности судились повстанцы, взятые с оружием в руках, а также «явно изобличенные в участии в мятеже», но не имеющие существенного влияния на распространение восстания, которые были «более или менее увлечены примером и возбуждением других». К этой категории относились крестьяне, ремесленники, несовершеннолетние (гимназисты, учащиеся разных училищ) и др. По четвертой категории виновности обвинялись лица, заподозренные в оказании материальной помощи повстанцам, предоставлении им пристанища, а также не донесшие властям о местонахождении повстанцев. К пятой категории относились повстанцы, добровольно сложившие оружие (ЦГАОР, ф. 109я, I экзп., 1863 г., д. 23, ч. 341, лл. 17—23).

лись работы в крепостях и к третьему — на заводах. Сибирской администрации предоставлялось право самой размещать приговоренных к каторге и регулировать время отбывания наказания.⁷

К осени 1864 г. Совет Главного управления Восточной Сибири определил места, в которых должны были отбывать наказание приговоренные к каторжным работам участники революционного и национально-освободительного движения. Были выбраны три пункта Нерчинского горно-заводского округа; Александровский завод, Кадаинский и Акатуйский рудники, Чита и расположенная в 30 км от нее деревня Сиваково, Иркутск (два здания тюрьмы для временного помещения вновь прибывающих), деревня Лиственичная у Байкала, Иркутский солеваренный завод (Усолье), Петровский железоделательный завод, Усть-Кутский и Троицкий солеваренные заводы, города Сре́тенск и Киренск⁸.

Следующую группу ссыльных составляли повстанцы, приговоренные к пожизненному поселению с полным лишением всех прав и имущества. Ссылка на поселение в Сибирь имела два вида: в отдаленные губернии (Иркутскую и Енисейскую) и менее отдаленные (Томскую и Тобольскую). Этот приговор выносился в основном повстанцам, судимым по второй категории виновности. Нередко лица привилегированного сословия, приговоренные к смертной казни или каторжным работам, в связи с «монаршей милостью» высылались на вечное поселение. Лица податных сословий до перехода на поселение отбывали каторгу на заводах.

Третью группу составляли ссыльные, высылаемые на жительство с полным или частичным лишением прав и имущества либо с сохранением их. Это была «исправительная» мера наказания для лиц в основном привилегированного сословия.

Наконец, к четвертой группе ссыльных относились высылаемые на «водворение». Как правило, к водворению присуждались лица, судимые по третьей и четвертой категориям виновности и принадлежащие к податным сосло-

---

⁷ Так, полтора года работы на заводах соответствовали одному году работы в рудниках Нерчинского округа.

⁸ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1863 г., д. 23, ч. 341, лит. Е, л. 173 и об.

виям⁹. Среди приговоренных к водворению было три категории: 1) сосланные по судебным приговорам; 2) отправленные на водворение по окончании срока заключения в арестантских ротах и 3) сосланные административным порядком¹⁰. Зачастую выселялись целые околицы и села в полном составе, особенно из Литвы и Белоруссии. Высылаемые на водворение зачислялись в категорию государственных крестьян.

Местами ссылки в Западной и Восточной Сибири были преимущественно города и села Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. С 1863 по 1867 г. в Тобольскую губернию на поселение, жительство и водворение было выслано 4101 человек¹¹, из них на водворение — около 3000. В Томскую губернию было направлено 6306 человек, из них на водворение — 4300, на жительство — более 1000, на поселение — 10, остальные прибыли добровольно (члены семей сосланных)¹². В Енисейской губернии в Ачинске, Канске, Минусинске, Енисейске, Туруханске и их округах было размещено 3719 ссыльных¹³. И здесь самые боль-

⁹ Согласно циркулярному предписанию П. А. Валуева от 9 октября 1864 г., дворяне, сосланные на водворение, перечислялись в категорию сосланных на жительство (ЦГАОР, ф. 109н, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 341, л. 297).

¹⁰ Там же, 1870 г., д. 14, ч. 305, л. 48.

¹¹ Там же, 1863 г., д. 23, ч. 341, л. 365.

¹² Там же.

¹³ Там же.

По сведениям, имеющимся в Красноярском архиве, в Енисейской губернии отбывали ссылку 4419 польских повстанцев, социальный состав которых передан в таблице следующим образом:

Шляхта (дворяне)	1635	Чиновники	57
Шляхта (шляхтичи)	230	Духовенство	56
Крестьяне	606	Однодворцы	54
Мещане	403	Врачи	5
Иностранные подданные	157	Купцы	3
Военные	103	Актеры	2
Учащиеся	67	Архитектор	1
Рабочие	63	Не имеют данных о социальном происхождении и положении	917
Помещики	60		

Итого 4419

(W. Wdowin. Z. dziejów pobytu powstańców styczniowych na Jęniejskim zesłaniu.— «Przegląd historyczny», 1964, t. LV, zeszyt 1).

Как показывают приведенные данные, состав ссыльных был довольно пестрым, среди них были представлены все сословия и

шие группы составляли приговоренные к водворению (1800) и поселению (1700 человек).

Больше всего ссыльных было сосредоточено в Канском (1457 человек) и Минусинском (1026 человек) округах. В Тасеевской волости Канского округа, насчитывающей 12 003 жителя и 3622 хозяйства, было поселено 1439 польских ссыльных, т. е. один ссыльный приходился на восемь местных жителей и на два с половиной хозяйства. В Ирбейской волости были такие деревни, в которых на 17 местных жителей приходилось 25 ссыльных¹⁴. В Иркутскую губернию и Забайкальскую область с 1863 по 1867 г. было сослано 4424 польских повстанца — 3883 на каторжные работы, 404 на поселение, 10 на жительство и водворение и 127 прибыли добровольно¹⁵. В Якутской области за это же время отбывали наказание 56 польских ссыльных, главным образом сосланных на жительство¹⁶.

Таким образом, наибольшая часть поляков, сосланных в Западную и Восточную Сибирь, была выслана на водворение (около 9000 человек). Распределялись они в Томской, Тобольской и Енисейской губерниях. Следующую большую группу ссыльных составляли приговоренные к каторжным работам — около 4000 человек. Они отбывали наказание на рудниках и заводах Забайкальской области, Иркутской и Енисейской губерний. Осужденные на поселение польские ссыльные составляли немногим более 2000 человек. Они размещались в основном на территории Енисейской и Иркутской губерний. Значительное число ссыльных (около 3000 человек) было выслано на жительство, главным образом в города и села Тобольской и Томской губерний.

Условия отбывания наказания были ужасными. Лицам низшего сословия, как лишенным прав состояния, так и не лишенным, никакого пособия не выдавалось. Исключение составляли только признанные нетрудоспособными. Им назначались кормовые арестантские деньги.

все группы. Около половины ссыльных принадлежало к привилегированным сословиям, что соответствует количественным данным о сосланных на поселение.

¹⁴ W. W d o w i n. Указ, соч., стр. 88.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 109я, I эксп., 1863 г., д. 23, ч. 341, л. 365.

¹⁶ Там же.

Ссылным из дворян, высланным без лишения и ограничения прав и не имеющим собственных средств к жизни, разрешалось выдавать по 15 копеек в сутки. Лицам из привилегированного сословия, сосланным в Сибирь с лишением прав состояния, впредь до прочного устройства их на местах выдавались арестантские кормовые деньги по 7 копеек в сутки.

Пособия эти были так ничтожны, что обеспечивали лишь полуголодное существование.

Мауриций Сулистровский был осужден в каторжную работу, в мае 1866 г., по манифесту, уволен на поселение. Вот что он писал брату Казимежу из Балаганского округа Иркутской губернии: «Поселенцев в Иркутской губернии около полутора тысяч. Трудно, чтобы такая масса нашла службу, хорошо еще для тех, кои имеют какое-нибудь содержание от родственников, но те, кои ничего не получают и не знают никакого ремесла, очень часто работают у какого ни есть хозяина, но какая работа? Поутру дает он выпить кирпича (это кирпичный чай, общеупотребительный у крестьян Забайкальской области), а в обед какие-то щи или похлебка, и таким кушаньем утоляешь свой желудок, а для покрытия тела, для удовлетворения потребностей души, скажи, что остается? разве слезы, досада, печаль и рублище. Вот картина поселения, по моему убеждению, это более, чем каторга»¹⁷.

Не легче было положение ссылных, приговоренных к водворению. У большинства из них не было никакого имущества, кроме рубахи на смену; платье и обувь находились в жалком состоянии. Не желая мириться с мыслью, что им нет возврата на родину, они упорно отказывались от земли. Многие приговоренные к водворению жили в городах, живущие в деревнях занимались в основном охотой¹⁸.

В марте 1867 г. томский штаб-офицер майор Тиц сообщал в III отделение, что из сосланных на водворение 4000 поляков едва ли четвертая часть правильно водворена. «Поэтому,— указывал он,— не имея постоянных занятий, под предлогом приискания себе работ безотчетно переходят из волости в волость, скопляются по произволу в городах и селениях, ближе к почтовому большому тракту

---

¹⁷ ЦГАОР, ф. 95я, оп. 1, д. 302, ч. 1, л. 280 и об.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 109я, I эксп., 1866 г., д. 7, ч. 48, л. 50 и об.

и частью на тракте большими партиями, проживают на работе с дозволения и без оного по году и более на заводах частных лиц, преимущественно на тех, которыми управляют ссыльные же поляки»¹⁹.

Положение ссыльных было настолько тяжелым, что обсуждение этого вопроса занимало значительное место в ведомственной переписке царских чиновников, опасавшихся волнений в местах ссылки. О крайне неудовлетворительном положении ссыльных, о нужде и голоде постоянно доносил в III отделение штаб-офицер Енисейской губернии Н. П. Борк. В июле 1866 г. он писал, что заведующий временным управлением по политическим делам майор Купенко при объезде Канского округа «нашел там положение политических ссыльных в таком неудовлетворительном состоянии, которое превзошло все дошедшие до него по этому предмету слухи и сообщения. Они еще совершенно не устроены, терпят крайнюю нужду, не зная, как найти средства для своего существования, в особенности при недавно последовавшем запрещении отлучаться им из деревень, к которым они причислены. Кормовые деньги не выданы... около 150 человек дряхлых больных... Неудовольствие, жалобы, ропот раздаются как с их стороны, так и со стороны крестьян, стесненных помещением среди них большой массы бесприютных и голодных людей. Местная администрация, по словам его, как будто нарочно и методически ведет дело так, чтобы вынудить их на возмущение»²⁰.

8 января 1866 г. правительство издало «Правила по устройству быта политических ссыльных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и Западных губерний». Согласно этим правилам, политическим ссыльным запрещалось заниматься воспитанием детей и преподаванием, обучением детей мастерству, иметь аптеки, типографии, литографии, фотографии, а также служить в подобных заведениях, жить в домах, где помещались почтовые и телеграфные станции, служить во всех правительственных учреждениях, наниматься на золотые

---

¹⁹ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1866 г., д. 217, ч. 7, лл. 12 об.— 13.

²⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 341, лит. I, л. 181 и об.

прииски, заниматься торговлей вином, иметь медицинскую практику²¹.

Широкие слои русского общества выражали сочувствие участникам революционного и национально-освободительного движения.

В связи с отправлением партий ссыльных из Динабурга жандармский штаб-офицер в августе 1863 г. доносил в III отделение, что «здесь встречается неуместное публичное выражение чувств, которое как дело общественное ставит в ложном свете осужденных справедливостью закона и, по всей вероятности, вредно влияет на лиц с шаткими убеждениями в благих и честных мерах правительства против изменников законному государю»²². Один из польских ссыльных писал впоследствии в своих воспоминаниях: «Как реки, разливались по России по всем направлениям партии польских ссыльных, вытоптав в этих тернистых походах всю ее землю... и повсюду русский народ выказывал полякам доброе отношение»²³.

Нередко политические ссыльные встречали в России людей, относившихся с симпатией к делу, за которое они боролись и подверглись изгнанию. В Москве польские арестанты, помещенные в Туговских казармах, расположенных возле Екатерининского сада, по вечерам устраивали концерты. Обычно они исполняли народные и военно-патриотические песни. Народ с большой теплотой принимал эти выступления. «Энтузиазм возрастал с каждым днем, — пишет польский мемуарист, — а под конец дошел до того, что, кроме аплодисментов и криков „браво“, женщины махали платками, а мужчины бросали вверх шапки, шляпы и громко кричали ура... „Да здравствуют братья поляки!“ Мы не оставались в долгу. Ссыльные бросали также шапки, конфедератки и шляпы и кричали: „Да здравствуют москвичи! Да здравствует русский народ! Да здравствуют славяне!“»²⁴.

В Рязке во время следования через него польских рекрут в марте 1863 г. в квартире чиновника палаты государственных имуществ Гаврилова был устроен вечер с уча-

²¹ Там же, л. 113 и об.

²² ЦГАОР, ф. 109п, I экзп., 1863 г., д. 23, ч. 237, л. 29.

²³ Z. K o w a l e w s k a. Ze wspomnień wygnańca. Wilno, 1911, str. 90.

²⁴ Wł. Z a p a ł o w s k i. Pamiętniki 1863—1870, t. I. Wilno, 1913, str. 69.

ствием поляков, на котором был провозглашен тост за успехи Польши и «высказано особенно живое сочувствие к революционерам»²⁵. В апреле 1863 г. оренбургский помещик отставной поручик Н. Ф. Дмитриев при прохождении польских ссыльных пригласил к себе в дом 12 человек, устроив в честь их обед, во время которого пелись польские патриотические песни²⁶.

Со всех концов России поступали в III отделение сведения об оказываемых польским ссыльным «послаблениях» и сочувствии в пути следования и в местах ссылки. Из Нижнего Новгорода агент III отделения сообщал, что во время следования партий политических польских арестантов они, оставаясь в городе по несколько дней, пользуются чрезвычайной свободой, гуляют по улицам города, не соблюдают правил «благочиния и вежливости»²⁷. Оренбургский жандармский штаб-офицер доносил, что с момента поступления польских ссыльных в различные места губернии они снискали расположение многих жителей. Теплый прием был оказан им не только в частных домах, но и лицами, занимающими административные должности²⁸.

В июле 1865 г. в III отделение поступило сообщение от генерал-полицмейстера Царства Польского Трепова о том, что по сведениям, полученным Временной военно-следственной комиссией при наместнике Царства Польского, политические ссыльные, сосланные в Оренбургскую губернию, приобретают огнестрельное оружие, порох.

Из Пермской губернии в октябре 1863 г. агент III отделения доносил, что «жители Чердыня выражают к этим (ссыльным. — Н. М.) полякам полное сочувствие, принимают их у себя дома, устраивают для них вечера»²⁹. На радостный прием польских ссыльных в домах некоторых чиновников, например судебного следователя Иванова, лесничего Ребендера, уездного исправника Варганова, указывал пермский жандармский штаб-офицер³⁰.

---

²⁵ Т. Г. Снитко. Революционная демократия в России и восстание 1863 г. — «Русско-польские революционные связи», т. 2. М., 1963, стр. 156—158. («Восстание 1863 года. Материалы и документы»).

²⁶ Там же, стр. 108—109.

²⁷ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1863 г., д. 23, ч. 157, л. 27.

²⁸ Там же, ч. 523, л. 82 об.

²⁹ Там же, ч. 187, л. 14 и об.

³⁰ Там же, л. 18.

Ночлег на этапе

Еще большее сочувствие и внимание ссыльные встречали за Уралом. С большой теплотой и благодарностью вспоминали польские ссыльные простых людей, оказавших им искреннюю помощь и сочувствие. «Они видели в нас не врагов, — вспоминал З. Кердей, — а только несчастных. Особенно нас жалели крестьяне из глухих деревень... Еще тяжелей становилось на сердце, когда мы встречали такое простое, искреннее, неподдельное сочувствие»³¹. О доброжелательном отношении и гостеприимстве сибирских крестьян пишет и З. Минейко. «Радужный прием, обильная и вкусная пища, удобные ночлеги воссатанавливали наши силы, улучшали состояние здоровья»³². Минейко подчеркивает, что сибиряки не брали с ссыльных денег. Польские мемуаристы отмечают не

³¹ Z. Kierdej. Wspomnienia z wygnania 1865—1874 roku. Poznań, 1875, str. 55.

³² Z. Minejko. Wspomnienia, t. VII, str. 174. — Biblioteka Jagiellońska, rkp. № 7092.

единичные случаи, когда жители Сибири предлагали полякам усыновление: «Ты на чужбине, — говорили они, — у тебя здесь нет ни отца, ни матери, зачем тебе мучиться да по чужим людям скитаться, мы узнали тебя, ты трудолюбивый, честный, оставайся у нас, старых, все наше хозяйство будет твое»³³.

С большой теплотой и грустью население Сибири провожало на родину или в другие губернии отбывших срок ссылки поляков. «С одной стороны, я рад, очень рад, что после душевной и физической пытки наконец вы возвращаетесь на родину, но с другой стороны, жалко нам, жалко, что такие люди, как вы, уезжают из Сибири»³⁴, — заявляли многие сибиряки. Когда поляки возвращались на родину и покупали на дорогу чай, сахар, табак, с них не брали денег, разве только в тех магазинах, где не знали, что они уезжают³⁵.

В тяжелых условиях длительных этапных переходов положение ссыльных в значительной мере зависело от сопровождающего офицера. «Если этапный офицер оказывался добрым человеком, — вспоминал польский ссыльный В. Лясоцкий, следовавший в Восточную Сибирь с женой, — то он политических ссыльных отделял от уголовных, на этапах не делал на холоде переклички, а сразу впускал в камеры, зимою приказывал хорошо топить, позволял уходить на почлег в деревню и т. п.»³⁶ С большой теплотой пишет В. Лясоцкий о командире арестантской роты в Томске офицере Наумове и его жене. «Всю жизнь я вспоминал и буду вспоминать этих людей с глубокой благодарностью»³⁷.

Нередко этапные офицеры за время пути настолько сближались с ссыльными, что фотографировались вместе, чтобы иметь память о возникшей симпатии, а может быть и дружбе. Так, пермский губернатор в ноябре 1864 г. сообщал в III отделение, что в Екатеринбурге сопровождавший партию подпоручик Васильев фотографировался с несколь-

---

³³ Wł. Czaplicki. Czarna księga. 1863—1869. Kraków. 1869, str. 109.

³⁴ Там же, стр. 106.

³⁵ Там же, стр. 111.

³⁶ W. Lasocki. Wspomnienia z mojego życia, t. II. Kraków, 1934, str. 115—116.

³⁷ Там же.

кими пересыльными поляками³⁸. Фотографирование по дороге в ссылку, по-видимому, было нередким явлением, так как в июле 1865 г. последовал специальный циркуляр министерства внутренних дел, запрещающий польским арестантам фотографироваться по пути в места ссылки³⁹.

Нет почти ни одного воспоминания ссыльных, в которых бы не посвящалось хотя бы несколько теплых слов тобольскому губернатору А. И. Деспот-Зеновичу. Воспитываясь в доме Тучковых, он, по мнению тобольского жандармского штаб-офицера, «еще юношей мог быть ознакомлен с завиральными идеями»⁴⁰. После окончания университета А. И. Деспот-Зенович за неблагонадежность был выслан в Пермь под полицейский надзор. Позднее он был назначен городничим Кяхты и здесь, по определению жандарма, «продолжал быть тем, чем вышел из университета». В 1862 г. он стал тобольским губернатором. Генерал-губернатор Западной Сибири, узнав об этом назначении, жаловался в Петербург, что «чересчур либеральное направление нового губернатора его крайне беспокоит»⁴¹. По словам Л. Ф. Пантелеева, «в Тобольске Александр Иванович оставил по себе глубоко признательную память во всех слоях населения благодаря своей честности, просвещенной деятельности и неутомимой борьбе со всяким произволом и беззаконием... Само провидение послало его в Тобольск, через который за время губернаторства Александра Ивановича прошли десятки тысяч ссыльных поляков»⁴².

Несмотря на запрещения, установленные существующим законодательством, в Тобольской губернии всем присутственным местам и казенным учреждениям дано было негласное право предоставлять работу сосланным полякам. Польские ссыльные занимались письмоводительством даже в полиции. Ссыльным разрешено было иметь оружие. Порох продавался без ограничения, для этого не требовалось даже удостоверения полиции. Сосланные ксендзы могли проводить богослужения. Польский ссыльный Генрик Самборский в своих воспоминаниях писал: «Сердечное отношение тобольского губернатора Деспот-Зеновича, его поведение, как и все благородное обращение на таком щекот-

³⁸ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1863 г., д. 23, ч. 523, л. 15.

³⁹ Там же, л. 25.

⁴⁰ Там же, 1866 г., д. 7, ч. 48, л. 26.

⁴¹ Там же.

⁴² Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 430.

ливом посту, должно стать известно широкому обществу как выдающийся факт в истории ссылки»⁴³.

Среди тобольских чиновников было немало таких, которые, как и губернатор, проявляли чуткое отношение к ссыльным. К их числу принадлежали председатель губернского правления М. Н. Курбановский, губернский стряпчий Знаменский, губернский архитектор Черненко, советник губернского правления Петухов, исправник Матусевич, председатель казенной палаты В. П. Неудачин и др.⁴⁴ С большой теплотой вспоминают польские ссыльные тюменского городничего В. Я. Стефановского. Он предоставил им всяческие облегчения. В знак сердечной благодарности польские ссыльные подарили Стефановскому вазу работы ссыльного Черняка⁴⁵.

По распоряжению томского губернатора Г. Г. Лерхе ссыльные поляки могли занимать должности волостных и сельских писарей. Ссыльные-писари имели большое влияние на волостное и сельское начальство, которое по большей части было безграмотно, и тем самым, по характеристике томского жандармского штаб-офицера, «делали много злоупотреблений и давали своим собратьям полную свободу»⁴⁶. С ведома губернатора ссыльным разрешалось наниматься управляющими заводами частных лиц, что давало им возможность совершенно свободно разъезжать из волости в волость, из города в город и даже выезжать за границы Томской губернии⁴⁷.

Покровительство губернатора Лерхе, указывал томский жандарм, «служило заразительным примером для многих из служащих и граждан Томской губ. В особенности богатые смотрели на ссыльных как на людей, по несчастью пострадавших, и высказывали им особенное внимание, не говоря уже личностях служащих и граждан либеральных направлений... Из русских в этом отношении более замечательны учителя томской гимназии Аристов, Парамонов, Чигирь и священник Вакх Гурьев, томский окружной судья Пушкарёв и инспектор семинарии Шавров, купцы

---

⁴³ H. Sam b o r s k i. Wspomnienia z powstania 1863 roku i pobytu na Syberii. Warszawa, 1917, str. 58.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1866 г., д. 7, ч. 48, лл. 34 об.— 37 и об.

⁴⁵ Z. K o w a l e w s k a. Указ. соч., стр. 106—107.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1866 г., д. 217, ч. 7, л. 13 об.

⁴⁷ Там же, л. 14.

два брата Окуловых, Акимов, Баранцев и Пичугин»⁴⁸. В феврале 1864 г. штаб-офицер сообщал, что «проживающие в Бийске польские ссыльные пользуются знакомством в кругу благородного общества сего города, введены в учрежденное по подписке на зимний сезон общественное городское собрание наравне с местными жителями и некоторые из них записаны даже членами сего собрания»⁴⁹. Начальник горных нерчинских заводов инженер-полковник О. А. Дейхман проявлял гуманное отношение к ссыльным в его округе, в частности к больному М. Л. Михайлову, за что был отдан под суд. Комендант Усольской каторги полковник Туров освободил ссыльных от оков, разрешил им в нерабочее время заменять каторжную форму⁵⁰.

Однако не следует преувеличивать «послабления», оказываемые представителями сибирской администрации польским ссыльным и русским революционерам. Во-первых, человеческое отношение отдельных административных лиц к ссыльным потому и запомнилось и отмечалось мемуаристами, что оно было исключением в системе произвола и насилия царского административно-полицейского режима. Во-вторых, оно в основном распространялось на лиц привилегированных сословий, да и то немногих.

Польские ссыльные, со своей стороны, испытывали чувства глубокой и искренней симпатии к русскому народу. Архивные материалы свидетельствуют о бескорыстной и самоотверженной помощи ссыльных, оказываемой населению во время частых пожаров. Так, например, в мае 1864 г., когда партия в 300 человек, в которой было 56 политических ссыльных, проходила на участке Тюмень — Тобольск, в деревне Кутарбитке вспыхнул пожар, охвативший солдатскую слободку. Политические ссыльные, рискуя жизнью, спасали детей, женщин, имущество крестьян⁵¹. Не менее самоотверженно вели себя польские ссыльные во время пожаров в Кургане в 1864—1865 гг. Губернские власти отмечали исключительный героизм поляков во время пожаров⁵². Тобольский жандармский штаб-офицер,

⁴⁸ Там же, л. 15 об.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 109и, I экзп., 1863 г., д. 23, ч. 523, л. 6.

⁵⁰ Z. Kowalewska. Указ. соч., стр. 141.

⁵¹ Л. С. Кашихин, Д. И. Копылов, Н. П. Митина, Б. Г. Пекут. Участники польского восстания 1863—1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963, стр. 62.

⁵² Там же.

сообщая в III отделение, что польские ссыльные ведут себя «столь примерно, тихо и прилично, что желать лучше невозможно», в доказательство своих слов приводит следующий пример: в августе 1864 г. произошел пожар на мучном рынке в Тюмени. Пожар угрожал соседним строениям. Около 300 человек политических ссыльных мужественно вступили в борьбу с огнем, в несколько минут разобрав горевшие здания. В знак благодарности городской голова от лица общества передал ссыльным 25 рублей серебром. Деньги ими были приняты для больных и нуждающихся товарищей⁵³.

Польские ссыльные широко оказывали местному населению медицинскую помощь. Так, например, омский жандармский штаб-офицер в сообщении, направленном в III отделение, отмечал, что сосланный на жительство в Омск врач Юзеф Костелковский «тщательным уходом за больными заслужил всеобщее уважение и признательность»⁵⁴. В 1865 г. Ю. Костелковский принял на себя обязанность врача Омского благотворительного общества. Во время эпидемии сибирской язвы в Омском округе он «своим усердием и знанием дела принес большую помощь местным жителям»⁵⁵.

В Томске во время эпидемии кори самоотверженную помощь населению оказал доктор Мацкевич⁵⁶. Нередко польские врачи делали сложные операции, например доктор Свида⁵⁷.

В записке о состоянии политических ссыльных за 1869 г. сибирские власти специально останавливаются на взаимоотношениях, сложившихся у ссыльных с местным населением: «Нельзя не обратить, однако, внимания на те отношения, которые со времени прибытия в край ссыльных поляков установились между ними и разными слоями русского общества. Вникая в эти отношения, нельзя не заметить, что польские симпатии тем или другим путем находят себе доступ в среду городского общества, и малейшее ослабление надзора в этом отношении может иметь в будущем неблагоприятные последствия»⁵⁸.

---

⁵³ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1863 г., д. 23, ч. 341, лит. Б, л. 20 об.

⁵⁴ Там же, 1869 г., д. 189, л. 2.

⁵⁵ Там же, л. 3.

⁵⁶ Там же, 1866 г., д. 217, ч. 4, л. 262.

⁵⁷ Там же, л. 262 об.

⁵⁸ Там же, 1863 г., д. 23, ч. 341, л. 424 об.

Высылая в Сибирь одновременно участников польского восстания и русских революционеров, царизм невольно способствовал их сближению и установлению между ними связей. Так, в Тобольской губернии польские ссыльные встретили членов пермского кружка А. И. Иконникова, Ф. Некрасова, герценовского эмиссара В. В. Трувеллера, в Енисейской губернии — Н. А. Серно-Соловьевича, П. А. Беневоленского, П. А. Ветопникова, Н. Н. Освальда. На рудниках нерчинской каторги отбывали наказание Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов, А. А. Красовский, Д. А. Юрасов, П. Д. Ермоловой, Н. П. Странден, В. Н. Шаганов, П. Ф. Николаев, Н. А. Ишутин и др. Идеиная близость, чувства искренней дружбы и симпатии связывали русских революционеров с польскими ссыльными. Связи их имели все оттенки — от простого товарищества до революционного содружества.

Глубокая дружба и уважение установились в ссылке между выдающимися русскими революционерами 60-х годов Н. Г. Чернышевским и М. Л. Михайловым, с одной стороны, и польскими повстанцами — с другой. М. Л. Михайлов сначала был выслан на Петровские заводы, а затем на серебряные рудники в Кадай. Находясь в ссылке, он проявлял глубокий интерес к польскому национально-освободительному движению⁵⁹. В его творчестве большое место заняла польская тематика. М. Л. Михайлов горячо приветствовал начало восстания 1863—1864 гг. Он писал:

Настает пора уплат кровавых,
Настает день страшного суда,
Кара злым и торжество для правых —
Лейся, кровь, пытайте, города!⁶⁰

В стихотворении «И за стеной тюрьмы — тюремное молчание» М. Л. Михайлов, скорбя о поражении, не теряет надежды, что «настанет святой великий миг и молодость восстанет, негодуя»⁶¹. В ссылке М. Л. Михайлов перевел одно из лучших стихотворений А. Мицкевича, отразившего трагическую судьбу польского народа, — «К польке-матери».

---

⁵⁹ А. В. Кушаков. О «польской теме» в русской демократической поэзии 60-х годов XIX в. — «Ученые записки Орловского государственного пед. ин-та», т. XV, 1959, стр. 116—118, 125—127.

⁶⁰ М. Л. Михайлов. Сочинения, т. I. М., 1958, стр. 97.

⁶¹ Там же, стр. 101—102.

В конце 1864 г. в Кадай прибыли первые польские ссыльные. М. Л. Михайлов быстро подружился с ними и вскоре завоевал всеобщую симпатию и уважение. Десятки теплых страниц посвятил М. Л. Михайлову в своих мемуарах ссыльный Янковский (Людвик Зелёнка)⁶². Для более близкого общения с польскими товарищами М. Л. Михайлов в течение нескольких месяцев изучил польский язык и владел им, по свидетельству Л. Зелёнки, как настоящий поляк. Находившиеся среди польских ссыльных врачи постоянно заботились о больном туберкулезом легких Михайлове. С большим волнением описывает Л. Зелёнка последние минуты его жизни. Польские ссыльные, согласно последней воле умершего, высекли могилу в гранитной скале, где уже было похоронено двое поляков и итальянец Луиджи Кароли. Здесь, рядом с тремя католическими крестами «стал четвертый, православный, поставленный польской рукой сыну России, мученику за ту же свободу, которую жаждали мы для себя»⁶³.

Яркие строки, свидетельствующие о любви и уважении польских изгнанников к М. Л. Михайлову, содержатся в письме Ш. Токажевского одному из видных участников восстания 1863—1864 гг. — А. Гиллеру⁶⁴.

Сохранились воспоминания как русских, так и польских мемуаристов об искренней симпатии и глубоком уважении польских ссыльных к Н. Г. Чернышевскому. 20 мая 1864 г. Н. Г. Чернышевский был отправлен из Петербурга в сибирскую ссылку. После непродолжительного пребывания в Усолье он находился сначала в Кадае, а с конца 1866 по 1871 г. — в Александровском заводе. Здесь комната Н. Г. Чернышевского была расположена между камерами, в которых жили польские ссыльные, преимущественно мастеровые. В. Н. Шаганов с большой теплотой рассказывает о том, какое огромное уважение питали они к работе Н. Г. Чернышевского. «И как было отрадно видеть, — пишет он, — что все эти люди, имея очень смутное или по большей части не имея и никакого понятия о Чер-

⁶² L. Zielonka. Wspomnienia z Syberii od roku 1863—1869. Lwów, 1866 см. также: Ю. Д. Левин. М. Л. Михайлов и деятели польского освободительного движения. — «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.». М. — Л., 1963, стр. 124—166.

⁶³ L. Zielonka. Указ. соч., стр. 195.

⁶⁴ Biblioteka Jagiellońska, rkp. № 7138, str. 228.

нышевском как писателе и его идеях, были искренне расположены к нему, любили и уважали его»⁶⁵.

О большом влиянии Н. Г. Чернышевского на польских ссыльных вспоминает П. Ф. Николаев, также отбывавший каторгу на Александровском заводе⁶⁶.

Н. Г. Чернышевский, со своей стороны, с глубоким сочувствием относился к польскому национально-освободительному движению и его участникам. Здесь, на Александровском заводе, Н. Г. Чернышевский пишет свой роман «Пролог», получивший высокую оценку В. И. Ленина. В образе Соколовского автор показал своего близкого друга, выдающегося польского революционера-демократа З. Сераковского, казненного в 1863 г.

Расселив по всей России политических ссыльных, царское правительство опасалось распространения ими революционных идей и «нарушения общественного спокойствия». Эти опасения имели серьезные основания. Со времен первого раздела Польши в Сибирь были высланы тысячи польских патриотов. Эта же участь постигла и многих участников русского революционного движения. И в ссылке лучшие представители русского и польского народов не прекращали борьбу против царизма.

В конце XVIII в. польский ссыльный М. Беневский замыслил восстание на Камчатке. На Нерчинской каторге возник проект массового побега. С именем декабристов связаны планы вооруженного восстания в Сибири, имевшего целью свержение царизма. В начале 1830-х годов по инициативе сосланных в Омск участников восстания 1830—1831 гг. здесь было создано тайное общество, охватившее всю Сибирь. Оно объединяло в своих рядах русских, поляков и татар. В 1836 г. в Восточной Сибири был задуман массовый побег польских ссыльных через Саянские горы и Туркестан в Индию. Возглавил его Петр Высоцкий. В 1855 г. в Акатуе возник новый план массового побега.

Циркуляры и инструкции министерства внутренних дел за 1863 г. «во избежание весьма нежелательных и чре-

---

⁶⁵ В. Н. Шаганов. Воспоминания. СПб., 1907, стр. 30—31.

⁶⁶ См. П. Ф. Николаев. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге (в Александровском заводе 1867—1872 гг.). М., 1906.

ватых опасными последствиями встреч»⁶⁷ строжайше предписывали участников восстания 1863 г. размещать отдельно от ссыльных из великорусских губерний и предупреждать все возможности революционной пропаганды. Многие царские сановники предлагали высылать участников русского и польского национально-освободительного движения в самые отдаленные районы империи — в Печорский и Туруханский края, северную часть Архангельской губернии и т. д., чтобы они «не могли быть вредными»⁶⁸. Автор анонимной записки «Взгляд на Сибирь», сетуя на то, что «в последнее время Сибирь и Россия наводнены преступниками-поляками», призывал «обратить главнейшее внимание, чтобы их с русскими не соединять под опасением возмущения. Это опасение,— указывал автор,— еще важнее в Сибири, где теперь водворяется польский элемент, ибо во всех городах и во всех местечках и семействах, где только есть поляки, учителя, наставники и наставницы из них разливают в молодом поколении и в жителях змеиный яд и закваску Петрашевского»⁶⁹. Чтобы «вырвать это зло с корнем», автор записки предлагал всех политических ссыльных селить на севере Томской губернии, ближе к тундре и Ледовитому океану.

Генерал-адъютант Н. А. Огарев, командированный в конце 1863 г. в приволжские губернии в связи с тревожными сведениями о политическом состоянии в них, составил записку о вреде для России переселения польских ссыльных в эти губернии. «При таком положении дел и настроении умов,— писал он,— представляется очевидным, что принятая правительством для умиротворения польского края мера выселения оттуда некоторых личностей (известной категории мятежников) на жительство во внутренние губернии империи оказывается вредной для России. Здесь, преобладая над окружающими их русскими и тайно добываемыми материальными средствами, ссыльные поляки, пропитанные беспредельною к ним ненавистью, как сами, так и через посредство тех русских, которые готовы распространять всякого рода вредные и противоправительственные начала, стремятся поселить недоверие к действиям правительства, имея целью разъединение монарха

⁶⁷ Государственный архив Тюменской области, ф. 152, д. 6, лл. 1, 13.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 109и, I эксл., 1863 г., д. 23, ч. 341, л. 47 и об.

⁶⁹ Там же, 1866 г., д. 5, ч. 7, л. 34 об.

со своим народом. Одним словом,— указывал Огарев,— эта горсть сосланных мятежников-поляков, водворенная в наших внутренних губерниях, действуя в настоящее время не извне, а в самом сердце России, как ядовитая гангрена, въелась в наше государственное тело и мало-помалу изнуряет его нравственные силы». Огарев предлагал селить поляков «в таких отдаленных местностях империи, где они не могли бы вредить нам в политическом отношении». Если это окажется невозможным, Огарев считал, что лучше возвратить сосланных поляков на их родину, где они, по его мнению, будут гораздо менее вредны «общественному спокойствию»⁷⁰.

Сибирская администрация, напуганная массовым прибытием польских ссыльных, не раз обращалась к правительству с требованием об особенном содействии, чтобы «ослабить и уничтожить значение опасности, могущей угрожать краю от скопления в нем значительного числа ожесточенных и доведенных до крайности пролетариев»⁷¹. «Разбросанные на огромных пространствах обширнейшего края,— писал М. С. Корсаков,— нередко вне всякого действительного надзора, предоставленные по необходимости самим себе, политические преступники этих категорий, если не будут по отношению к ним приняты особые меры, могут сделаться весьма вредным элементом в местном населении и, побуждаемые враждебным своим к правительству и русскому народу настроением, покуситься и привести в исполнение действия, опасные для общественного спокойствия»⁷².

В политическом обзоре по Tobольской губернии, составленном весной 1866 г., жандармский штаб-офицер подполковник Рыкачев дал характеристику тем группам населения, на которые, по его мнению, могли иметь влияние политические ссыльные. Первыми были названы поляки численностью около 4000 человек. По определению В. П. Рыкачева, «это население губернии весьма опасно и заслуживает особого внимания правительства». Следующая группа, именуемая ссыльными, достигала в Tobольской губернии, по свидетельству автора обзора, 40000 человек и могла легко сделаться «орудием польской пропаганды». После ссыльных были названы татары — коренное

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 109я, секретный архив, оп. 2, д. 776, лл. 3—4.

⁷¹ Там же, I экзп., 1863 г., д. 23, ч. 341, л. 155 об.

⁷² Там же, л. 146 об.

население Сибири. Среди этой группы, по мнению Рыкачева, имелись «люди торговые и капитальные», которые «не чужды нелепой мечты достигнуть когда-нибудь самостоятельности этого народа». Большую тревогу вызывало и казачье войско, преобразование которого в 1861 г. «ослабило в нем воинский дух и дисциплину, так что в настоящее время оно представляет собой меньшую опору для правительства». Относительно остальных жителей губернии, которые якобы были «чужды всяких политических стремлений», жандармский штаб-офицер тем не менее не решался поручиться, «чтобы влияние какой-либо вредной пропаганды не могло иногда не нарушить спокойствия и порядка даже и среди этого населения, в особенности если принять во внимание, что оно разделено огромными пространствами». Внушали опасения автору обзора и рабочие приисков, которые также были «способны принять участие в беспорядках, если таковые возникнут в Сибири»⁷³. «Все это приводит к убеждению,— писал В. П. Рыкачев,— что в Сибири находится много элементов для произведения беспорядков в стране. К счастью еще, что по настоящее время не нашлось между поляками энергического и смелого вожака вроде Лянговича и Мерославского. Подобные личности сумели бы воспользоваться всеми местными средствами. Хотя, конечно, они не успели бы возмутить целый край, но легко могли бы произвести беспорядки в разных отдельных его пунктах и вообще поколебать доверие к правительственной власти»⁷⁴.

Обзор жандармского штаб-офицера интересен не только тем, что он свидетельствует о серьезных опасениях, которые внушали сибирской администрации польские ссыльные. Гораздо важнее другая сторона — признание влияния польской пропаганды на местное население и возможности антиправительственного движения в Сибири. Это же опасение высказывал и генерал-губернатор Восточной Сибири. Он писал, что «в среде местного русского населения есть два разряда людей, на которых прибывающие в Восточную Сибирь политические преступники польского происхождения могут иметь весьма вредное для общественной безопасности влияние: это штрафованные нижние чины, зачисленные в казачьи войска Восточной Сибири,

---

⁷³ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1866 г., д. 5, ч. 42, лл. 4—6.

⁷⁴ Там же, л. 10 и об.

и рабочие на золотых промыслах, преимущественно набираемые из класса ссыльнопоселенцев, не имеющих оседлости»⁷⁵.

Представитель сибирских демократов Н. Н. Пестерев, анализируя положение в Сибири, писал в 1867 г.: «Я смело это утверждаю на основании знания сибирского населения и географического положения Сибири, изучивши историю народонаселения, видевши и зная близко это население, его воззрения и положение в материальном и нравственном отношении, понимаю вновь накапливающиеся антиправительственные русский и польский революционные элементы; построение настоящего положения политических дел в России и Польше должно прибавлять, а не убавлять этот элемент на сибирской территории, и скопившийся подобный элемент при теперешнем строе административного порядка и экономического положения этого элемента не только может, но и должно повести к серьезным вспышкам и беспокойствам. Если не будут приняты заблаговременно радикальные экономические преобразования ссыльного населения Сибири, то слова мои сбудутся на практике, и тогда явится неурядица революционных кровавых вспышек»⁷⁶.

Итак, в 60-е годы XIX в. в борьбе с революционным и национально-освободительным движением царизм применил невиданную по масштабам и жестокости меру наказания — массовую высылку. Только в Западную и Восточную Сибирь за участие в восстании 1863—1864 гг. было сослано более 18 000 человек. Сосредоточение во многих городах и волостях Сибири русских и польских революционеров, их идейная близость и взаимопонимание, глубокое сочувствие и помощь им различных слоев населения, а с другой стороны — тяжелое положение ссыльных и ряд других обстоятельств создавали реальные предпосылки для революционного брожения и революционной деятельности ссыльных в Сибири. Прибытие в Сибирь политических ссыльных по времени совпало с подъемом общественной жизни в сибирских городах, с началом деятельности здесь революционно-демократического лагеря.

---

⁷⁵ Там же, 1863 г., д. 23, ч. 341, л. 147 и об.

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. IV, л. 111 и об.

2.

Подъем общественного и революционного движения в Сибири в начале 60-х годов XIX в.

В годы общественного и революционного подъема конца 50-х — начала 60-х годов в России Сибирь испытывала влияние передовых идей и революционно-демократической мысли. Прогрессивно настроенные и демократические слои сибирского населения знакомились с передовыми идеями того времени через печать, выписывая столичные газеты и журналы, а также зарубежную периодику. Огромное влияние на общественность Сибири имел «Современник» Н. Г. Чернышевского¹, а также получаемые нелегально «Полярная Звезда» и «Колокол» А. И. Герцена².

За Урал стала проникать и прокламационная литература. В одном из частных доносов сообщалось, что в Западную и Восточную Сибирь «завозится много экземпляров возмутительных прокламаций, воззваний и брошюр, в том числе организации „Земля и воля“»³. В сентябре 1862 г. начальник Томской губернии уведомил министерство внутренних дел, что в Томске иркутским мещанином Заборовским было получено два воззвания: «Что надо делать войску» и «К молодому поколению»⁴. В мае 1863 г. генерал-губернатор Западной Сибири А. И. Дюгамель сообщил в III отделение, что в Кургане появились брошюры «возмутительного содержания под заглавием „Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти“ и „Земля и воля“»⁵. В июне 1863 г. томский жандармский

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X. М., 1950, стр. 456—477.

² См. Б. Г. Кубалов. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958.

³ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1863 г., д. 280, л. 105 об.

⁴ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1862 г., д. 230, ч. 140, л. 1

⁵ Там же, 1863 г., д. 97, ч. 62, л. 1.

штаб-офицер донес в III отделение, что советником губернского правления А. Романовым получена «Свобода» № 1⁶. В августе 1863 г. иркутский жандармский штаб-офицер писал, что учитель Киренского уезда получил «Свободу» № 1⁷. В сентябре он же сообщил, что из Казани на имя приходского учителя Косыгина также получена «Свобода» № 1⁸. Енисейский жандармский штаб-офицер доносил в августе 1863 г., что из Тюмени на имя бывшего политического ссыльного Рабцевича-Зубковского по почте получено два печатных революционных воззвания⁹. Кроме того, изданная в 1863 г. группой революционеров листовка «Великорус» № 4, как известно, включала Иркутск в число названных в подзаголовке листовки центров конституционного движения Руси, Украины и Сибири¹⁰.

В конце 50 — начале 60-х годов зародилась и сибирская периодическая печать. В нескольких городах Западной и Восточной Сибири — в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске — стали выходить губернские ведомости. Редакторами и корреспондентами некоторых первых сибирских газет были ссыльные петрашевцы. Так, неофициальная часть «Иркутских ведомостей» редактировалась петрашевцем Н. А. Спешневым, сотрудничали в них М. В. Бугашевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов, Р. А. Черносвитов и др. Благодаря их участию «Иркутские ведомости» становятся острой обличительной газетой. На их страницах поднимались насущные общественно-политические вопросы. К этому же времени относится появление первых частных газет — «Амур», «Сибирский вестник», «Кяхтинский листок».

Огромное влияние на общественность Сибири оказывала политическая ссылка. Ссылные несли в Сибирь передовые идеи, веру в светлое будущее России, были примером мужественного выполнения гражданского долга. До амнистии 1856 г. в Сибири находились еще на поселении декабристы С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, А. В. Поджио, Г. С. Батеньков, И. Д. Якушкин, И. А. Анненков,

⁶ Там же, лл. 225—226.

⁷ Там же, л. 241.

⁸ Там же, ч. 71, л. 69.

⁹ Там же, ч. 62, л. 44.

¹⁰ Т. Г. Снытко. Революционная демократия в России и восстание 1863 г. — «Русско-польские революционные связи», т. 2. М., 1963, стр. 75—77 («Восстание 1863 года. Материалы и документы»).

Е. П. Оболенский, Д. И. Завалишин, М. А. Бестужев, И. И. Горбачевский, В. А. Бечаснов, В. Ф. Раевский. На заводах и рудниках Нерчинской каторги пребывали польские изгнанники — участники национально-освободительного движения.

В 1857 г., после освобождения с каторги, были поселены в разных местах Сибири М. В. Буташевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов, Н. А. Спешнев, С. Ф. Дуров, Д. Г. Толь и др. В 1857 г. из Петропавловской крепости был отправлен в ссылку в Сибирь М. А. Бакунин. Все они, особенно Петрашевский, Львов, Раевский, Завалишин, Бестужев и Бакунин, принимали деятельное участие в общественной жизни Сибири.

Прибытие в Сибирь в декабре 1861 г. поэта-революционера М. Л. Михайлова всколыхнуло всю местную передовую общественность и вылилось в политическую демонстрацию. В Тобольске, а затем в Томске, который, по характеристике жандармского штаб-офицера, обращал на себя особенное внимание «по противоправительственному и революционному направлению большей части его населения»¹¹, М. Л. Михайлова посетили многие должностные лица, учителя гимназии и «частные лица — прогрессисты». Как сообщал жандармский штаб-офицер, они «остались в восторге от его либеральных идей». В донесениях жандармов особенно ценны сведения о революционном влиянии, которое оказывали политические ссыльные на население. Начальник VIII округа корпуса жандармов отмечал, что еще до приезда М. Л. Михайлова в Томск в городе появились его сочинения и статьи из «Колокола», после его прибытия они распространились особенно широко¹².

К началу 60-х годов Иркутск наиболее выделялся среди сибирских городов оживленной общественной жизнью. Здесь предпринимались попытки создания частных библиотек, был составлен проект «Общества грамотности», под которым подписалось более 200 человек. К 1861 г. относится основание двух воскресных школ. В открывшейся тогда публичной библиотеке собирался кружок местной интеллигенции, прозванный яacobинским клубом¹³.

---

¹¹ ЦГАОР, ф. 109и, I экзп., 1863 г., д. 140, л. 6.

¹² Там же, л. 24.

¹³ «Очерки прошлого и настоящего Сибири». СПб., 1910, стр. 192—193.

Наивысший подъем революционной деятельности в Сибири приходится на 1863—1865 гг. Наиболее яркими представителями сибирского демократического лагеря в 60-х годах были Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шапков, Н. С. Щукин, Ф. Н. Усов, А. Шайтанов, Д. Л. Кузнецов, Е. Я. Колосов, Н. П. Пестерев, М. В. Загоскин и др. Одни из них были студентами и слушателями учебных и военных заведений Казани, Петербурга, Москвы, другие не покидали Сибири. Но как те, так и другие испытывали огромное идейное воздействие общероссийского освободительного движения.

В 50—60 годах в Петербурге в различных учебных заведениях обучалось немало сибиряков. Петербургский университет, по определению Н. М. Ядринцева, «играл тогда роль фокуса, отражавшего умственную жизнь всего общества, и был центром обмена идей между лучшими представителями старого поколения и восприимчивыми поколениями новыми»¹⁴. Студенчество было одной из активнейших сил революционно-демократического движения. Среди студентов существовала масса кружков и групп, землячеств. Началось брожение и среди студентов-сибиряков. «Идея сознательного служения краю в тот момент, когда в Европейской России пробуждалось тоже самосознание,— вот идея, которая легла в основу нашего сближения»,— писал Н. М. Ядринцев в своих воспоминаниях¹⁵. Он указывал, что инициатива объединения принадлежала Г. Н. Потанину—казацкому офицеру, вольнослушателю Петербургского университета¹⁶, «личности, которая выдавалась своими способностями, серьезными занятиями, замечательным умом и любовью к Сибири»¹⁷. Землячество сибиряков объединяло лиц из разных учебных заведений и разных профессий. Здесь были студенты университета и Технологического института, медики, слушатели духовной академии, художники, военные и кадеты Горного института—Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Ф. Н. Усов, Н. И. Наумов, И. А. Куклин, И. А. Худяков, братья Черемшанские, Е. М. и Н. М. Павлиновы, И. В. Федоров-Омулевский, Перфильев, В. Березовский, А. Красиков, А. К. Шешуков,

¹⁴ «Восточное обозрение», 9 февраля 1884 г.

¹⁵ М. К. Лемке. Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 34—35.

¹⁶ Более подробно о Г. Н. Потанине см.: В. А. Обручев, Г. Н. Потанин. М.—Л., 1947.

¹⁷ «Восточное обозрение», 9 февраля 1884 г.

И. Пирожков и др. Землячество называлось «Молодая Сибирь».

Студенты-сибиряки изучали политическую и экономическую литературу, знакомились с произведениями представителей революционно-демократического лагеря, активно участвовали в жизни и борьбе петербургского студенчества, например в выступлениях против введения матриклов осенью 1861 г. В. Березовский, Н. Лосев, Г. Н. Потанин и другие были в числе арестованных и заключенных в Петропавловскую и Кронштадтскую крепости¹⁸.

Большое влияние на формирование взглядов сибирского студенчества оказала литература, проводившая идею свободного самоуправления областей, замены самодержавно-бюрократического строя федеративным устройством России. Идею федерации развивал на страницах «Колокола» Н. П. Огарев¹⁹. За основу федеративного деления будущей республики он, кроме национального принципа, брал географические и промышленные условия. Среди перечисленных Н. П. Огаревым возможных объединений о Сибири было сказано, что она «громоздится в свои области по направлению к Тихому океану». Н. П. Огарев рассматривал областные самоуправления как этап создания федерации, **соединения** «в общий союз славяно-русских областей». Республиканско-федеративный союз областей провозглашали прокламации «Молодая Россия» и «Великорус» № 4.

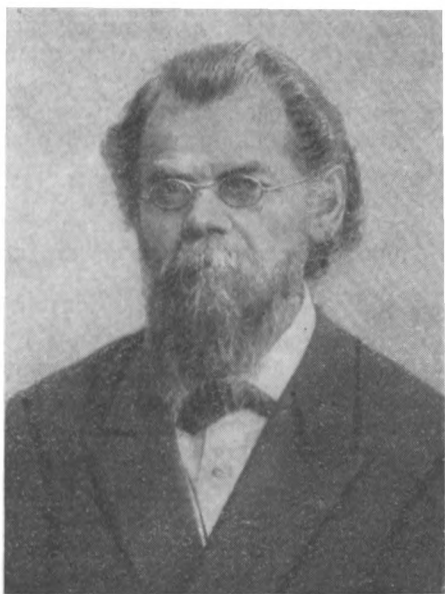
Немалую роль в формировании идеологии сибиряков сыграли лекции профессора Н. И. Костомарова и А. П. Шапова. «Я припомнил,— писал Н. М. Ядринцев,— лекции Костомарова, кружок Шевченко, его поэзию, лекции об областности Шапова — все это материал, канва»²⁰.

О влиянии революционных общественных идей 60-х годов на мировоззрение сибирских демократов писали сами члены сибирского демократического лагеря. «Годы, проведенные в Петербурге,— писал Г. Н. Потанин,— были самые важные в нашей жизни. Новые идеи, новые течения сыпались на наши головы». Г. Н. Потанин называет петербургский период временем политического воспитания.

¹⁸ Т. Г. Снытко. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г.— «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 234—238.

¹⁹ См. «Колокол», № 89, 1861 г.

²⁰ М. К. Ле м к е. Указ. соч., стр. 43.

Г. Н. Потанин

«В эти годы определилась наша индивидуальность,— пишет он,— дано было направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности»²¹.

Влияние передовой общественной мысли на студентов-сибиряков отметила и омская следственная комиссия. В записке этой комиссии указывалось, что «виновники по делу получили настоящее революционное направление в С.-Петербурге, откуда они возвратились около 1863 г.»²² Начальник VIII округа корпуса жандармов Н. Н. Политковский писал в III отделение: «Весь этот безумный замысел людей еще недоучившихся, без всякого сомнения, зародился в головах их отнюдь не в кадетском корпусе, да и вообще не в Сибири, а есть, к несчастью, гибельная прививка современных идей университетов, так как все поименованные выше личности начинали было слушать в

²¹ «Сибирская жизнь», 19 мая 1913 г.

²² ЦГАОР, ф. 109н, I эксп., 1865 г., д. 196, л. 178.

них лекции и, не окончив их, вынесли только оттуда идеи преступных и безумных стремлений к ниспровержению существующего порядка»²³.

Члены сибирского студенческого кружка имели обширные связи с деятелями общероссийского революционного движения. Н. С. Щукин был знаком с представителями передовой русской печати и имел связи с «Колоколом»²⁴. При его содействии Г. Н. Потанин установил связи с издателями «Колокола» и стал одним из его корреспондентов²⁵.

Г. Н. Потанин был лично знаком с Н. Г. Чернышевским²⁶. О широких связях Г. Н. Потанина с революционными деятелями 60-х годов красноречиво свидетельствуют бумаги и письма, отобраанные у него омской следственной комиссией. «В рассмотренных подробно и представленных мною губернатору Лерхе для отправления в г. Омск бумагах и книгах Потанина, — говорилось в донесении томского жандармского штаб-офицера, — хотя и не были найдены прямо его сочинения в зловередном смысле, но в числе писем частной корреспонденции его с разными лицами много доказывают, во-первых, отношение его с лицами, подвергнутыми ссылке как изобличенными злыми агитаторами в государстве, а именно с Бакуниным, Шаповым, Чернышевским и проч., и, во-вторых, способность его, Потанина, сочувствовать разным красным идеям лицам, кои, как видно, рассчитывая на него, адресовались к нему письменно, заявляя свои мысли или объявляя о каких-либо местных событиях»²⁷.

В рамках «великого акта пробуждения русской жизни»²⁸ члены «Молодой Сибири» от обсуждения задач общероссийского освободительного движения перешли к начертанию конкретных вопросов, связанных со специфической социально-экономического развития Сибири.

²³ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1865 г., д. 196, л. 60 и об.

²⁴ «Сибирская жизнь», 12 апреля 1913 г.

²⁵ Можно с уверенностью говорить об авторстве Г. Н. Потанина статьи «К характеристике Сибири», помещенной в 72 листе «Колокола» за 1860 г., так как в своих воспоминаниях он упоминает об одном из эпизодов, описанном в этой статье, и комментарию на него А. И. Герцена (там же).

²⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 1, оп. 1, д. 616, лл. 1—11.

²⁷ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1865 г., д. 196, лл. 67 об.— 68.

²⁸ «Восточное обозрение», 9 февраля 1884 г.

Экономическое развитие Сибири происходило в несколько иных условиях, чем развитие центральной России. В Сибири почти не было крепостного права в формах, характерных для Европейской России. Феодальный гнет крестьянства выражался здесь в виде десятинной папши и многочисленных очень обременительных для народа повинностей. Н. Н. Пестерев, привлеченный по делу Каракозова, в своем показании-исповеди, данном в петербургской следственной комиссии 17—30 октября 1866 г., так характеризует положение сибирского крестьянства: «Во время моего путешествия по Забайкалью²⁹ я встретил поражающую бедность, а главное — какую-то апатию народонаселения... Папши в других местах были заброшены, в народе недовольство и уныние... Дела по сю сторону Забайкалья не лучше: усиленная почтовая принудительная гоньба за бесценнок, вынудительная доставка хлеба на винокуренные заводы, бестолковая и излишняя квартирная повинность, строгие полицейские меры»³⁰.

Еще более тяжелым и бесправным было положение коренных народов Сибири. Юридическим оформлением политики царизма в отношении этих народов явился «Устав об управлении инородцев», действовавший с 1821 по 1901 г. Все народы Сибири делились на три группы: оседлые (татары, часть алтайских племен), кочевые (буряты, якуты и др.), бродячие (охотничьи и олсеноводческие народы крайнего Севера)³¹. Оседлые были приравнены в правах и обязанностях к русским крестьянам, за исключением того, что они не несли рекрутской повинности. Для кочевых и бродячих народов сохранялись старые формы общественного устройства — власть патриархально-феодальной родовой знати.

Сибирь являлась сырьевой базой для развивавшейся промышленности центральной России. В ней почти не было обрабатывающих отраслей производства. Огромные пространства, плохое внутреннее сообщение, разъединение потребительского и производственного центров — все это создавало почву для хищнической эксплуатации.

Административное управление Сибири осуществлялось

²⁹ До 9 мая 1863 г. — времени отъезда Н. Н. Пестерева из Иркутска в Москву и Петербург.

³⁰ ЦГАОР ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. IV, лл. 134, 136 об.

³¹ «Полное собрание законов Российской империи», т. XXXVIII. № 29126, § 4, стр. 394.

через чиновничье-полицейский аппарат. Здесь царили ничем не прикрытый произвол, насилие, злоупотребления, грабеж коренных народов. Особенности колониальной экономической политики царизма вели к культурной отсталости Сибири, к замедленным темпам ее общественного развития.

Все эти насущные вопросы обсуждались на заседаниях сибирского студенческого кружка. Перед кружковцами встал вопрос: пользуется ли Сибирь равными правами с другими областями империи, способствует ли царское правительство экономическому развитию Сибири, просвещению, культурному прогрессу.

Члены землячества стали задумываться и над другим важным вопросом: является ли Сибирь провинцией Российской империи или ее колонией. Они пришли к выводу, что Сибирь не только колония, но штрафная колония, место ссылки и извлечения богатств в виде золота, серебра, денег. Ссылка уголовных элементов неблагоприятно отражалась на коренном населении. Она, по словам Г. Н. Потанина, понижала уровень народной нравственности, уменьшала личную безопасность и рождала в Сибири бродяжничество³². Экономическая отсталость Сибири усугублялась конкуренцией дешевых товаров из метрополии. Отсутствие своего университета отрывало молодежь от родины, мешало формированию сибирской интеллигенции. Бесправное положение нерусского населения препятствовало развитию производительных сил. В кружке обсуждалась необходимость подготовки к будущей деятельности в Сибири, изучения родного края; явилась мысль составить библиографию сибирских книг и издать ее в виде календаря или памятной книги. Руководил этим делом Г. Н. Потанин. На собраниях кружка впервые был поставлен вопрос о необходимости создания в Сибири университета и значении этого акта³³.

За три-четыре года пребывания в Петербурге сибирские студенты выработали развернутую систему взглядов на узловые вопросы развития Сибири. Г. Н. Потанин указывал, что в теоретической части их программы на первый план была поставлена отмена ссылки. Эту меру молодые

---

³² Г. В. Кр у с с е р. Сибирские областники. Новосибирск, 1931, стр. 80.

³³ Там же, стр. 80.

сибиряки считали для Сибири такой же важной, как отмену крепостного права для Европейской России. Сибиряки пришли к выводу, что над Сибирью тяготеют три зла: деморализация ее населения как в верхних, так и в нижних слоях, вносимая уголовными ссыльными; подчинение сибирских экономических интересов интересам московского мануфактурного района и отсутствие местной интеллигенции³⁴. В Сибири эти проблемы конкретизировались, дополнялись, и на вопрос следственной комиссии объяснить «с полной откровенностью и чистосердечием, чего именно не достает Сибири в настоящее время для полного ее благоденствия», Г. Н. Потанин отвечал: «Для блага Сибири желательно разрешение следующих вопросов: об улучшении быта рабочих на золотых приисках, на горных заводах и на рыболовных оброчных статьях на низовьях Оби и Иртыша, об улучшении земледелия и вообще условий промышленного движения, о колонизации и просвещении, наконец, об улучшении сибирской администрации и более справедливом установлении финансовых отношений Сибири к ее метрополии»³⁵.

Таким образом, студенты-сибиряки ехали на родину с программой широких демократических преобразований.

Г. Н. Потанин был членом общества «Земля и Воля». В 1862 г., когда встал вопрос о создании зауральского отдела «Земли и Воли» и посылке туда кого-либо из Петербурга, выбор пал на Г. Н. Потанина³⁶. По-видимому, именно с этой целью он, не окончив университет, зимой 1862/63 г. прибыл в Омск. Одновременно с Г. Н. Потаниным в Омск уехал и Ф. Н. Усов, казачий офицер, слушавший лекции в военной академии. Выбор Омска был не случаен. Как известно, в планируемом восстании большое место отводилось войску. В Омске находились Сибирский кадетский корпус и казачья войска. Г. Н. Потанин повел агитацию прежде всего среди казаков. Но испытывая сильную материальную нужду, он прервал свою деятельность в Омске, чтобы принять участие в экспедиции К. В. Струве.

Еще в университетские годы Г. Н. Потанин «колебался между натуралистом и публицистом». В течение всей своей жизни он сочетал оба призвания, став выдающимся географом, этнографом и общественным деятелем Сибири.

³⁴ «Сибирская жизнь», 3 ноября 1913 г.

³⁵ Г. В. Крессер. Указ. соч., стр. 72.

³⁶ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 296.

После возвращения из экспедиции в 1864 г. Г. Н. Потанин получил место секретаря губернского статистического комитета и поселился в Томске. Волна общественного движения конца 50-х — начала 60-х годов из-за Урала докатилась и до Томска; здесь возникли либеральные кружки, стали проводиться «журфиксы», на которых читались литературные новинки, а иногда и подпольные издания. После чтения прокламации «К молодому поколению» «впечатление было общее», пишет Г. Н. Потанин³⁷.

Приехав в Томск, Г. Н. Потанин быстро сошелся с передовыми представителями общества. «Самые для меня интересные люди в городе Томске были учителя гимназии, и я поторопился перезнакомиться с теми из них, о которых слышал хорошие отзывы»³⁸. Это были Д. Л. Кузнецов, учитель гимназии и редактор неофициальной части «Томских губерских ведомостей», учитель гимназии И. К. Смирнов, человек с обширными познаниями, Пичугин — «любопытный тип купца-самородка с большими умственными запросами» и др. Вокруг Г. Н. Потанина быстро собрался кружок молодежи, жаждущей знания и служения на пользу Сибири.

Почти одновременно с Г. Н. Потаниным и Ф. Н. Усовым в Сибирь возвратился С. С. Шашков, а осенью 1863 г. — и Н. М. Ядринцев. В это же время в Сибирь приехал Е. Я. Колосов — офицер, слушатель Академии генерального штаба.

Таким образом, многие члены петербургского студенческого кружка переместились в Сибирь для культурно-просветительной и революционной деятельности. С этой целью Ф. Н. Усов и Н. М. Ядринцев поселились в Омске, С. С. Шашков — в Красноярске, Г. Н. Потанин и Е. Я. Колосов — в Томске, Н. С. Щукин — в Иркутске, Н. И. Наумов — в Тобольске.

С приездом студентов-сибиряков в Сибирь повсюду началось оживление общественной жизни. Енисейский жандармский штаб-офицер Н. И. Борк доносил в III отделение, что в Красноярске в зале благородного собрания С. С. Шашков прочитал несколько публичных лекций по истории Сибири. Н. И. Борк сообщал, что лекции отличались вредным направлением и «безусловным порицанием

³⁷ «Сибирская жизнь», 27 января 1914 г.

³⁸ Там же, 5 января 1914 г.

всего, что делалось в Сибири с начала покорения ее до новейших времен», и имели целью «восстановить юное поколение против своих отцов и руководителей»³⁹.

В начале февраля 1864 г. С. С. Шашков прибыл в Томск. Вскоре с разрешения томского губернатора Г. Г. Лерхе он начал цикл публичных лекций по истории Сибири. С. С. Шашков стремился на историческом материале показать антинародную сущность политики царского правительства и его ставленников в Сибири. Лекции С. С. Шашкова были, по словам Г. Н. Потанина, первым событием, которое сильно встряхнуло томское общество. Они восторженно воспринимались томской прогрессивной общественностью. «Весьма натурально,— писал томский жандармский штаб-офицер,—что в числе слушателей много нашлось одушевленных речью Шашкова, как это выражалось аплодисментом лиц большею частью в низшем слое общества»⁴⁰. Лекции С. С. Шашкова вызывали живой интерес не только среди местного населения, но и среди ссыльных, в том числе и поляков⁴¹.

С публичными лекциями сначала в Омске, а затем в Томске выступал и Н. М. Ядринцев. Первым выступлением Н. М. Ядринцева перед сибирским обществом была лекция о необходимости открытия сибирского университета. В течение зимы 1864/65 г. почти во всех губернских городах Сибири читались публичные лекции. В Тобольске учитель гимназии Бильдинский прочитал семь лекций по истории русской литературы, в Иркутске несколько лекций об иркутской старине прочел Щукин⁴². Таким образом, чтение публичных лекций стало одной из форм пропагандистской деятельности сибирского демократического лагеря. Огромное значение лекций заключалось в том, что они способствовали пробуждению интереса к Сибири, росту самосознания и, самое главное, как справедливо указывал енисейский штаб-офицер, разоблачали царскую власть как «корень всего зла, существующего с древнейших и до настоящих времен, приписывая ей же все бедствия и застои в развитии Сибири»⁴³.

Вскоре местные власти, придя к выводу, что чтение

---

³⁹ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1864 г., д. 267, лл. 1 об., 3 об.

⁴⁰ Там же, л. 15 и об.

⁴¹ Там же, л. 13 об.

⁴² «Томские губернские ведомости», 26 марта 1865 г.

⁴³ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1865 г., д. 196, л. 95 об.

лекций может повлечь «потерю доверия к правительству», запретили чтение публичных лекций⁴⁴.

Просветительная деятельность сибирских демократов проявилась и в устройстве школ, библиотек и т. д. Она нашла поддержку среди представителей различных слоев сибирского общества. В Томске учителя гимназии пытались учредить общество грамотности. Д. Л. Кузнецов открыл при гимназии публичную библиотеку. В Красноярске С. С. Шашков совместно со смотрителем духовного училища Тютюковым и врачом богоугодного заведения Лазаревым открыли частную школу для мальчиков и девочек⁴⁵. Е. Я. Колосов открыл частную школу в Томске. Он завязал знакомство с семинаристами, давал им книги из своей библиотеки, имевшей целый ряд сочинений по истории и политической экономии. В Томске этим же занимался Пичугин⁴⁶. В Омске Ф. Н. Усов сосредоточил свою деятельность на агитационной работе среди войска и устройстве казачьей публичной библиотеки. Это была первая публичная библиотека в Омске. Ею пользовались все жители города⁴⁷. В «Томских губернских ведомостях» было дано объявление, что петербургский комитет грамотности основывает в различных городах небольшие склады книг для простого народа и просит сообщить сведения о школах, нуждающихся в учебных пособиях⁴⁸.

В эти годы стали устраивать и публичные спектакли. Деньги, собранные с литературных вечеров и со спектаклей, высылались нуждающимся студентам-сибирякам, которые по окончании образования дали слово вернуться на родину⁴⁹.

Члены «Молодой Сибири», сознавая силу печатного слова, еще в Петербурге лелеяли мысль об издании сибирской газеты. «Томские губернские ведомости» были первой газетой, в которой они выступили печатно. В течение нескольких месяцев 1864—1865 гг. здесь появились статьи Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, А. П. Щапова, Ф. Усова и др. Эти статьи выражали взгляды сибирского демокра-

---

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 109и, I экзп., 1865 г., д. 196, л. 5 об.

⁴⁵ Там же, 1864 г., д. 267, лл. 3 об.—4.

⁴⁶ «Сибирская жизнь», 12 января 1914 г.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Томские губернские ведомости», 15 января 1865 г.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 109и, I экзп., 1865 г., д. 196, л. 5.

Н. М. Ядринцев

тического лагеря 60-х годов XIX в. в той мере, в какой это было возможно на страницах официальной прессы.

Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и их единомышленники, преследуя задачу пробуждения общественного сознания сибиряков, в своих статьях заостряли внимание на специфических сибирских вопросах. «Наступает время,— писал Н. М. Ядринцев,— когда Сибирь должна подумать о своих интересах и своем будущем. Наступает время, когда она должна предъявить права свои на цивилизацию, доставшуюся в удел всему человечеству без климатических привилегий и ограничений»⁵⁰.

В некоторых сибирских городах, например в Колывани, не было ни одной школы. Лишь несколько городов имели публичные библиотеки. Во всей Сибири не было ни одной частной типографии, и только в Иркутске имелся книжный магазин⁵¹. Сибирские демократы выступили с горячим призывом поднять народное образование, создать в Сибири

---

⁵⁰ «Томские губернские ведомости», 8 января 1865 г.

⁵¹ Там же.

городские и сельские школы, женские училища, библиотеки и читальни, книжные лавки и открыть университет. Они отводили огромную роль в преобразовании Сибири местной молодежи. Задачей образованной молодежи, писал Н. М. Ядринцев, является разработка и исследование страны, «воспитание и образование своих земляков и создание того заветного будущего, в котором заживет страна наша лучшею жизнью»⁵². Большое значение он придавал местной литературе, которой, по его словам, «принадлежит роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса». Создание такой литературы, по мнению Н. М. Ядринцева, должно было стать «зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития масс»⁵³.

Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин с болью писали об экономической отсталости Сибири. Из их статей на экономические темы ясно, что сибирские демократы рассматривали буржуазный строй как необходимый этап в развитии Сибири.

Для понимания и раскрытия идеологии сибирского демократического лагеря огромное значение имеют две дошедшие до нас рукописные прокламации. Одна из них («Сибирским патриотам») была отобрана при обыске у учителя иркутской гимназии Н. С. Шуккина. Вторая, называемая «Патриотам Сибири», была найдена в Омске⁵⁴. Первая пространнее и, как правильно было замечено чиновником III отделения, — главная⁵⁵. Она была создана в кругу студентов-сибиряков. Упоминание в прокламации Центрального народного комитета и высказанная в ней надежда на скорое всероссийское выступление позволяют датировать ее началом 1863 г., между выходом «Свободы» № 1 и весной 1863 г. — датой предполагаемого восстания.

Обе листовки написаны в духе прокламационной литературы 60-х годов. Поскольку в Сибири не было крепостного права, воззвания не содержат лозунга борьбы за землю. Вся агитация в них направлена против царской власти.

⁵² «Томские губернские ведомости», 8 января 1865 г.

⁵³ Там же, 5 марта 1865 г.

⁵⁴ Прокламация «Сибирским патриотам» была частично использована в статье А. А. Шилова «Общество независимости Сибири, 1865» («Вольная Сибирь», 3 марта 1918 г.). Листовка «Патриотам Сибири» была опубликована в «Сибирских записках» (№ 1, 1918 г.).

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 154.

Критика самодержавного произвола подводила к обоснованию политической программы сибирских демократов — установления республиканского строя. Стремясь вывести Сибирь из-под власти царизма и защитить права местного населения, они выступили с лозунгом государственной независимости Сибири.

Как же представляла себе группа сибирских демократов борьбу с царизмом? «Мы знаем, — писали они в прокламации „Сибирским патриотам“, — что российский народ страдает так же, как и сибирский, мы знаем, что он уже заявил свои требования на свободу и явился борцом против общих притеснителей наших; его вдохновенные сыны, глашатаи свободы и правды, не раз умирали в наших рудниках. Теперь они имеют уже целую организованную противоправительственную партию в лице русского Центрального народного комитета, поставившего своей целью всеобщее восстание для освобождения всей нашей русской империи. Мы, сибиряки, — указывалось далее, — братски подаем руку российским патриотам для совокупной борьбы с нашим врагом. По окончании ее Сибирь должна будет, созвавши свое народное собрание, определить свои будущие отношения к России. Это ее неотъемлемое право»⁵⁶. Для оценки идеологии сибирского демократического лагеря, для понимания того, какое содержание вкладывалось в выдвигаемый лозунг независимости Сибири, это место прокламации имеет огромное и первостепенное значение. Прежде всего оно свидетельствует, что петербургский сибирский кружок рассматривал выступление в Сибири как составную часть общероссийского революционного движения, в результате победы которого должен был решиться вопрос о ее дальнейшем отношении к России.

«Но если, — говорилось далее в прокламации, — Россия замедлит своим освобождением, если она помирится на уступках того же подлого правительства, то мы не будем друзьями презренных рабов. Мы смело пойдем добывать одни свободу и силой вырвем нашу независимость»⁵⁷. Таким образом, вопрос о самостоятельном выступлении Сибири ставился на второе место, в зависимость от успехов русского революционного движения.

Революционеры Сибири, выдвигая требование незави-

---

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1865 г., д. 196, л. 79 и об.

⁵⁷ Там же.

симости, имели в виду отделение от феодальной царской России. Конечной целью их было не обособление Сибири от России, а соединение всех свободных народов России в единую семью. Н. М. Ядринцев верил, что «скоро настанет день, „когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся“. И в этой семье народ Сибири будет таким же цивилизованным народом и Сибирь — такую же богато развитой экономически, как и все прочие»⁵⁸.

Сибирские революционеры отдавали себе отчет в том огромном значении, которое могут иметь самостоятельное движение в Сибири и его победа. «Вспомните, — писали они, — что Сибири, быть может, выпадет на долю первой из славянских племен осуществить великое народное дело, великую идею демократической республики. Вспомните, что наша независимость будет иметь такое же великое значение в истории нашей и в истории человечества, как независимость Соединенных Штатов Америки»⁵⁹.

Сибирские демократы рассчитывали, что в движении за свободу и независимость Сибири примут участие и старообрядцы, и коренные народы, и крестьяне, и приисковые рабочие, и забайкальские казаки⁶⁰. Отсюда видно, что сибирские революционеры, решая вопрос о движущих силах восстания, ориентировались на широкие народные массы Сибири при организующем участии радикальной интеллигенции, прежде всего образованной молодежи.

Прокламация «Патриотам Сибири», судя по ее содержанию, была написана в Сибири в конце 1864 — начале 1865 г. По содержанию она в значительной степени совпадает с предыдущей.

Первая часть воззвания также содержит резкую критику царизма и его политики в отношении Сибири. Разоблачая лживость царизма, авторы прокламации приводят в качестве примера расправу правительства с восставшей Польшей. «Суля милости, — говорится в прокламации, — правительство передумало тысячи поляков; плодом его благодеяний у его ног лежит ограбленная, сожженная и окровавленная Польша»⁶¹. Центральной частью прокламации был призыв к борьбе за независимость Сибири. Этот лозунг по сравнению с прокламацией «Сибирским патрио-

⁵⁸ «Томские губернские ведомости», 5 марта 1865 г.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 109я, I экзп., 1865 г., д. 196, л. 92 и об.

⁶⁰ Там же, л. 91 об.

⁶¹ Там же, л. 24 и об.

там» получил здесь самодовлеющее значение. И это не случайно. Если первая прокламация писалась в обстановке общероссийского революционного подъема, ожидания всеобщего восстания, то вторая была написана в условиях наступившей реакции, распада общероссийской революционной организации «Земля и Воля» и идейного шатания в рядах революционеров.

Развивая идею федеративного устройства в применении к Сибири, Г. Н. Потанин и его единомышленники приходили к ошибочным выводам об «особых» путях развития Сибири. Это обосновывалось ее географическим положением. Позже существенным фактором «самобытности» Г. Н. Потанин стал считать даже климат. «Климат, — писал он, — самый упорный, самый закоренелый сепаратист»⁶². А. П. Щапов и Г. Н. Потанин пропагандировали идею, будто смешивание русского населения с коренными народами Сибири должно дать особую этническую группу, отличающуюся в расовом отношении от великорусов. Из идеи о свободном самоуправлении областей и федеративном устройстве у сибирского демократического лагеря появилась мысль о возможности самостоятельного существования Сибири. Постановку вопроса об отделении Сибири местные демократы объясняли особенностями географического положения, экономики, а вследствие этого и потребностью в особой политике⁶³. Они надеялись своими силами совершить революционный переворот и полностью перестроить общественные отношения. «Демократический состав общества, — говорилось в прокламации, — на началах народного самоуправления особенно благоприятствует Сибири создать республику»⁶⁴.

Нужно отметить, что требование отделения Сибири от России в сибирском демократическом лагере не было единодушным. Г. Н. Потанин в следственной комиссии заявил, что Д. Л. Кузнецов не соглашался с этой идеей, оспаривал ее также Е. Я. Колосов⁶⁵.

В прокламации «Патриотам Сибири» намечалась конкретная деятельность для осуществления революционного переворота. «В настоящее время, — указывалось в ней, —

---

⁶² Г. Н. Потанин. Нужды Сибири. — «Сибирь, ее современное положение и ее нужды». СПб., 1908, стр. 268.

⁶³ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1865 г., д. 196, л. 25.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Г. В. Круссер. Указ. соч., стр. 66.

основывается и организуется общество „Независимость Сибири“, что вам дает случай, дети нашей родины, начать действовать в видах освобождения и лучшего будущего народа вашего.

Именем этого общества мы обращаемся к вам теперь, честные люди и граждане Сибири. От вас зависит будущее спасение вашей страны. Вы первые должны сказать слово правды народу, указав все злодейства и казни, делаемые в стране вашей, и обнаружить всю ложь лживых обещаний врагов народа. Вы должны предсказать лучшее будущее страны вашей и заявить интересы народа... Вы должны воспитать молодое поколение в любви к своей родине, в надежде на ее освобождение и создать из него свободных граждан, а не рабов императорства. Вы должны указать путь освобождения, проповедуя восстание, вы должны и подготовить это восстание. Для этого сближайтесь, преданные люди страны, знакомствами, не показывая вида и цели вашего сближения, деятельной пропагандой здравых политических и экономических идей. Увеличивайте свою партию, заводите сношения с другими городами, деревнями и приисками. Устраивайте тайные типографии и литографии для свободного слова. Собирайте деньги на революционные цели. Общество „Независимость Сибири“ путем организации будет соединять вас и помогать вам; когда таким образом соединятся все преданные люди страны в одну общую организацию, когда мы будем довольно сильны, когда народ наш будет готов на борьбу, когда враги наши всего менее будут ожидать восстания, тогда мы развернемся и поднимем знамя войны за независимость и свободу Сибири и, сильные верой в свою лучшую судьбу, — поведем народ наш»⁶⁶.

Таким образом, в прокламации «Патриотам Сибири» сибирские демократы большое внимание уделили подготовке революционного выступления. В прокламации содержится призыв к созданию тайного общества. В литературе имеются указания на возникновение в это время революционных кружков. Так, например, к польским ссыльным обратились представители военного кружка, центр которого находился в Омске, с предложением, чтобы поляки приняли участие в подготавливаемом в Сибири восстании⁶⁷. В поль-

⁶⁶ ЦГАОР, ф. 109и, I экзп., 1865 г., д. 196, лл. 25 об.— 27.

⁶⁷ H. Sam b o r s k i. Wspomnienia z powstania 1863 roku i polity na Syberii. Warszawa, 1917, str. 59.

ской мемуаристике есть указания, что и в Енисейской губернии к польским ссыльным обратились русские революционеры с просьбой помочь создать организацию, выразив при этом уверенность, что поляки поддержат восстание в Сибири⁶⁸. По свидетельству другого мемуариста, в местный кружок в Красноярске входили и польские изгнанники⁶⁹. На существование кружков указывал позже и Г. Н. Потанин⁷⁰.

Революционная деятельность сибирского демократического лагеря в мае 1865 г. была парализована. 21 мая в Сибирском кадетском корпусе у воспитанника Самсонова было отобрано дежурным офицером воззвание «Патриотам Сибири». В результате начавшихся обысков в руки властей попала обширная переписка и два литографических станка. В Омске была создана особая следственная комиссия для расследования «о злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка управления в Сибири». К следствию было привлечено 43 человека. Следствие и суд длились более двух лет. Самые видные деятели сибирского демократического лагеря были осуждены и высланы в различные места.

Таким образом, идеология сибирских демократов конца 50-х — начала 60-х годов, основные черты их мировоззрения, связывание ими вопроса о борьбе за независимость Сибири с ожидаемой общероссийской революцией позволяют сделать вывод, что общественное и революционное движение в Сибири тех лет было составной частью общероссийского революционно-демократического движения.

Ряд положений в мировоззрении сибирских демократов: тезисы о самобытности Сибири, о формировании особой сибирской народности, сама идея отделения Сибири от России, даже при учете конкретных условий, объясняющих ее появление, были ошибочны, а в ходе последующего развития приобрели вредный и реакционный смысл. Тем не менее в 60-е годы сибирский демократический лагерь, несмотря на эти заблуждения, не противопоставлял себя общероссийской революционной демократии, выступал как один из ее отрядов в борьбе против самодержавия.

⁶⁸ Dr. J. J. Wspomnienia z dalekiej północy. Krosno, 1906, str. 91; M. Janik. Dzieje polaków na Syberii. Kraków, 1928, str. 361.

⁶⁹ W. Lewandowski. Pamiętniki.— «Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego w Rapperswillu za rok 1908». Paryż, 1909, str. 80.

⁷⁰ Г. Н. Потанин. Нужды Сибири, стр. 270.

3.

Возникновение революционной организации польских ссыльных и ее связи с местным населением

Оторванные на многие годы от сражающейся родины польские повстанцы несли с собой за Урал знамя свободы и борьбы за нее. Авторы воспоминаний отмечали высокий моральный и патриотический дух польских ссыльных, их непоколебимую уверенность в возможность победы: «Всяк в своей душе носил как догмат: „еще Польша не сгинела“»¹.

Участники польского национально-освободительного движения, подвергшиеся ссылке, в новой обстановке продолжали борьбу за национальное освобождение Польши и за личную свободу.

В городах России жили тысячи поляков, выходцев из Королевства Польского и западных губерний. В Сибири немалочисленное польское население — это, как правило, бывшие ссыльные, участники национально-освободительного движения первой половины XIX в. Значительной была прослойка польской молодежи в университетах, вышших гражданских и военных учебных заведениях Петербурга, Москвы, Казани, Киева, Харькова и других городов.

Общероссийский революционный подъем конца 50-х — начала 60-х годов и оживление национально-освободительного движения вовлекли в революционную борьбу многих поляков, находившихся в России. Часть из них входила в местные революционные кружки. Наряду с этим поляки создали свои национальные кружки и организации патриотического и революционного направления. Наиболее значительными из них были офицерская организация З. Сера-

---

¹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 411.

ковского — Я. Домбровского в Петербурге², Московский студенческий огул³, а с начала восстания 1863—1864 гг. — Польский комитет — орган повстанческой власти в Москве⁴, в Перми — кружок П. Сцегенного — Буткевича, в Казани кружок Иваницкого — Станкевича и Гросса⁵.

Для членов польских организаций в России 60-х годов XIX в. была характерна глубокая убежденность в необходимости совместной борьбы польского, русского и других народов России за свержение самодержавия, уничтожение крепостничества и восстановление национальной независимости Польши. Одно из важнейших проявлений русско-польского революционного сотрудничества в эти годы — план совместного восстания, которое должно было начаться весной 1863 г. в Поволжье, а затем распространилось бы на Урал, Дон, а на западе соединилось бы с движением в Белоруссии, Литве и Королевстве Польском.

Многие польские повстанцы, следовавшие в Сибирь и другие места Российской империи, были хорошо осведомлены о революционной деятельности поляков в России, об их организациях, зачастую сами были их членами. Они пришли к выводу, что их освобождение может наступить только в результате революционной борьбы против царизма совместно с русским народом, что «поляки, сосланные в Россию и Сибирь, должны поддержать революцию в России, если она там вспыхнет»⁶.

Мемуарные и архивные источники показывают, что по дороге в Сибирь, на этапах и в тюремных замках польские сосыльные обсуждали вопросы создания организации.

² В. А. Дьяков. Петербургская офицерская организация. — «Русско-польские революционные связи», т. 1. М., 1963, стр. 197—351. («Восстание 1863 года. Материалы и документы»).

³ Т. Ф. Федосова. Польское студенческое общество в Московском университете (1855—1863). — «Ученые записки Института славяноведения», т. XXIX, 1965, стр. 24—50.

⁴ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Русско-польские революционные связи в подполье и ссылке 1864—1866 гг. — «Русско-польские революционные связи», т. 2. М., 1963, стр. 539, 569—574, 574—596. («Восстание 1863 года. Материалы и документы»). Т. Ф. Федосова продолжает разработку вопроса о деятельности Польского комитета.

⁵ Т. Ф. Федосова. Подготовка восстания в Поволжье и Приуралье. — «Русско-польские революционные связи. Материалы и документы», т. 2. М., 1963, стр. 263—435.

⁶ W. Lewandowski. Pamiętniki. — «Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego w Rapperswillu za rok 1908». Paryż. 1909, str. 79.

Первая попытка создать польскую подпольную группу была предпринята в Тобольске Д. Боярским — активным участником революционного движения в Литве. С 1855 по 1860 г. он учился в Московском университете на юридическом факультете и был членом студенческого огула. После окончания университета работал учителем русского языка в Ворьянской католической семинарии. В феврале 1863 г. Боярский был арестован и сослан на поселение в Сибирь за призыв «крестьян к мятежу и распространение в крае разных политических беспорядков»⁷. Как явствует из «Обзора настоящего направления и действий политических ссыльных, находящихся в Восточной Сибири» генерал-губернатора М. С. Корсакова от ноября 1866 г., организация действовала, а ее последователи назывались боцьянами (анстами)⁸.

К этому времени относится сбор материальных средств среди ссыльных «по добровольной подписке», политическое значение которой, как указывалось в обзоре, маскировалось заявлением, что «она производится с единственной целью помощи наибодежнейшим политическим ссыльным и по преимуществу больным»⁹.

Более подробные сведения о революционных настроениях польских ссыльных, о широкой агитации и планах создания в ссылке подпольной организации содержатся в показаниях А. Бонасевича и Г. Вашкевича, в воспоминаниях З. Минейки и др. Эти сведения относятся к весне — осени 1864 г.¹⁰. И Бонасевич и Вашкевич называют одних и тех же лиц, находившихся в то время в Тобольске. Этот город был центральным пунктом, в который стекались все ссыльные, направляемые в Сибирь. Здесь находилась экспедиция, которая производила распределение ссыльных по сибирским губерниям. В экспедиции на каждого ссыль-

---

⁷ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1866 г., д. 364, л. 2.

⁸ Н. П. Митина. Из истории русско-польских революционных связей в Сибири в 1864—1866 гг. — «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 666.

⁹ Там же.

¹⁰ Вашкевич следовал в Сибирь в одной партии с З. Минейко. Эта партия находилась в Тобольске с 6 апреля по 1 августа 1864 г. (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. II, лл. 25—32). А. Бонасевич в первых числах августа 1864 г. был отправлен из Перми, а в декабре 1864 г. прибыл в Каинский округ Томской губернии. Следовательно, осенью 1864 г. он был в Тобольске (ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1865 г., д. 204, л. 6 об.).

З. Минейко

ного составлялся «статейный список» — документ, определяющий дальнейшую судьбу ссылаемого. Тобольский острог представлял грандиозное для того времени сооружение, рассчитанное на 500 человек. Однако нередко, особенно в 1864 г. (год массового поступления политических ссыльных) в нем скапливались до 2000 человек. Тобольский административный аппарат не в состоянии был справиться с огромным числом дел. Поэтому ссыльных иногда держали здесь шесть — восемь месяцев. Имея разрешение свободно ходить по тюремному помещению, ссыльные знакомились, сближались. Тобольский тюремный замок, по замечанию Бонасевича, «заменил отчасти тайные совещания в подземельях Варшавы во время восстания»¹¹.

Весной 1864 г. в камерах тобольской тюрьмы сконцентрировались польские ссыльные пяти или шести партий¹². К весне — лету 1864 г. относится пребывание здесь ряда

¹¹ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 644.

¹² Z. Minejko. Wspomnienia. Biblioteka Jagiellońska, rkp. 7092, t. VII, str. 184.

видных деятелей восстания 1863 г.: Феликса Зенковича, Людвика Жихлинского, «Альбертуса» Минского и др.

Феликс Зенкович, уроженец Гродненской губернии, студент Петербургского университета, руководитель студенческого огула, принимал активное участие в подготовке восстания у себя на родине совместно с выдающимся белорусским революционером-демократом Кастусем Калиновским. В августе 1862 г. Зенкович выехал за границу, участвовал в морской экспедиции Т. Лапинского к берегам Литвы, которая была проявлением на практике русско-польского революционного сотрудничества в период восстания 1863 г.¹³ Зенкович состоял в переписке с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым¹⁴. В июле 1863 г. он прибыл в Вильно и был назначен помощником Калиновского. В августе 1863 г. он был арестован и сослан в Сибирь на каторгу.

Людвик Жихлинский происходил из семьи познанского помещика. Он участвовал в гражданской войне в Америке на стороне Севера. В 1863 г., возвратившись на родину, он принял участие в восстании — командовал повстанческим отрядом «Дети Варшавы», затем был военным начальником Мазовецкого воеводства. В декабре 1863 г. Жихлинский был схвачен и приговорен к каторге.

Альберт Минский — дворянин Лидского уезда Виленской губернии, в 1863 г. был повстанческим начальником Виленского уезда. Действовал под псевдонимом «Альбертус».

Пять человек, сообщает З. Минейко, принадлежащие к различным эталным партиям, стали инициаторами создания тайного «Товарищества взаимной помощи», в которое должны были войти представители всех партий, находящихся в тюрьме. Они обязаны были продолжать оставаться членами общества после прибытия в места отбывания ссылки и платить взносы лицам, выделенным для этого в каждом большом городе¹⁵. Как правило, для этих целей, заявляет З. Минейко, выбирались ссыльные, осужденные на «жительство», а в тюрьмах — наиболее инициативные и преданные делу. Бонасевич подтверждает, что это ядро

¹³ В. М. Зайцев. Морская повстанческая экспедиция к берегам Литвы в 1863 г. — «К столетию героической борьбы „За нашу и вашу свободу“». М., 1964, стр. 173—210.

¹⁴ Г. В. Киселев. По следам одного письма Н. П. Огарева и А. И. Герцена. — «Славянский архив». М., 1963, стр. 159—164.

¹⁵ Z. Minejko. Указ. соч., стр. 190.

организации в каждой из следующих через Тобольск партий выбирало руководителей и «предопределяло им действия и назначения». Правда, Бонасевич говорит, что для этой цели вербовались лица, следующие в каторжные работы. Они снабжались на первых порах деньгами и должны были, меняя фамилии, уклоняться от следования в Иркутск и оставаться в Западной Сибири¹⁶.

Все члены общества подчинялись «Владзе народной» (Национальная власть)¹⁷. Этот высший орган состоял из пяти человек, в число которых входил и З. Минейко. Председателем Владзы народной, по сообщению Минейки, был избран Островский. Мыслилось, что представители «Товарищества взаимной помощи», находясь во всех концах Сибири, будут иметь адреса членов Владзы народной, которым должны будут подчиняться и отсылать все собранные деньги¹⁸. Секретарем создаваемого общества Бонасевич называет Ф. Зенковича. Он вел списки всех лиц, следующих в глубь Сибири¹⁹. Строгая конспирация была непреложным условием членства этой организации. Члены общества имели знаки отличия и были уведомлены о пароле²⁰.

В декабре 1864 г. привлеченный к следствию по делу о поджогах в Барнауле польский ссыльный Юзеф Быстшановский (бывший рядовой 10-го линейного батальона) на допросе показал, что еще на пути в Сибирь он слышал о начавшемся движении своих соотечественников в ссылке и о революционных планах. По его словам, к 1865 г. планировалось создание двух главных подпольных комитетов: первого — в Кунгуре Пермской губернии, второго — в Восточной Сибири, в Нерчинске, и уездных комитетов. Члены польских товариществ будут якобы носить на головном уборе специальные знаки: у военных — небольшие пуговицы с одноглавым орлом, у гражданских — оторочка из белой кожи по окружности козырька шапки²¹.

В августе 1864 г., когда работа по созданию основ организации «Товарищества взаимной помощи» была уже закончена, партия, в которой старостой был З. Минейко, покинула Тобольск.

¹⁶ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 645.

¹⁷ Z. Minejko. Указ. соч., стр. 190.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 545.

²⁰ Z. Minejko. Указ. соч., стр. 190, 192.

²¹ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1865 г., д. 17, лл. 3—6.

Ближайшими сподвижниками З. Минейки по созданию революционной организации в Сибири, по сообщению Г. Вашкевича, были Витольд Гринцевич (Виктор Гриневич), Наполеон Дембицкий (осужденный на каторжные работы и живший в Томске под фамилией де Лампи), Юзеф Ямонт (видный деятель восстания в Литве, революционный комиссар Минского воеводства, ближайший соратник Кастуся Калиновского), Домбровский, Надмиллер и другие друзья и сподвижники замечательных революционеров-демократов, вождей восстания Зыгмунта Сераковского, Кастуся Калиновского, Болеслава Кошышки. Антанаса Мацкявичуса, Ярослава Домбровского.

По пути из Тобольска в Томск они обсуждали проекты расширения и укрепления организации. «Когда я ехал в нашей партии, в которой старостой был Минейко, — сообщал Г. Вашкевич, — мы во время дневок нанимали особые дома, освещали их, рассуждали о делах организации, пели революционные песни и устраивали буфет. Сходки эти часто посещали и партийные офицеры, которых иногда поили водкой, а один из этих офицеров, кажется грузин лет за 30, брюнет с матовым цветом лица, на этапе в селении, только что сторевшем перед нашим приходом, явно высказывал сочувствие к делам организации, подавая для успеха оной свои советы. По приглашению этого офицера мы, т. е. я, Минейко, Гринцевич, Надмиллер, Домбровский и Ямонт, приходили в его квартиру, куда явился также смотритель почтовой станции, находившейся в означенном селении, который также высказывал свои либеральные идеи. Перед выездом нашим из Тобольска одновременно с нами выехал участковый заседатель, лет с лишком 30, высокого роста, полный, лицо широкое, поляк. Заседатель этот на пути покупал для нас в деревнях винтовки и порох и, находясь с нами около двух недель, сблизился до того, что считали мы его своим. Он же способствовал устройству в нашей партии издания газет „Этап“ и „Оса“»²². З. Минейко пишет, что «Оса» была «юмористического характера и издавалась Наполеоном Дембицким. Вторая, под названием [газеты] Народовой, была политического характера, в которой освещались различные вопросы создания организации для внушения сибирскому народу

---

²² Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 624—625.

недовольства против правительства. Как газеты, так и отдельные статьи, не попавшие в них, собирались в своеобразный архив и предоставлялись для чтения всем желающим»²³. К сожалению, до нас не дошли эти документы.

З. Минейко вспоминал, что партионный офицер, по национальности грек, выражал симпатию ссыльным полякам. «Во время обедов офицер сердечно угощал нас, как будто мы были его гостями»²⁴.

Основной целью революционной организации ссыльных, возникшей весной—летом 1864 г., была подготовка восстания в Сибири. «Мы были уверены,— пишет З. Минейко,— что через несколько лет сможем собрать столько денег, которых хватит для подготовки восстания»²⁵. Бонасевич утверждал, что одной из задач тобольской организации было вербовать «для своих замыслов людей из среды самого русского сословия, пробуждать в них чувство к интересам польским, а всего более подговаривать инородцев к заготовлению через них оружия и успешно действовать на их умы. Основываясь на таком стремлении, предположено было, что застарелые элементы здешнего народа примут другие обороты и обратятся против правительственных властей»²⁶.

С первых дней существования организации отличительной ее особенностью было стремление к сближению с местным населением, расчет на его помощь и поддержку.

«Прежде чем мы покинули Тобольск,— пишет З. Минейко,— наша организация имела основы к расширению и прочному существованию, так как число входящих в нее членов составляло несколько тысяч человек. Значительная часть членов организации должна была остаться в Тобольске, а остальная — расселиться по всей Сибири»²⁷.

Бонасевич указывает, что в Тобольской губернии для ведения революционной пропаганды первоначально было оставлено около 30 человек и около 60 послано в города и селения Томской губернии²⁸. Из лиц, оставленных для революционной пропаганды в Тобольской губернии, Бона-

---

²³ Z. Minejko. Указ. соч., стр. 138—141.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 645.

²⁷ Z. Minejko. Указ. соч., стр. 192.

²⁸ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 645.

севич назвал Антона Грабовского — бывшего послушника Кармелитского монастыря, начальника повстанческого отряда, осужденного на 12 лет каторжных работ. В Тобольске он поменялся фамилией со ссыльным Юзефом Фунтовичем, затем принял фамилию своего погибшего товарища Бельского. Грабовский вел агитацию во многих городах Западной Сибири, живя то в Омске, то в Кургане. Он установил связи с татарами и сделал большую заготовку оружия. По показанию Бонасевича, А. Грабовский имел подробную карту Сибири, фальшивый документ на имя Войны, позволявший ему жить по всей Сибири, и печать вырезанную на камне, на которой были изображены две протянутые друг другу руки и надпись по кругу: «Братство поляков с русскими в Сибири»²⁹. Символическое рукопожатие хорошо известно по многим революционным печатям 60-х годов, в частности по печати общества «Земля и Воля». Прямо как символ русско-польского революционного союза оно выступает на печати Русского военного комитета в Варшаве (1862 г.). Печатью этой Грабовский скреплял все исходящие от него бумаги к лицам, «распространяющим, подобно ему, злоумышленные идеи». Находясь по делам организации в Тобольске, Грабовский был схвачен и отправлен в Восточную Сибирь. Как явствует из архивных документов, к месту нахождения он не прибыл — был убит недалеко от Томска³⁰.

Большую работу в Тобольской губернии, по сообщению Бонасевича, вел татарин, офицер русских войск Иван Гайбулин³¹, следовавший на каторгу и бежавший с этапа 8 сентября 1864 г. Он был назначен, как сообщает Бонасевич, «для распространения идей революции между сибирскими татарами и нашел сильную поддержку в них»³². Гайбулин вел революционную агитацию во многих местах Сибири. Он бывал в городе Таре, в селе Спасском Каинского округа, в Томске, в Барнаульском округе Семипала-

²⁹ Н. П. Митина. Из истории... стр. 646.

³⁰ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1875 г., д. 204, лл. 56—57.

³¹ И. С. Миллер в работе «Из царской армии в ряды повстанцев» высказывает предположение, что это был Изатула Хайбулин, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, приговоренный к 15 годам каторги за переход на сторону повстанцев (В. А. Дьяков и И. С. Миллер. «Революционное движение и русская армия и восстание 1863 г.». М., 1964, стр. 358—359).

³² Н. П. Митина. Из истории..., стр. 646.

тинской области. При себе он имел около 20 000 рублей серебром, полученные им от купца Итыкина ³³.

Подпольная польская организация активно действовала и в Томске. Здесь, по показанию Бонасевича, «лица томской правительственной иерархии дают возможность распространяться и усиливаться революционной пропаганде, которая стремится к ниспровержению законного порядка. Это видно из того,— указывает далее Бонасевич,— что вследствие упущения властей как в Томске, так и по округам губернии проживает много лиц, которые осуждены в каторжную работу и живут без основательных документов. Лица эти, лишённые всякой надежды на помилование в будущем, всего более распространяют ложные идеи и заражают фанатической местью прочих малоразвитых поляков, водворённых в здешнем крае в огромном числе» ³⁴. Г. Вашкевич также показал, что «поляки в Томске пользовались ещё большей свободой, нежели в Тобольске». Многие из следовавших в каторгу жили под ложными именами в городах и деревнях Томской губернии ³⁵.

По дороге из Тобольска в Томск умер ссыльный Струмилло, друг З. Минейки по виленской гимназии. Поскольку они были похожи, то решено было, что Минейко будет выдавать себя за Струмилло и останется в Томске ³⁶. Огромное скопление осуждённых и нечёткое ведение дел местной администрацией позволяли ссыльным широко практиковать обмен «статейными списками», куплю-продажу их и присвоение документов умерших товарищей, имевших более легкую меру наказания.

Партия, в которой З. Минейко был старостой, прибыла в Томск 7 ноября 1864 г. Как и в Тобольске, здесь была огромная тюрьма, в которой одновременно находилось несколько тысяч ссыльных. В Томске уточнялись и проверялись «статейные списки», окончательно определялись места ссылки. В тюрьме для прикрытия революционной деятельности была устроена мастерская головных убо-

³³ Н. П. Митина, Из истории..., стр. 646.

³⁴ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 613.

³⁵ Там же, стр. 619. В арестантской партии № 32 насчитывалось 106 человек, из которых двое или трое следовали на поселение, а остальные были приговорены к каторге. Из всей партии в Нерчинск прибыло два или три человека, а остальные остались в Томске, Красноярске и Иркутске (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. II, лл. 25—32).

³⁶ З. Minejko. Указ. соч., стр. 192.

ров³⁷. Для закупки материалов необходимо было отлучаться в город. Это давало возможность навестить приятелей и знакомых, установить новые связи и содействовать расширению организации.

По показаниям А. Бонасевича и Г. Вашкевича, в томскую организацию ссыльных входили Людвик Василевский³⁸, Александр Живицкий; бывший поручик Тарутинского пехотного полка, приговоренный за участие в восстании к каторжным работам (жил в Томске по документам Ивана Черлюнчикова), Бронислав Мацкевич, Александр Маевский, сосланный за участие в «казанском заговоре» (в Томске жил под именем Александра Мациевского), С. Ковалевская³⁹. Одним из активных деятелей томской революционной организации был Казимеж Сулистровский, студент Московского университета, член огула, участник национально-освободительного движения в Литве. Исполняя обязанности конторщика, он помог многим (Наполеону Дембицкому, Витольду Гринцевичу и др.) задержаться в Томске.

По заявлению Вашкевича, казначеем томской организации был Юзеф Понсет. Как делегат Национального комитета, он под фамилией Дембовского действовал в Курляндии, где был главным организатором восстания. Понсета приговорили к смерти, но помиловали и сослали на каторгу. На принадлежность его к томской организации указывали также в своих показаниях ссыльные А. Станевич и Вежбицкий. Первый сообщал 29 июля 1865 г. томскому полицмейстеру Стоцкому, что «Понсет при содействии некоторых лиц, ранее сосланных в Сибирь, возбуждает к открытию восстания в Сибири в будущем 1866 г.»⁴⁰ В августе 1865 г. Вежбицкий заявил Стоцкому, что Понсет — главный организатор польского комитета в Томске. Понсет составил именной список лиц, изъявивших желание принять участие в восстании. Вежбицкий показал также, что он по поручению Понсета был в Тахтамышевых юртах

³⁷ Z. Minejko. Указ. соч., стр. 199.

³⁸ Л. Василевский, уроженец Борисовского уезда Минской губернии. Был арестован 6 марта 1863 г. за «склонение крестьян и прочих жителей к восстанию против правительства». В Сибирь был сослан на 20 лет каторжных работ. В Томске сначала находился в городской больнице, потом в арестантской роте, а затем свободно жил в городе (ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 27, д. 944, лл. 1—30).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 622.

у муллы казахов, в амбаре у которого видел много штуцеров и патронов, заготовленных для восстания. Значительное число штуцеров, по его словам, было отправлено в Восточную Сибирь⁴¹. По свидетельству польского мемуариста, Понсет организовал в Томске мастерские, чтобы к началу восстания иметь в готовности нужных для этого лиц⁴². По-видимому, создание мастерских было одной из форм работы сибирской организации ссыльных.

Революционные настроения польских ссыльных нашли сочувствие и поддержку томской общественности. Автор анонимного доноса указывал, что в городе бывают частые сходки поляков, в которых живейшее участие принимают и местные жители⁴³. «С прискорбием патриота» он писал, что на «частые собрания польской пропаганды, тайные сборы на инсургенцию, привоз разных возмутительных брошюр и чтение их даже русскою братией градская, земская и жандармская бесполезная полиция не обращают никакого внимания»⁴⁴. Свободно проживая в городе, члены организации широко заводили знакомства как среди ссыльных, так и среди местного населения. Так, например, З. Минейко посещал многие дома жителей, где, по свидетельству Г. Вапкевича, «развивал либеральные принципы и революционные инициативы»⁴⁵. В. Гринцевич распространял по городу газеты «Этап» и «Оса». Многие из жителей Томска брали их для чтения⁴⁶.

По заявлению Вапкевича и некоторым другим сведениям, в томскую революционную организацию входили члены томской врачебной управы: инспектор Матькевич, врач томской городской больницы Поцелуевский, аптекарь Мальгудович, провизор Штейн. У них происходили тайные совещания организации. Кроме того, они всячески способствовали задержке в Томске ссыльных, следующих на каторгу и в Восточную Сибирь на поселение. В апреле 1864 г. виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев сообщал в III отделение, что, по собранным сведениям, «проживающий в г. Томске аптекарь Мальгудович, пользуясь своими связями с местными властями, занимается хода-

---

⁴¹ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 622.

⁴² «Z okolic Dzwiny», Wilno, 1912.

⁴³ ЦГАОР, ф. 109и, секретный архив, оп. 2, д. 705, л. 10.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 612.

⁴⁶ Там же, стр. 616.

тайством по делам ссыльных»⁴⁷. Автор упомянутого выше доноса указывал, что ксендзы, доктора, военные и гражданские чиновники, а также частные лица употребляют все средства, чтобы некоторые из влиятельных польских лиц оставлены были в городах. В Томске, по его сообщению, этим отличались аптекарь Мальгудович, инспектор Маткевич, старший член инспекции Ф. П. Зацкевич и врач Д. М. Поцелуевский⁴⁸. Из показаний Вашкевича вытекает, что на имя Поцелуевского общество получало письма из Петербурга для передачи политическим ссыльным. Штейн снабжал организацию химическими веществами для составления симпатических чернил. Служащий томской конторы Жегота (в документах — Джеготта) также способствовал переписке ссыльных. Через него они получали письма, в том числе и из-за границы. На имя судьи П. А. Пушкарева организация получала письма из Петербурга, Пушкарев подробно информировал ссыльных обо всех доносах и следствиях, проводимых в Томске, таким образом предупреждая об опасности. У отставного чиновника Гутковского постоянно происходили совещания членов организации. У П. Наумова жили ссыльные, приговоренные к каторге. Квартиру П. Наумова постоянно посещали многие поляки. Вашкевич указывает также, что в организацию входили томские купцы, субсидировавшие ее действия: Попов, Головина, Мыльников, Сломчевский.

Омской следственной комиссией был уличен в близких связях с польскими ссыльными местный чиновник Яковлев. Бумаги, отобранные у него, свидетельствуют о его антиправительственных настроениях. Яковлев долгое время содержался в томской тюрьме в одной камере с политическими ссыльными Александром Живицким и Александром Маевским. По заключению омской следственной комиссии, он «заразился от этих лиц идеями и направлением, вредными в политическом отношении, так как Живицкий и Маевский были в этом уличены юридическими данными»⁴⁹. У Живицкого была отобрана тетрадь, в которую рукой Яковлева вписаны строки из стихотворения поэта-декабриста К. Ф. Рыльева «Послание к Бестужеву»: «По чувствам братья мы с тобой, во искупленье верим

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1863 г., д. 23, ч. 184, л. 1 и об.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 109и, секретный архив, оп. 2, д. 705, л. 9 об.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. I, л. 301 и об.

оба. и будем мы питать до гроба вражду к бичам страны родной»⁵⁰.

В содействии ссыльным полякам и близких отношениях с ними обвинялись, кроме перечисленных выше лиц, помощник томского полицмейстера Белогужев и чиновник губернского правления Белов⁵¹.

Таким образом, польская организация ссыльных нашла поддержку и сочувствие широких кругов местных жителей.

Организация вела пропаганду и среди ссыльных, расселенных по территории губернии. Павловский сообщил томской следственной комиссии, что все проживающие в Нарыме поляки имеют оружие. Он утверждал, что в Нарымском крае, пользуясь его отдаленностью, польские ссыльные завели даже ружейные станки. Далее Павловский указал, что «революционное направление поляков и разные противузаконные их замыслы поддерживаются тайной перепиской с проживающими в Томске поляками, которая пересылается ими часто с Нарыма в Томск посредством частных лиц». В квартире местного жителя Панферова «происходят сборища и совещания поляков»⁵².

В октябре 1866 г. томскому жандармскому штаб-офицеру был сделан донос, что в смежных с Томском волостях, Нелюбинской и Богородской, находится стекольный завод купца Исаева, на котором работает до ста человек служащих и рабочих из польских политических ссыльных, которые имеют значительный запас оружия. Многие поляки приобретают револьверы, ружья и особо устроенные деревянные трости, внутри которых находятся кинжалы. «Всем этим,— сообщалось в донесении,— запасаются они с целью решиться якобы на вооруженное возмущение»⁵³.

К началу 1865 г. польские революционные кружки и группы имелись уже во многих местах Сибири. Томской и омской следственными комиссиями было выяснено, что в городе Ялуторовске Тобольской губернии имеется подпольная организация ссыльных. Г. Вашикевич в следственной комиссии заявил, что «в Ялуторовске было общество

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 95и, оп. I, д. 302, ч. I, л. 301 и об.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 27 д. 999, лл. 1—12; Archiwum Główny Akt Dawnych, Временная военно-следственная комиссия, опись, т. I, л. 16 об.

⁵² Н. П. Митина. Из истории..., стр. 663.

⁵³ Там же, стр. 662—663.

под предлогом вспомоществования нуждавшимся, тогда как на самом деле цель его была совсем другая, а именно, чтобы приготовить людей для вооруженного восстания в случае надобности; в этом обществе были также и чиновники русские; что с русскими там все можно сделать и что городничий и исправник им много содействуют»⁵⁴. Один из поляков, давших в 1867 г. в Иркутске показание о существовании в Западной Сибири революционной организации ссыльных и ее связях с центральной Россией, называл Петра Галицкого⁵⁵ агентом этой организации в Ялуторовске⁵⁶. 19 сентября 1866 г. при обыске у ссыльных, проживавших в Ялуторовске, были найдены запрещенные книги, не проверенные цензурой письма, дробь, порох, ружья и т. д. Особенное внимание привлекли бумаги, отобранные у Петра Галицкого. При обыске замечен был в сених самовар, в трубе которого дымилась бумага, брошенная туда, как оказалось, Галицким. На уцелевших строках обгоревшего листа, вынутого немедленно из самовара, комиссией при помощи микроскопа было разобрано следующее: «вышн., дело сост... в топоры, тию не жал... теперь бе... сволочь осл..., мах, бей, на широких, одном... что ты... тебя надеются рево... жаль главный деятель... стали врасплох. Готово... чаще заводите кружки, с которыми старайтесь... сам постарается, во... больше о политике... положение общества... приглашайте к себе...»⁵⁷.

Восстановить сохранившиеся части слов и яснее представить текст данной записки не представляется возможным, однако и по тому, что удалось разобрать комиссии, нельзя не увидеть в этих строках революционного содержания письма.

Кроме того, у П. Галицкого были отобраны письма, рукописи, книги и т. д. Комиссия, рассмотрев содержание изъятых бумаг, сочла наиболее вредными многочисленные стихотворения «возмутительного содержания, в которых вместе с выражением польского патриотизма

---

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1866 г., д. 217, ч. 4, л. 240.

⁵⁵ П. Галицкий — из дворян Виленской губернии. За участие в восстании был лишен всех прав и состояния и сослан на жительство в Тобольскую губернию. В июне 1864 г. был причислен к Ялуторовску, а в сентябре зачислен в мещане (ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1866 г., д. 217, лл. 16—17).

⁵⁶ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 646.

⁵⁷ Там же, стр. 628.

говорится о тиранстве царя», и прокламацию «Молодая Россия»⁵⁸. По «преступному содержанию» этих бумаг П. Галицкий в августе 1867 г. был арестован.

Среди бумаг П. Галицкого находилась революционная статья Д. И. Писарева «Новый тип», написанная по поводу романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Эта находка, обнаруженная В. Архиповым⁵⁹, имеет огромную научную ценность, так как содержит неизвестную до сих пор главу этой статьи. Тот факт, что статья найдена в бумагах польского ссыльного, свидетельствует об интересе поляков к развитию прогрессивной русской мысли, об идейных связях русских и польских революционеров.

У П. Галицкого среди бумаг была обнаружена речь, обращенная к польским ссыльным и помеченная 10 декабря 1864 г. В речи ссыльные призываются к сплоченности, единству, к служению родине и на чужбине. Содержание речи свидетельствует о разногласиях, которые существовали в среде ссыльных. Гневно бичуются в ней те изгнанники, которые забыли «кровь праотцев и погрязли в равнодушии к общей матери — Польше»:

Кровь польская лилась и льется рекой,
Собратья рвутся к победе.
Неужели вы, пань, бесчувственны к ней?
При плясках, забавах, беседе
Хотите забыть о земле, вам святой⁶⁰.

В равнодушии к родине, к борьбе обвинялись представители шляхты, так как в указанной речи ссыльные призываются не обижать честных людей только из-за того, «что они шляхтичи»⁶¹.

В омском тюремном замке П. Галицкий содержался вместе с Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым и близко сошелся с русскими демократами. В апреле 1868 г. у него при обыске была обнаружена рукопись «Секты социалистов» с поправками Г. Н. Потанина. По определению следственной комиссии, некоторые места этой рукописи «имели вид протеста существующему в государстве порядку»⁶².

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1866 г., д. 217, ч. 8, лл. 6—9.

⁵⁹ В. Архипов. Неизвестные страницы Д. И. Писарева. Ялutorовская тетрадь. — «Литературная Россия», 1 мая 1964 г.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1866 г., д. 217, ч. 4, лл. 240—241.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, л. 8 и об.

Кроме того, среди бумаг, отобранных у Галицкого, был отрывок статьи «Побег из Александровского завода». По поводу этой статьи Галицкий объяснил⁶³, что она написана со слов заключенного, содержавшегося с ним в омском тюремном замке. По словам Галицкого, он выполнял просьбу Н. М. Ядринцева, просившего собирать ему разные рассказы, необходимые для написания статьи «Бродячее население Сибири»⁶⁴.

Омской следственной комиссией ответы Н. Галицкого были оценены как «уклончивые и явно несправедливые», а о найденных у него бумагах «возмутительного содержания» комиссия пришла к выводу, что они не могли быть собраны случайно, а вероятно «с целью для подстрекательства других поляков к враждебным действиям против правительства и ко всем русским»⁶⁵.

Политический ссыльный, давший показания в Иркутске, сообщил о существовании революционной группы на Падунском винокуренном заводе Козелло-Поклевского⁶⁶. По его сведениям, в конюшне завода находился склад оружия. Надзор за этим оружием имел доктор Вл. Вышинский, известный в организации под именем Александра Выги⁶⁷. По собранным омской следственной комиссией сведениям Вышинский, осужденный на поселение в Енисейскую губернию, прибыл в Тобольск 20 июля 1864 г. и

⁶³ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 628.

⁶⁴ Напечатана в журнале «Дело» № 9—11, 1868.

⁶⁵ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 628.

⁶⁶ Козелло-Поклевский — поляк, родом из Литвы. В Сибири составил огромное состояние. Его называли сибирским корольком. На своих предприятиях и заводах предоставлял работу польским ссыльным. На его пароходах ссыльные перевозились в Томск. Начальник VIII округа жандармов в 1865 г. сообщил, что, по полученным сведениям, политические ссыльные, сосланные в Пермскую и Тобольскую губернии, пользуются особенным покровительством Козелло-Поклевского (Государственный архив Тюменской области, ф. 159, оп. 1, д. 12, св. 1, л. 5).

В позднейшем агентурном донесении из Сибири отмечалось, что «особенное нерасположение к себе возбуждают в общественном мнении главный из имущих концессии Козелло-Поклевский, слышущий за ярого поляка, и про которого носится слух, что он в Сибири постоянно был в самых близких сношениях с сосланными поляками и при помощи своих торговых связей с парижскими банкирами был посредником между сибирскими поляками и польскою эмиграцией в Париже» (ЦГАОР, ф. 109и, секретный архив, оп. 2, д. 783, л. 10).

⁶⁷ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 646.

в августе по распоряжению губернатора был освобожден из тюремного замка под надзор полиции вследствие слабого здоровья. В январе 1865 г. он после разрешения министра внутренних дел был причислен в разряд «дряхлах» по Тобольской губернии⁶⁸.

Г. Вашкевич заявил, что во время его пребывания в Тобольске (в начале августа 1864 г.) доктор Вышинский находился на свободе. З. Минейко часто с ним виделся. Уже в Томске Вашкевич слышал, что Минейко переписывался с Вышинским и получил от него брошюру, направленную против аристократии из среды ссыльных. Вышинский часто ездил в Тобольск⁶⁹. Среди адресов, которые дал в 1866 г. члену интутинской организации Н. П. Страндену для поездки в Сибирь с целью освобождения Н. Г. Чернышевского активный деятель центрального подполья И. А. Худяков, был и адрес Вышинского.

Крестьянин Абалакской волости Тобольского округа Андрей Запольский, проживавший в Кургане, сообщил, что ссыльные поляки по прибытии в Курган составили свой «жонд», избирали судей, кассиров, приводили ссыльных к присяге. По заявлению А. Запольского было поручено произвести «строгое следствие» чиновнику особых поручений Главного управления Западной Сибири надворному советнику Попову. Следствие вскрыло, что в Кургане в 1864—1865 гг. среди польских ссыльных существовало тайное общество под названием «Товарищество взаимного пособия». Членами этого общества были доктор Жабо, Косулич, Рывданский, Филиповский и др. Курганское тайное общество поддерживало связи с Иппимом и Туринском, куда был послан устав общества⁷⁰.

Омский полицмейстер подполковник Халютин в ноябре 1865 г. получил сведения, что политический ссыльный Бронислав Марчевский, находившийся в Омске на жительстве, получил разрешение устроить столярную и слесарную мастерские с тем условием, чтобы в них «не делалось и не исправлялось никакого оружия, как огнестрельного, так и холодного». В доносе сообщалось, что «в мастерской Марчевского не только исправлялись приносимые из деревень сосланными в Омский округ поляками разные ста-

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. II, л. 387.

⁶⁹ Там же, л. 74.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1866 г., д. 217, ч. 4, лл. 132—139.

рые ружья, но и делались таковые совершенно новые»⁷¹. Б. Марчевский — брат Витольда Марчевского, активного деятеля повстанческой организации в 1861—1863 гг., бывший чиновник управления путей сообщения, в феврале 1863 г. был членом исполнительной комиссии Национального правительства.

В Омске по предписанию А. И. Дюгамеля было учреждено «строжайшее расследование», проводимое чиновником особых поручений Кремлевым и омским жандармским штаб-офицером подполковником Рыкачевым. В предписании генерал-губернатора Западной Сибири от 27 ноября 1865 г. задачи следствия сводились к расследованию о ружье, найденном у Марчевского, и поступке политических ссыльных Забело и Бужинского, которые угрожали польскому ссыльному Бернадскому, сделавшему донос на Марчевского. Однако результаты расследования оказались шире. Из допроса политических ссыльных выяснилось, что в Омске существовало польское тайное общество, занимавшееся изготовлением оружия и подготовкой к восстанию. Бернадский уже на первом допросе 4 декабря 1865 г. сообщил о революционных настроениях поляков, о существовании в Омске подпольного общества ссыльных и кассы вспомоществования и связях этого общества с ссыльными других мест. Бернадский заявил, что поляки имеют в Сибири свои почты и знают, что делается по всей Сибири. Для этого они собирают по 3 коп. серебром с рубля. Сбором денег, по словам Бернадского, занимаются Ю. Костелковский⁷², З. Войшвилло⁷³ и С. Кулаковский — главные деятели омского общества ссыльных. Они были выбраны всеми ссыльными тайным голосованием: каждый записывал на отдельном листе фамилии тех, кого он хотел выбрать, и передавал эти листы ссыльному ксендзу В. Громадскому⁷⁴.

Валериан Громадский — ксендз Гороховецкого прихода, за произнесение 25 марта 1861 г. проповеди «возмутительного содержания, которую заключил воззванием ваяться за оружие и возвратить все потерянное Польше,

⁷¹ ЦГАОР, ф. 109я, I эксп., 1865 г., д. 429, л. 1.

⁷² Врач за участие в восстании по лишении всех прав был сослан на «житье» в Тобольскую губернию. В Тобольск прибыл 2 января 1864 г. (ЦГАОР, ф. 109я, I эк. п., 1865 г., д. 429, л. 12).

⁷³ З. Войшвилло был членом первой подпольной группы в Тобольске.

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 109я, I эксп., 1865 г., д. 429, лл. 16 об., 18.

а также за обучение детей православного исповедания католическому катехизису, непропущенному цензурой», был выслан по распоряжению министерства внутренних дел в Омск под надзор полиции ⁷⁵.

По заключению омского штаб-офицера, «Громадский во время пятилетнего пребывания своего в г. Омске... нисколько не изменил своих прежних политических убеждений и принадлежит к числу лиц, опасных в политическом отношении, так как он при удобном случае способен принять деятельное, но тайное участие в организации, подобной той, которая наделала столько вреда в Царстве Польском и Западном крае во время последнего мятежа» ⁷⁶.

В показаниях Бернадского содержится интересный материал о структуре тайного общества ссыльных. Оно состояло из десятков. Члены каждой десятки знали только своего десятника. Десятки формировались в сотни, во главе которых стояли сотники. Сотниками в Омске были Кулаковский и Костелковский, а Войцвилло был главным руководителем тайного общества ⁷⁷. Такая же структура существовала в Польше в период подготовки восстания, а еще ранее — в Италии у карбонариев.

Бернадский в комиссии сообщил, что «поляки будто бы намерены сделать возмущение в одно и то же время во всех тех местах Сибири, в которых они находятся». Ссыльные поляки имели в Омске склад оружия и пороха. Поляки, находящиеся в деревнях Омского округа, должны в день восстания присоединиться к находящимся в Омске ⁷⁸.

В ноябре 1865 г. рядовой местной омской команды был свидетелем разговора двух поляков — Адама Андриевского и Кароля Клеттса. Они высказывали предположение, что их «бедственное положение скоро примет другое направление». «Мятеж в Польше хотя и прекращен, но это до первой минуты восстания, и они опять готовы. Даже и мы здесь не прочь... Русские, как видно, также намерены начать революцию» ⁷⁹. Этот разговор польских ссыльных интересен для нас тем, что он свидетельствует о глубокой вере ссыльных в возможность движения в Польше,

⁷⁵ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1861 г., д. 307, л. 17.

⁷⁶ Там же, 1866 г., д. 38, ч. 3, лл. 192—193.

⁷⁷ Там же, 1865 г., д. 429, л. 16 об.

⁷⁸ Там же, лл. 45 об.—46.

⁷⁹ Там же, 1865 г., д. 22, ч. 39, лл. 7—8.

об их готовности продолжать борьбу в тяжелых условиях ссылки.

Первые сведения о революционных настроениях среди ссыльных Енисейской губернии относятся к 1864 г. В письме от 25 сентября 1864 г. к сестрам Кучевским поселенец Троицкого завода С. Гутовский писал, что он «в настоящее время занимается вместе с оружейником из Варшавы изготовлением оружия, дабы принести этим пользу братьям и всему человечеству»⁸⁰. В результате секретного дознания, произведенного в соответствии с предписанием министра внутренних дел, было установлено, что в селе Троицко-Заозерском варшавский оружейник Сильвестр Паперник со времени поселения (в 1864 г.) занимался с помощью политических ссыльных С. Гутовского и А. Корзона «заготовлением оружия для преступной цели»⁸¹. По сведениям енисейского жандармского штаб-офицера, «Паперник — замечательный мастер и получает разные заказы не только от окрестных жителей Троицко-Заозерной, но и от других отдаленнейших мест, даже из Канска». Вполне понятно, что такого рода разрешения использовались ссыльными для заготовки оружия. Кстати нужно заметить, что в Сибири добыть оружие было трудно. На сибирских ярмарках и торжках шла свободная продажа пороха и ружей. В какой-то степени обычай иметь ружье распространялся и на политических ссыльных, особенно в местах охотничьего промысла. Так, например, бывший минусинский земский исправник Нечаев писал, что политические ссыльные почти каждый свободно заготавливают огнестрельное оружие и что им даже разрешено через сельских старшин приобретать порох⁸². Поэтому там, где были ружейные мастера, возникали мастерские, в которых, безусловно, не только чинили старые ружья, но и делали новые.

До нас дошел проект устава тайного общества польских ссыльных Енисейской губернии. Это была организация типа огула, охватывавшая несколько селений: деревни

---

⁸⁰ С. Ф. Коваль. «Метеор» — рукописный журнал польских ссыльных. — «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.». М., 1962, стр. 464.

⁸¹ Паперник и Гутовский прибыли в Красноярск 31 июля 1864 г., а Корзон — 29 ноября того же года (ЦГАОР, ф. 109и, I экзп., 1865 г., д. 38).

⁸² ЦГАОР, ф. 109и, IV экзп., 1866 г., д. 130, лл. 3—6.

Озерную, Притыки, Камзолову, Филиппову и Боргу⁸³. «Имея в виду,— говорилось в уставе,— что число наших соотечественников с каждым днем увеличивается, а возможности для зарабатывания и изыскания способов к жизни вовсе не представляется, что единými средствами к сохранению нашей чести, улучшению условий нашего быта и обеспечения для себя кое-какой будущности на чужбине ...есть труд, спокойное держание себя, примерное поведение, воздержанность от дурных привычек, бережливость и братство», а также учитывая то обстоятельство, что среди польских ссыльных находятся люди «дурного поведения, как-то пьяницы, унижающие нашу честь и достоинство своим гнусным поведением», что число таких «выкидышей» нашего общества увеличивается вследствие праздности, пьянства и распутства», нужно устроить общество «для удовлетворения нужд наших и для разбора могущих случиться споров между нами самими и между нами и жителями». Для руководства этим обществом предлагалось избрать старшину, а в каждом селении — кандидата⁸⁴. В обязанности кандидатов входило иметь надзор «за согласием и порядком общества, прекращать ссоры и споры между ссыльными и местными жителями; иметь влияние на склонных ко злу и их от него отводить», собирать сведения о вновь прибывших, заниматься устройством ссыльных, строго следить за ними, помогать каждому найти «средства к жизни». «Одним словом, — говорилось в инструкции,— он должен быть для всех братом, советом, преданностью и попечением о их благе».

Старшина должен был следить за порядком и нравственностью, посещая от времени до времени ссыльных, наблюдать за точным исполнением всеми подчиненными устава. «Старшина, — подчеркивалось в инструкции, — должен быть всего нашего общества отцом, заботливым об общем нашем благе как в отношении нравственном, так и в материальном».

Члены общества обязаны были вести себя безукоризненно, жить как можно скромнее, избегать пьянства, ссор, увеселений, могущих быть поводом к разным неприятностям и несогласиям с местными жителями, с которыми вменялось ссыльным «поступать вежливо, ласково, при-

⁸³ ЦГАОР. ф. 109и, 1 экз., 1866 г., д. 38, ч. 3, лл. 35 - 38.

⁸⁴ Так в документе названо лицо, стоящее во главе членов округа каждого селения.

ветливо», не входить с населением ни в какие неблагоприятные отношения. Среди ссыльных рекомендовалось сохранять добрые отношения, уважать друг друга и помогать каждому всем, чем можно. Всем ссыльным предлагалось ежемесячно вносить по 6 коп. на всевозможные нужды: на помощь отбывающим каторгу, на потребности старшины и для служения молитв. Кандидатам вменялось в обязанность, «чтобы как можно аккуратнее таковое пожертвование в свое время собирали и в место, которое будет обозначено в квитанции, вносили»⁸⁵. Для уставов всех огулов характерно отсутствие упоминания о политических целях. Однако сказать, что таковые не ставились, было бы ошибкой⁸⁶.

Документ не датирован. Он был взят у В. Левандовского при обыске в начале 1866 г. Подобного типа огулы польских ссыльных в эти годы возникли во многих местах Сибири. Сначала содержанием деятельности многих из них было объединение ссыльных в коллектив, взаимопомощь. Вместе с тем огулы облегчали ведение революционной пропаганды, были удобной базой для создания революционных кружков, нередко сами перерастали в них.

М. С. Корсаков в «Обзоре настоящего направления и действий политических ссыльных, находящихся в Восточной Сибири» указывает, что в августе 1865 г. в Енисейской губернии «является организация под названием Тайного клуба»⁸⁷. Во главе этой организации, по сообщению генерал-губернатора, стояли Валентий Левандовский, Антон Гловацкий и Зыгмунт Колба.

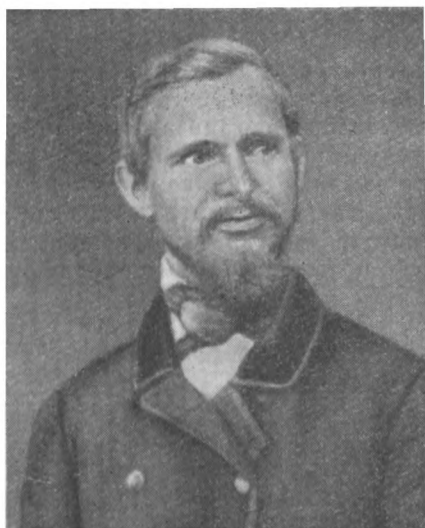
В. Левандовский — дворянин Люблинской губернии, участник венгерской революции 1848—1849 гг. 22 января 1863 г. он был назначен повстанческим начальником Подляского воеводства, получил тяжелое ранение и попал в плен. Его приговорили к смертной казни, но помиловали и сослали на поселение с лишением всех гражданских и имущественных прав. С 15 июля 1864 г. Левандовский поселился в деревне Баргинской Рыбинской волости Каяского округа⁸⁸.

⁸⁵ ЦГАОР, ф. 109п, I эксп., 1866 г., д. 38, ч. 3, л. 38.

⁸⁶ См. Т. Ф. Федосова. Польское студенческое общество в Московском университете (1855—1863 гг.). — «Ученые записки Института славяноведения», т. XXIX. 1965, стр. 24—50.

⁸⁷ Н. П. Митина. Из истории... стр. 652.

⁸⁸ ЦГАОР, ф. 109п, I эксп., 1866 г., д. 412, л. 6.

В. Левандовский

Первоначальная цель организации, как указывается в обзоре, заключалась в содействии побегу политических ссыльных, снабжении их деньгами и документами. Никакими другими сведениями об этой организации мы пока не располагаем.

Таким образом, архивные материалы позволяют сделать вывод, что, прибыв в Сибирь, польские ссыльные стали осуществлять идею создания революционной организации. Это было время, когда на территории Польши еще шли сражения, в России продолжалась деятельность революционного подполья, в Сибири шел бурный рост самосознания, развивалось революционно-демократическое движение. Основателями революционной организации ссыльных в Сибири были активные участники восстания 1863 г., представители лагеря красных, сторонники русско-польского революционного союза. Захваченные в плен в разгар борьбы, полные веры в победу, они в заточении и ссылке не отказались от ее продолжения.

Состав революционной организации польских ссыльных, по дошедшим до нас документам, нельзя считать установленным полностью, сведения о некоторых ее членах недостаточно достоверны. Тем не менее можно сделать вывод, что основу организации составляли представители демократических слоев ссыльных. По свидетельству Г. Вапкевича, она была демократической и носила название «Веры»⁸⁹. В ее состав, кроме ссыльных, входили и представители местного населения. По сути дела это была русско-польская революционная организация.

---

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. III, л. 70 и об.

4.

Установление связей с подпольем центральной России. Оформление русско-польского революционного союза в Сибири и план восстания

Томская подпольная организация установила связи со многими местами ссылки в Сибири. Так, член организации Тобенская имела постоянную переписку с польскими ссыльными, живущими в деревнях и городах Томской губернии, а также получала письма из Тобольска. О связях томской организации с одним из активных деятелей Тобольской губернии Вышинским Вашкевич показал: «Об отношениях Минейки к Вышинскому я слышал в Томске, что он получал от него какие-то сведения и брошюру, написанную против томской аристократии. В подражание этой брошюре Минейко, Гринцевич и де Лампи написали другую брошюру, которая в Томске ходила по рукам, и ее читали даже русские. В этой брошюре осуждались аристократы за то, что они не хотели сочувствовать демократам, т. е. тем лицам, которые составляли организацию»¹.

Томская организация пересылала через посредство Жеготы распоряжения к ксендзу Мурашке, жившему в Омске².

О Наполеоне Дембицком, Витольде Гринцевиче и чиновнике Рутковском Г. Вашкевич показал, что они вели тайную переписку с Иркутской губернией, Нерчинском и Красноярском.

---

¹ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. II, л. 74.

² Там же, ч. III, лл. 135—140.

Согласно показаниям Бонасевича, томское общество поручило Людвигу Василевскому доставку бумаг и документов в Красноярск³.

Связи с Красноярском осуществлялись также через жену чиновника Малецкого, принадлежавшую якобы к красноярскому кружку⁴, и капеллана, высланного оттуда в 1865 г.⁵ Вполне вероятно, что речь идет о ксендзе Пукене. Сведения о его «неблагонадежности» стали поступать в III отделение уже в 1863 г. Так, енисейский жандармский штаб-офицер Н. П. Борк доносил 27 июня 1863 г., что «католический красноярский ксендз Пукен по своему направлению, образу мыслей и сильному сочувствию к настоящему польскому мятежу весьма вреден для Енисейской губернии, заключающей в себе около 2 тысяч прихожан его, католиков, из которых, за исключением весьма немногих, почти все люди, сосланные за преступление, пятких правил и нравственности и некоторая часть восприимчивой и не всегда рассудительной молодежи... Пукен, бывая в округах Енисейской губернии, возбуждал сочувствие польскому восстанию и делал между поляками, находящимися на промыслах, денежный сбор, отправляя собранные деньги в Вильно или Варшаву»⁶. В феврале 1865 г. в III отделение поступили новые сведения, что, по слухам, «в городе происходят тайные сборища политических преступников... и что главным организатором этого заговора в гор. Красноярске — пробощ католической церкви ксендз Пукен, переведенный в гор. Казань и уехавший туда в минувшем январе»⁷. Г. Вашкевич показал, что в Петербурге он был свидетелем разговора о пересылке петербургской организацией сосланному в Казань капеллану каких-то бумаг⁸.

³ В Красноярск Василевский был отправлен в середине апреля 1865 г. При отправлении он в партийных списках был переименован в Людомира Вашневского (Н. П. Митина. Из истории русско-польских революционных связей в Сибири в 1864—1866 гг.— «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 648.

⁴ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Русско-польские революционные связи в подполье и ссылке 1864—1866 гг.— «Русско-польские революционные связи», т. 2. М., 1963, стр. 618, 621 («Восстание 1863 года. Материалы и документы»).

⁵ Там же, стр. 615.

⁶ Там же, стр. 550.

⁷ Там же, стр. 574.

⁸ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. III, л. 56.

О связях томской организации с городами Сибири сообщал М. С. Корсакову и военный губернатор Забайкальской области Н. П. Дитмар. «От комитета политических преступников, находящихся на поселении в Томске, — писал он в апреле 1866 г., — разослано в Усолъе, Сивакову, Нерчинский завод, Петровский завод и Сретенск приказание делать частые беспорядки и тем заставить правительство гораздо строже содержать политических преступников; этой мерой они надеются достичь, что все не желающие производить беспорядки, будучи выведены из терпения строгостью содержания, присоединятся к действующей партии»⁹. Н. П. Дитмар назвал связанных, через которых, по имеющимся у него сведениям, велась переписка с Томском. Это были варшавская актриса Елена Киркор¹⁰, отбывавшая ссылку в Усолъе, графиня Енинскаро в Иркутске, доктор Юзеф Дворжачек на Александровском заводе, сапожник Томашевский в Сретенске¹¹. Переписка с Восточной Сибирью велась, по сообщению Г. Вашкевича, посредством симпатических чернил. О связях томской организации со многими пунктами Сибири свидетельствуют письма, отобранные в начале 1866 г. у А. Бонасевита¹².

Для координации действий с центральными городами России, с эмиграцией и Королевством Польским томская организация ссыльных в мае 1865 г. выделила З. Минейку, А. Окинчица и Г. Вашкевича. Минейко и Окинчиц должны были бежать в Париж, а Вашкевич — в Королевство Польское. Их путь лежал через многие города Сибири и России, включая Москву и Петербург.

Поражение восстания в Польше, раскрытие революционных организаций в центральной России, неудача «казанского заговора» и наступившая реакция не задушили революционных стремлений передовых слоев русского и польского общества. Политические процессы начала 60-х годов, аресты и ссылка представителей революционно-демократического лагеря нанесли сильный удар рево-

---

⁹ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 574.

¹⁰ Активная участница восстания, хозяйка конспиративной квартиры (пансионата), где жил Р. Траугутт, последний руководитель Национального правительства. Киркор была приговорена к ссылке в Сибирь по процессу Траугутта.

¹¹ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 574.

¹² Н. П. Митина. Из истории..., стр. 661—662.

люционному движению, но не уничтожили его. Следствия не раскрыли многих участников «Земли и Воли», Петербургской офицерской организации и многочисленных групп и кружков 50-х годов, как русских, так и польских. Сами царские власти считали, что «по распадении общества „Земля и Воля“ образовалось несколько кружков, о которых хотя и нельзя сказать, чтобы они приняли все формы тайных обществ, но можно положительно заявить, что деятельность их имеет весьма вредное направление»¹³.

Революционные русские и польские кружки в Петербурге, Москве и других городах поределли, но продолжали действовать применительно к новым условиям. В Москве существовал ишутинский кружок (Н. А. Ишутин, П. Д. Ермолов, М. П. Загibalов, Н. П. Странден, Д. А. Юрасов, Н. П. Петерсон, В. С. Карачаров и др.)¹⁴, кружок П. А. Спиридова (А. А. Козлов, братья Алексей и Александр Орфано, Н. А. Гернет, В. Н. Черкезов, А. Мамонтов и др.)¹⁵, Польский комитет (П. Маевский, М. Маркс, Б. Трусков, Б. Шостакович, А. Лянгауз и др.)¹⁶.

В Петербурге революционная группа объединялась вокруг И. А. Худякова. В нее входили В. А. Озеров, братья А. М. и П. М. Никольские, Г. З. Елиссеев, А. А. Лебедев, Н. Д. Ножин, И. В. Ведерников и др.¹⁷ Петербургские революционеры поддерживали тесные контакты с польской петербургской организацией (некий Станислав, Ромуальд Загорский, Эмилия Завадская, Станислав Вешторт, Ян Валицкий, Станислав Урбанович, Струмилло, Барановский и др.)¹⁸.

Польские организации в Москве и Петербурге оказывали помощь отправляемым в ссылку и бежавшим из нее участникам восстания деньгами, одеждой, документами, снабжали их адресами. В тюрьмах велись списки ссыльных, производились сборы денег.

Подпольные кружки вели широкую пропаганду социалистических взглядов. Наряду с этим значительное место

¹³ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экзп., 1864 г., д. 30, ч. 4, л. 3 об.

¹⁴ Э. С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, стр. 198—216.

¹⁵ Э. С. Виленская. Указ. соч., стр. 216—228.

¹⁶ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 602.

¹⁷ Э. С. Виленская. Указ. соч., стр. 302—350.

¹⁸ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 604—609, 641—646.

в их деятельности в 1864—1866 гг. по-прежнему занимала разработка планов политического преобразования страны.

Русские и польские организации в рассматриваемый период были тесно связаны между собой. Их сотрудничество выразилось в организации побегов П. Э. Юндзилла, Я. Домбровского и его жены, в совместных замыслах освобождения Н. А. Серно-Соловьевича и Н. Г. Чернышевского, а также в подготовке вооруженного выступления против царизма.

Продолжались поиски путей и методов борьбы за освобождение Польши и среди польской эмиграции. Большинство бежавших за границу участников восстания 1863 г. все свои надежды связывало с новым восстанием. Вопросы о значении борьбы польского народа, об ошибках восстания, о роли тех или иных его деятелей горячо обсуждались на сходках, собраниях и в печати. В эмиграции создавались партии и группы, разрабатывались планы дальнейшей борьбы. Активная политическая жизнь эмиграции в 1864 — начале 1865 г. сосредоточилась в Париже, Лондоне, Риме и Дрездене.

З. Минейко, А. Окинчиц и Г. Вапкевич бежали из Сибири 15 мая 1865 г. Они ехали под видом купеческих приказчиков. Для обеспечения безостановочного и безопасного следования их сопровождали крестьяне — Иван Киселев и Федор Иванов. Огромную помощь в организации побега оказали Белогужев и Белов. Не заезжая в Пермь, беглецы сели на пароход и отправились в Казань. По сообщению Г. Вапкевича, перед их побегом томская организация получила из Петербурга явочные адреса, в основном студентов Московского и Петербургского университетов. Перед отъездом Минейко уничтожил эти письма, переписав адреса шифром (цифрами)¹⁹. В своих воспоминаниях он указал, что адреса в Москву и Петербург дал К. Сулистровский²⁰.

Минейко, Окинчиц и Вапкевич, по свидетельству последнего, имели при себе бумаги, которые должны были представить в Петербургскую организацию. В этих бумагах заключались важные сведения о сибирском подполье²¹.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 95я, оп. 1, д. 302, ч. II, л. 43 об.

²⁰ Z. Minejko. Wspomnienia, t. VII, str. 263.— Biblioteka Jagellońska, rkp. № 7092.

²¹ ЦГАОР, ф. 95я, оп. 1, д. 302, ч. II, лл. 44.

По дороге из Томска в Петербург бежавшие имели возможность связаться с местными организациями многих городов для установления более тесного контакта. Так, например, по показанию Вашкевича, в Кунгуре они пробыли около шести часов. Здесь Окинчиц и Минейко ходили в город (Окинчиц — к своему двоюродному брату и А. Лаппе²², которым он передавал какие-то бумаги и письма из Сибири). В Казани Минейко ездил с письмами в город к профессору Казанского университета Гроссу²³, сосланному туда в 1856 г., Минейко возвратился на пароход с письмами от Гросса в Москву. В Москве все трое имели свидание с членом Польского комитета Болеславом Шостаковичем. По свидетельству Вашкевича, Шостакович так характеризовал цели и задачи польского общества центрального подполья: «Цель преследовалась обеими организациями (петербургской и московской.—Н. М.) одна, а именно: уничтожение царского дома, ниспровержение существующего порядка управления, введение конституции, для достижения каковой цели предполагалось проводить через членов общества в народе в разных местах государства мысль, что он (народ) не будет счастлив, находясь под настоящим деспотическим правлением»²⁴.

В Москве Минейко, Окинчиц и Вашкевич получили адрес к «барону», одному из главных деятелей петербургской организации. Из Петербурга Минейко и Окинчиц вскоре отправились в Кронштадт, а оттуда за границу, в Париж. Вашкевич остался в Петербурге. Он жил у Роумуальда Загорского, одного из членов петербургской организации. Г. Вашкевич участвовал в заседаниях общества, а также был свидетелем многократных разговоров Загорского с другими его членами.

«Барон» неоднократно назначал свидания Вашкевичу в Летнем саду, в Юсуповском саду, в скверах у Исаакиевского собора и Семеновских казарм. Во время этих свиданий «барон» рассказал Вашкевичу, что цель существу-

---

²² Бывший предводитель дворянства Минской губернии.

²³ Осенью 1862 г. III отделение получило сведения, что «постоянным посредником между политическими преступниками в империи и жителями Царства Польского служил профессор Казанского университета Гросс» (ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 102, лл. 1—2).

²⁴ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 594.

ющего общества — «свергнуть настоящее деспотическое правление и распространять в народе идеи, что он не будет счастлив до тех пор, пока не получит свободы и прав. Эти идеи должны были распространяться во всех пунктах России и там же должны были заблаговременно приготовить вооруженных людей для ниспровержения и умерщвления правительственных лиц»²⁵.

Многokrатно Г. Вашкевич заявлял, что в революционных планах петербургское общество большие надежды возлагало на Сибирь. Из Петербурга туда, по свидетельству Г. Вашкевича, было послано несколько человек. Члены петербургской организации говорили ему, что плоды их трудов обильнее в Сибири, чем в России, так как там больше людей, готовых с преданностью действовать, и что они надеются на большой успех там впоследствии²⁶. Петербургская польская организация, по сообщению Вашкевича, вела переписку с Сибирью. При нем посылали из Петербурга в Томск письма — одно на имя судьи Нушкарева, другое на имя Поцелуевского. Письма эти диктовал «барон». Один из основных деятелей петербургской организации по имени Станислав получил письмо из Тобольска. Он говорил Загорскому и «барону» при Вашкевиче, что в Тобольске дело пойдет хорошо, так как там у поляков есть большой запас оружия.

Тесные связи как с польской организацией, так и с Сибирью поддерживал И. А. Худяков. Он переписывался с сестрами Ямонт²⁷, находившимися в Тобольской губернии. Он рассказывал Вашкевичу, что постоянно получает сведения из Сибири и знает обо всем, что там делается²⁸. Худяков в разговоре с Вашкевичем неоднократно упоми-

---

²⁵ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 605.

²⁶ Там же.

²⁷ Семейство Ямонт — из дворян Виленской губернии, активные участники восстания в Литве. По характеристике петербургской следственной комиссии, это семейство в Вильно считалось «самым злонамеренным в политическом отношении» (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. II, л. 73 об.). В Сибирь были высланы отставной надворный советник Матвей Ямонт, его жена Схоластика, сыновья Юзеф и Антоний, дочери Мария и Елена и зять Антоний Висковский. При обыске 16 сентября 1866 г. у них была найдена огромная корреспонденция и рецепты для составления симпатических чернил. Привлеченные к следствию омской и томской комиссиями они ни в чем не сознались.

²⁸ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. III, л. 47; ч. II, л. 73 об.

нал фамилию Минейки и называл его деятелем организации в Сибири. Когда на вопрос Худякова о том, известен ли Минейко Вашкевичу, последний уклонился от ответа, Худяков возразил: «Да я знаю, что вы с ним приехали и что он находится теперь в Париже»²⁹.

Показания Г. Вашкевича о связях петербургских революционных кругов с Сибирью подтверждаются документами, обнаруженными следственной комиссией по делу Каракозова, совершившего 4 апреля 1866 г. покушение на Александра II. Эти документы вскрывали намерение русских и польских революционеров освободить из каторги Н. Г. Чернышевского. При обыске в доме Ишутина были взяты бумаги, среди которых находились рекомендательные письма в Сибирь, написанные И. А. Худяковым и польскими революционерами³⁰. Письма эти были вручены Н. П. Страндену, который вместе с группой помощников должен был весной 1866 г. выехать в Сибирь. И. А. Худяков написал два письма — к Николаю Ивановичу Наумову³¹ в Тобольск и к неустановленному адресату³². Эти письма содержат важные сведения о конспиративной переписке Худякова с сибирскими корреспондентами. Второе письмо рекомендует Н. Страндену как «хорошего человека», с которым можно «переговорить о деле». Разумеется, речь идет о переговорах сибирского революционного лагеря с центральным подпольем.

И. А. Худяковым были вручены Н. П. Страндену еще два письма в заклеенных конвертах без адресов, в которых, кроме писем, находились порошки для симпатических чернил. Письма, содержащиеся в конвертах, были написаны по-русски, с подписью на одном «Иван Петров», а на другом — «Петр Иванов». Оба эти письма оказались конспиративными. В них между строками был симпатическими чернилами написан текст по-польски, с подписью «Станислав». В делах следственной комиссии сохранилось письмо с подписью «Иван Петров» и польский текст

---

²⁹ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 623.

³⁰ Там же, стр. 560—561, 597.

³¹ Писатель-народник, принадлежал к сибирскому революционно-демократическому лагерю.

³² Ю. И. Смирнов, работающий над проблемами, связанными с деятельностью И. А. Худякова, полагает, что письмо с обращением «Петр Григорьевич!» могло быть адресовано Заичневскому, отбывавшему ссылку в Енисейской губернии.

этого письма³³. Русский текст датирован 27 января 1866 г. Письмо на русском языке по содержанию ничем не примечательно, кроме многочисленных полонизмов, которые позволяют предполагать, что оно также было написано поляком. Польский текст содержит ценные указания на связь петербургского подполья с Сибирью. В нем прямо говорится о З. Минейке, который, уезжая за границу, оставил адреса в Сибирь и сообщил о состоянии революционной пропаганды в Сибири и проделанной там организационной работе. Петербургские революционеры обращались с предложением объединить усилия и придать революционной работе «единое направление и цель». Для установления постоянной переписки (один-два раза в неделю) Станислав сообщал четыре петербургских фамилии³⁴. Письма должны были посылаться до востребования по-русски и содержать конспиративный текст, написанный симпатическими чернилами. Автор письма обращался к своим корреспондентам с просьбой не отказать в помощи и совете подателю сего письма, русскому, отправляющемуся «с благородной целью в те края», дать ему письма для дальнейшего следования и вообще помочь «исполнить задуманное». Письмо свидетельствует о стремлении к установлению тесной связи польских и русских революционеров Петербурга, Москвы и Сибири. Эти два письма могли быть вручены любому из лиц, поименованных в записке, написанной карандашом Н. Странденом. В этом списке значились Мурашко в Омске, Виктор Гриневич в Томске, доктор Вл. Вышинский в Тобольске, Кухарский в Кузнецке, Н. Н. Пестерев в Иркутске и семья Ямонтов. По показаниям Н. П. Страндена, эти фамилии были записаны им со слов И. А. Худякова. Худяков рекомендовал Страндену прежде всего связаться с Вышинским через Марию Ямонт, которая должна была способствовать дальнейшим связям³⁵.

Имеется еще одно свидетельство о связях И. А. Худякова с польскими революционерами. В Сибири к сосланному И. А. Худякову был посажен А. Трофимов — сто-

---

³³ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 560—561.

³⁴ Степан Степанович Фрейман, Александр Иванович Добрумов, Анна Ивановна Миронова, Мария Петровна Левенштейн (Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 560).

³⁵ Там же, стр. 574—576, 596—597.

лоначальник канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири, выдававший себя за польского ссыльного Трохимовича. Он должен был вызвать И. Худякова на откровенные разговоры и сообщать о них в Петербург. Записки Трофимова³⁶ — это своеобразный конспект его разговоров с Худяковым на политические темы в течение 1867—1868 гг. Среди его сообщений есть запись рассказа И. Худякова от 4 мая 1867 г. «Меня при предварительном следствии спросили: „А вы были у Маевского с паном Станиславом?“ Думаю, откуда это они узнали?.. и чуть было не сознался»³⁷.

Один из польских ссыльных, следовавший на каторгу летом 1865 г., привез в Томск, по заявлению А. Бонасевича, до шести газетных экземпляров инструкции. Эта инструкция состояла, якобы из 400 пунктов и содержала подробные указания, как действовать томскому обществу. Два экземпляра этой инструкции были отданы доктору Б. Мацкевичу и два К. Сулистровскому³⁸. Вполне вероятно, что инструкция могла быть получена в Петербурге или Москве от действовавших там революционных организаций.

Таким образом, по сохранившимся архивным материалам можно судить, что из многочисленных кружков и групп польских ссыльных, возникших в 1864—1865 гг. в Западной Сибири, самой значительной была томская. Ей удалось установить связи как внутри Сибири, так и с революционным центральным подпольем.

Раскрытие русской революционно-демократической организации в Сибири весной 1865 г., аресты и репрессии, начало работы омской следственной комиссии создали в городах Западной Сибири атмосферу правительственной реакции. Томский приказ о ссыльных, допускавший различные послабления для них, подвергся контролю. Положение многих ссыльных в Томске стало чрезвычайно тяжелым, очень затруднились условия революционной деятельности. В связи с этим центр подполья передвинулся на восток, в частности, в Енисейскую губернию.

---

³⁶ Они хранятся в ЦГАОР (ф. 95и, оп. 1, д. 340) и опубликованы В. Г. Базановым в журнале «Русская литература» (1962. № 4, стр. 146—163).

³⁷ В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 153.

³⁸ Н. И. Митина. Из истории..., стр. 651.

К лету 1865 г. в различных местах Енисейской губернии сконцентрировалось значительное число русских и польских революционеров. За участие в литографировании и распространении листовок «Великорус» в Енисейскую губернию на поселение был сослан студент Московского университета Николай Освальд. Здесь же отбывал ссылку студент медико-хирургической академии Петр Беневоленский³⁹ — один из преподавателей воскресных школ, возникших в 1861 г. при некоторых приходах и гимназиях Петербурга.

Студенты, сочувственно относившиеся к польскому движению и выступавшие в защиту его, в ссылке сближались с польскими повстанцами и продолжали совместно бороться. По словам студента А. Балакшина, «одни и те же идеи и убеждения сделали их друзьями»⁴⁰.

С 15 июля 1864 г. в деревне Баргинской Рыбинской волости Канского округа был поселен Валентий Левандовский. Вскоре сюда же прибыл Кароль Новаковский — один из руководителей студенческой молодежи Варшавы в начале 1861 г. Он был сослан на каторгу, но по дороге поменялся документами со ссылаемым на поселение братом Эдвардом, ксендзом ордена капуцинов (отцом Вацлавом). Эдвард отправился вместо брата на каторгу и отбывал ее в Усолье, затем в Иркутске, Тунке и В. Устюге, а Кароль остался в Енисейской губернии. Кроме большой братской любви, в которой сомневаться не приходится, значительную роль в таком самопожертвовании сыграли патриотические чувства, так как Кароль Новаковский был одним из руководящих деятелей сибирской организации. По свидетельству В. Левандовского, именно К. Новаковский информировал его о замыслах восстания, о комитетах, о предложении русских революционеров поднять восстание в Сибири⁴¹.

Осенью 1865 г. в Красноярском остроге находилось около 1000 ссыльных⁴². В Иркутской губернии и Забай-

³⁹ По приговору сената он в марте 1863 г. был сослан на поселение в отдаленнейшие места Сибири. В июне 1863 г. прибыл в Красноярск и был оставлен там на долгое время в тюремном больничном замке.

⁴⁰ ПГАОР, ф. 109я, I экзп., 1863 г., д. 23, ч. 214, л. 43.

⁴¹ W. Lewandowski. Pamiętniki.— «Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego w Rapperswillu za rok 1908». Paryż, 1909, str. 82—83.

⁴² ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 25, д. 176, л. 12.

П. Ляндовский

калье был неурожай, поэтому поступило распоряжение не спешить с отправкой партий. В красноярскую тюрьму 18 сентября прибыли П. Ляндовский, Ю. Шленкер и Ю. Ратынский. Павел Ляндовский во время восстания 1863—1864 гг. был начальником варшавской народной стражи, участвовал в покушении на наместника Королевства Польского Ф. Ф. Берга, под именем Коса предводительствовал повстанческим отрядом. Полевым аудиториатом он был приговорен к повешению, замененному 20 годами каторжных работ. В Сибири П. Ляндовский, по характеристике председателя Главного управления Восточной Сибири, «как выдающаяся симпатичная личность, резко отличающаяся от прочих политических преступников своим образованием, имеет громадное влияние на своих товарищей... Постоянно замечаем был в злонамеренных действиях против правительства и стоит первым по счету преступников, волнующих умы своих товарищей, имея через это на них весьма вредное влияние»⁴³. «Среди

⁴³ Н. П. М и т и н а. Из истории..., стр. 651.

паходившихся в это время в красноярской тюрьме польских ссыльных, следовавших на каторгу, насчитывалось около 200 человек повстанческих жандармов, горячо преданных Ляндовскому и готовых идти за ним в огонь и воду»⁴⁴.

Юзеф Шленкер за участие в восстании на территории Королевства Польского в 1864 г. по конфирмации наместника был сослан в Сибирь на каторжные работы на 10 лет.

Юзеф Ратынский активный участник восстания 1863 г. на территории Королевства Польского, действовавший под псевдонимом «Зенон Теобальд». По конфирмации наместника Королевства Польского от 2 (14) ноября 1864 г. смертный приговор ему был заменен каторжными работами сроком на 20 лет. В Сибирь Ратынский следовал вместе со Шленкером и Ляндовским. В пути был утерян его статейный список, и томская экспедиция составила новый, со слов самого Ратынского, который заявил, что он следует на поселение. Он был оставлен в Красноярске. По заявлению Бонасевича, П. Ляндовский «имел назначение формировать в Томске братство „возмутителей покоя“ и с этой целью вышел из арестантской роты и, по видимому, остался бы в Томске, но был разыскан и отправлен далее по случаю телеграммы, полученной от наместника Царства Польского графа Берга»⁴⁵. Показание А. Бонасевича подтверждается донесением томского жандармского штаб-офицера от 20 августа 1865 г. в III отделение, в котором, как пример беспорядков, замеченных в Томске «по содержанию и отправлению политических преступников», приводится факт ухода из арестантской роты следовавших в каторжные работы П. Ляндовского, Ю. Шленкера и Ю. Ратынского. В результате полученной от Ф. Ф. Берга телеграммы, отсутствие Ляндовского было замечено, и он был разыскан на третий день⁴⁶.

В октябре 1865 г. в красноярскую тюрьму прибыли Н. А. Серно-Соловьевич, Н. М. Владимиров и П. А. Ветошников. Н. А. Серно-Соловьевич — идеолог революционно-демократического лагеря 60-х годов, соратник Н. Г. Чернышевского, один из основателей «Земли и воли», публицист, активный борец против самодержавия. Он

---

⁴⁴ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 568.

⁴⁵ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 651.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 109я, I эксп., 1865 г., д. 23, ч. 517, лл. 29—30.

горячо верил в грядущую революцию. По замечанию Н. В. Шелгунова, «в то время, богатое людьми сильными, энергичными, решительными, людей почина было не особенно много. К этим людям принадлежал Николай Серно-Соловьевич»⁴⁷. Он был арестован 7 июля 1862 г. и провел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости почти три года. Находясь там, он нашел способ связаться с революционным подпольем и эмиграцией. Эпистолярный материал этих лет и другие документы свидетельствуют о том, что Н. А. Серно-Соловьевич был хорошо осведомлен о наиболее важных событиях общественной жизни.

В тяжелые годы реакции, когда надежды многих революционеров на возможность народного восстания к лету 1863 г. не оправдались, когда появилось уныние, и нередко были отказы от борьбы, Николай Серно-Соловьевич сохранил непоколебимую убежденность в неотвратимости революции. «Дитя будет, но должно созреть»⁴⁸, — писал он к Герцену и Огареву из крепости в первой половине 1864 г. Убежденный, что крестьянское восстание невозможно без крепкого революционного ядра, призванного возглавить борьбу народных масс, Серно-Соловьевич и в эти годы настойчиво призывал формировать организацию революционеров⁴⁹. 21 июля 1865 г. он был отправлен из Петербурга на вечное поселение в Сибирь.

Во время процесса над Каракозовым открылись планы русских и польских революционеров организовать побег Н. А. Серно-Соловьевича за границу⁵⁰. Реализации их помешали те меры предосторожности и быстрота, с которыми высылался Н. А. Серно-Соловьевич. При отправке его в Сибирь русские и польские революционеры пытались установить с ним связь. В этом плане интересны показания М. Маркса, который сообщает следующее: «Я по поручению Спиридова хотел видиться с Шостаковичем и

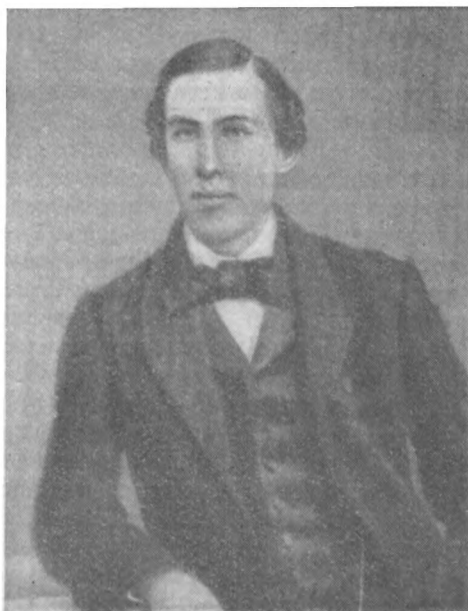
---

⁴⁷ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 115.

⁴⁸ «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 561.

⁴⁹ О взглядах Н. А. Серно-Соловьевича на революцию см.: И. Б. Володарский. Н. А. Серно-Соловьевич в годы заточения в Алексеевском равелине.— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 340—359; «Литературное наследство», т. 62, стр. 561; т. 67, стр. 752—853; Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. М., 1963.

⁵⁰ «Покушение Каракозова», т. II. М.—Л., 1930, стр. 241, 243, 312, 351, 354.

Н. А. Серно-Соловьевич

сообщить ему, что Серно-Соловьевич в Москве и что про то нужно сообщить в Нижний и в Казань. Не заставши Шостаковича дома, я передал это ему, Маевскому. Спустя несколько дней я на Тверской улице встретил Маевского, и он сказал мне, что Серно-Соловьевича нет в Москве, и что про это нужно поговорить с человеком, который заложит средний палец за лацкан сюртука или жилета»⁵¹. Заслуживает внимания и сообщение В. Левандовского, который писал, что в Восточной Сибири знали о прибытии Н. А. Серно-Соловьевича в Тобольск⁵².

Итак, в красноярском остроге осенью 1865 г. находились видные представители русского и польского революционного движения. Многие из них уже были хорошо осведомлены о деятельности, направленной на создание организации и делали попытки, как Ляндовский, Шленкер,

⁵¹ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 596.

⁵² W. Lewandowski. Указ. соч., стр. 82.

Ратынский, принять в ней участие в Западной Сибири. Именно здесь, в Красноярске, а затем в Канске окончательно оформился русско-польский революционный союз, сложившийся в эти годы в Сибири.

В январе 1866 г. III отделение получило от енисейского жандармского штаб-офицера Борка сведения, что «действиями и секретными наблюдениями полиции в Енисейской губернии, кажется, напали на следы организации между политическими преступниками, как надобно полагать, с целью восстания»⁵³. Основными деятелями организации Борк называл Н. А. Серно-Соловьевича, Ю. Ратынского, Ю. Шленкера и П. Ляндовского, т. е. ссыльных, находившихся в красноярской тюрьме. Л. Ф. Пантелеев пишет, что в руководящий кружок, кроме того, входили Д. Рогалевич, Веретьевский, Михаловский, Пшесецкий и Гломбецкий⁵⁴. По словам участника организации З. Одживольского, «душой всеобщего восстания в Сибири» был Серно-Соловьевич⁵⁵.

В красноярской тюрьме революционной группе удалось действовать недолго. В Сухой Бузим по делам организации должен был ехать Дионизий Рогалевич. Будучи старостой (последний выбирался ссыльными и утверждался тюремным начальником), Рогалевич пользовался меньшей свободой, ибо отсутствие его скоро могло быть обнаружено. Чтобы обойти это затруднение, Рогалевич под предлогом болезни освободился от обязанностей старосты (им стал Ю. Ратынский). Тем не менее отсутствие Рогалевича было замечено, и его стали искать по городу. После возвращения в Красноярск он был посажен в карцер, и история отлучки его получила огласку. Делом заинтересовался полковник Борк. Рогалевичу было предоставлено на выбор: или будет начато следствие о самовольной отлучке, или его немедленно отправят далее. Руководящее ядро организации решило двинуться далее вместе с Рогалевичем. Надо заметить, что при отправлении из острога партий ссыльных начальство определяло лишь размер партии, а формирование ее зависело главным образом от старосты. Этим широко пользовались польские ссыльные. 18 декабря многие члены организа-

⁵³ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 652.

⁵⁴ Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 570.

⁵⁵ Z. Odrzywolski. Powstanie polskie nad Bajkałem i sprawa Kazańska. Lwów. 1878, str. 33.

ции отправились в Канск. В Красноярске были оставлены Ю. Ратынский и Ю. Сулинский. В Красноярском округе действовал и доктор Полячек. По дороге в Канск руководители организации встретились с В. Левандовским и договорились с ним о прибытии его в Канск для дальнейших совещаний⁵⁶.

В конце декабря партия прибыла в Канск и, как указывает Л. Ф. Пантелеев, «имела особенный интерес задерживаться тут сколь возможно долее»⁵⁷, так как именно в деревнях Канского и Минусинского округов администрация сконцентрировала огромное число ссыльных.

В Канске Ляндовский, Шленкер и Серно-Соловьевич поселились в городе на квартире доктора Залеского. Предстояло в короткий срок провести огромную организационную работу. Левандовский в своих воспоминаниях пишет, что он пользовался всеми способами, чтобы присутствовать на совещаниях в Канске, отстоящем от села Рыбинского на 50 км. Он подружился с местным попом, у которого часто пил чай. В полночь шел к крестьянину, живущему в конце села, нанимал у него повозку и ехал на условленное совещание с Серно-Соловьевичем. Утром возвращался в село и ждал попа в церкви, чтобы тот не заметил ночных его отлучек, так как ему без разрешения властей не разрешалось удаляться из деревни дальше ближайшей околицы⁵⁸.

Левандовский пишет, что на одном из совещаний, на котором присутствовали, кроме него, Н. А. Серно-Соловьевич, П. Ляндовский, офицер, два купца, ждали попа-«академика», сосланного в Сибирь. Польский историк Вл. Евсевицкий высказал предположение что, возможно, здесь речь идет о революционере-демократе профессоре истории Казанской духовной академии и Казанского университета А. П. Щапове. В 1864 г. он был выслан в Иркутскую губернию⁵⁹. Предположение Евсевицкого не лишено оснований. Щапов в Сибири пользовался относительно большей свободой, чем многие другие ссыльные. Вполне возможно, что он приехал в Канск для встречи с

⁵⁶ W. Lewandowski. Указ. соч., стр. 79.

⁵⁷ Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 570.

⁵⁸ W. Lewandowski. Указ. соч., стр. 83.

⁵⁹ Wł. Jewsiewicki. Na syberyjskim zesłaniu. Warszawa, 1959, str. 108—109.

Н. А. Серно-Соловьевичем, тем более, что как указывает Левандовский, поп-«академик» присутствовал лишь на одном совещании.

Замечательные слова произнес на этом совещании «поп». «У нас ничего хорошего не будет, пока мы всех попов не перережем». На замечание одного из присутствовавших купцов, что и он поп, тот отвечал: «как поп, я являюсь таким же мошенником, как и все, и первый готов подставить свою голову под нож, но я чувствую себя гражданином великой России и за это страдаю в Сибири»⁶⁰.

Данное сообщение Левандовского содержит ценные сведения о составе руководящего ядра Красноярско-Канского центра. На заседании из семи человек присутствовали пять представителей русского революционного движения, принадлежавших к различным социальным слоям.

На происходивших в Канске совещаниях были выработаны идеологические и организационные основы организации⁶¹, написаны воззвания к народу, войску и польским ссыльным, инструкции для подготовки восстания, разработан план восстания.

Воззвание, авторство которого принадлежит Н. А. Серно-Соловьевичу, по содержанию близко к известным прокламациям 60-х годов для крестьян и солдат.

Поскольку в Сибири не было помещичьих земель, воззвание не содержало лозунга борьбы за землю. Вся сила агитации в нем направлена против царской власти, разоблачения беззаконий царя. Народу разъяснялось, что от податей, от солдатчины, от чиновников, от царя, их судов и острогов он терпит только мучения. «Будет помогать беззакониям начальников. У них нет никакой силы, кроме нашей. Мы сами помогаем им губить себя. В казне нет других денег, кроме платимых народом в податях. У царя нет других солдат, кроме данных обществами из своих же детей... У вас нет ни правды, ни воли. Народ страдает и мучится»⁶². Листовка разоблачала и «служителей божьих» попов, «которые заботятся не о спасении народа, а о своих карманах».

---

⁶⁰ W. Lewandowski. Указ. соч., стр. 84—85.

⁶¹ «Литературное наследство», т. 62, стр. 562, 564—565; Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 553—554, 556—557.

⁶² Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 556.

Воззвание содержит обращение к солдатам, призывая их не идти против народа. «В нем ваши братья и сестры, жены и дети, родители и сродственники», говорится в воззвании. «Пусть каждый, кому велят стрелять в народ, вспомнит, что ему нет от того никакой пользы... Идите по домам. А кому любя служба — служите своим»⁶³. Наконец, листовка содержит обращение к полякам, мученикам за волю, угнетаемым тем же царем, который угнетает и русский народ. Воззвание призывает польских ссыльных встать «дружно до одного человека вместе с народом за отечество и волю»⁶⁴.

Воззвание открыто призывало к восстанию. В нем говорилось: «Время, о котором давно писано и которого ждет народ, пришло... Переполнилась мера народных страданий и народного терпения... Встанем же дружно за правду и свою волю»⁶⁵.

В воззвании предлагалась и практическая форма решительного выступления народа в виде отказа от повиновения властям: «От сего дня не платить никаких податей, не ставить солдат... Гнать казенных начальников и выбирать промеж себя, куда нужно будет, правдивых и честных людей».

Трудно сказать, была ли распространена листовка в другие районы Сибири. В одном из донесений Борка указывалось, что восемь экземпляров воззвания были направлены в Томск⁶⁶, но более полных сведений об этом нет.

Итак, основными движущими силами восстания члены Красноярско-Канского центра считали народные массы Сибири, солдат и польских ссыльных. Последним отводилась активная, но вспомогательная роль. Для принятия участия в восстании планировалось сформировать польский легион.

Связь с народом в Сибири Красноярско-Канский центр осуществлял через Серно-Соловьевича, Беневоленского, Освальда и др. По-видимому, они добились успехов. «Известия из волости благоприятны», писал Серно-Соловьевич. Был установлен контакт со старообрядцами. Серно-Соловьевич поручил Беневоленскому вести пере-

⁶³ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова, Указ. соч., стр. 556.

⁶⁴ Там же, стр. 557.

⁶⁵ Там же, стр. 556.

⁶⁶ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 658.

говоры в Красноярске с Е. Т. Голубковым — «человек очень значительный у здешних староверов, вообще расположенных к нам. Он может указать средства для переездов, пересылок, пристанищ»⁶⁷.

К сожалению, более подробно эту важную сторону деятельности Красноярско-Канского центра документы не отражают.

Для ссыльных поляков подпольщиками была составлена инструкция. Опираясь на опыт польского восстания, она устанавливала территориальную систему повстанческой организации. Губерния делилась на округа, округа — на волости. Окружные начальники должны были назначать волостных и руководить их деятельностью, волостные — подготовить местные силы: «ознакомиться точно с численностью польских ссыльных и их местожительством, использовать все средства, чтобы как можно быстрее подготовить большинство их к борьбе»⁶⁸. Каждый волостной начальник обязывался выставить не менее 100 человек. Намечалось завести почты между деревнями, «подыскивать хороших лошадей, огнестрельное оружие и косы, чтобы это частично закупить, одолжить, а в крайнем случае забрать у населения». В назначенный день волостные начальники должны были привести людей на сборный пункт, указанный окружным начальником.

Внутри организации предусматривалась система десятков. «Для этого нужно, — говорилось в инструкции, — подобрать верных и способных людей на должности десятников и использовать их как помощников в подготовительных работах»⁶⁹.

В другой инструкции был подробно разработан штатный состав польских воинских подразделений и частей вплоть до бригады в 7450 человек⁷⁰. Возможно, что эту инструкцию составил Левандовский, «на личность которого и специальные познания, как бывшего полковника в рядах мятежных венгров, — писал Борк, — и занимавшего важный пост во время последнего в Польше мятежа, заговорщики сильно рассчитывали»⁷¹.

⁶⁷ «Литературное наследство», т. 62, стр. 568.

⁶⁸ См. Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 553.

⁶⁹ Там же, стр. 554.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 109и, I эксп., 1866 г., д. 38, ч. 3, лл. 110—115, 123—129.

⁷¹ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 656.

Из донесения Борка от 15 января 1866 г. видно, что инструкция по подготовке восстания касалась не только Енисейской губернии, но всей Сибири. К моменту донесения жандармского штаб-офицера была проделана уже огромная организационная работа. Сибирь была разделена на округа, и в каждый назначен особый начальник. По свидетельству Борка, в Тобольске таким начальником был Ксаверий Александрович⁷², в Омске — Юзеф Костелковский, о котором показывал Бернацкий, что он был одним из главных организаторов омского общества, в Томске — Казимеж Сулистровский, в Каинске — Игнаций Павловский⁷³, в Мариинске — ксендз Келпач⁷⁴.

Весть о создании в Сибири ссыльными революционерами организации вышла за Уральские горы и распространилась далеко на запад. По сообщению польского ссыльного, следующего в Иркутск осенью 1865 г., ему сообщили об этом еще в Казани. «Из дружеских бесед я узнал много интересного, — пишет он. — Указали мне пункты, в которых остаются главные деятели, рассказали о целях и средствах, какими организация располагает, о результатах проделанной работы. Тобольск, Красноярск, Канск, Иркутск были названы мне как центры, в которых развернулась деятельность поляков»⁷⁵.

В октябре 1865 г. московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков сообщил в III отделение, что московский обер-полицмейстер получил донесение от штаб-ротмистра Серафимовича со сведениями, что в Киеве «у одной подозрительной личности» был произведен обыск, при этом нашли письмо от польского ссыльного, в котором извещалось, что ссыльные в Сибири составили тайное общество под названием «Огул выгнанцев» «с целью распространить между тамошними жителями возмутительные идеи»⁷⁶.

Красноярско-Канский центр, подобно Томской организации, имел широкие связи. Борк отмечал, что «сношения

---

⁷² Из дворян Виленской губернии, за участие в восстании лишен всех прав состояния и сослан на «жительство» в Тобольскую губернию, куда прибыл в июне 1864 г.

⁷³ Шляхтич Шавельского уезда Ковенской губернии, сослан на «жительство» в Томскую губернию. В Тобольск прибыл 12 июля 1864 г.

⁷⁴ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 654.

⁷⁵ «Polacy na Syberii i powstanie nad Bajkałem. Poznań, 1878, str. 78.

⁷⁶ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 553.

между политическими ссыльными производятся замечательно быстро: сведения получаются отовсюду, даже из-за границы» ⁷⁷. Енисейской полиции стало известно несколько девизов для тайной переписки, в том числе Серно-Соловьевича, Ляндовского, Сельского, Сулинского и Шленкера ⁷⁸. Было сообщено содержание нескольких писем, записок и телеграмм. Переписка между ссыльными, указывал Борк, велась самая деятельная, в том числе и по телеграфу. Через несколько часов после ареста Шленкера один из ссыльных, живших в городе, получил из тюрьмы поручение дать шифрованную телеграмму в Канск об аресте Шленкера ⁷⁹. С каждой прибывающей партией арестантов ссыльные получали, по сообщению жандарма, огромную корреспонденцию ⁸⁰.

Для установления связей с Ачинском и Мариинском был направлен Юзеф Шленкер. Выписавшись из канской тюремной больницы в начале января 1866 г., он тотчас тронулся в путь. По дороге Шленкер поменялся фамилией с Александром Корзоном, по-видимому тем самым, который занимался изготовлением оружия в мастерской С. Паперника, тем более что у Шленкера был найден револьвер, как указывалось в донесении Борка, работы одного местного политического ссыльного. Револьвер этот Шленкер получил, якобы, по определению Борка, в Красноярске от Освальда, «человека в высшей степени вредного и деятельно содействующего заговорщикам» ⁸¹. Так как ко времени отправки Шленкера в Томскую губернию, полиции было известно уже от Сулинского о существовании организации, то за Шленкером было установлено наблюдение. В Красноярске Шленкер передал Сулинскому два письма от Серно-Соловьевича, одно к нему, Сулинскому, и другое Петру Беневоленскому. Кроме того, Сулинскому была вручена листовка и инструкция. В Красноярске Шленкер должен был получить от Ратынского план и список тех пунктов Томской губернии, в которых он должен был побывать. Левандовский указывал на опасность такой поездки, требовал осторожности. Шленкер писал Ратынскому, что Левандовский считает, что при неудаче первой торговой попытки

---

⁷⁷ Н. П. Митина. Из истории..., стр. 658.

⁷⁸ Там же, стр. 657.

⁷⁹ Там же, стр. 653.

⁸⁰ Там же, стр. 658.

⁸¹ Там же, стр. 657.

мы рискуем потерять весь капитал. «Это личность спокойная и мыслящая, не разделяющая вовсе принципов нашего Павция»⁸² (т. е. Павла Ляндовского), — указывал Шленкер. Ляндовский считал, что «дела дошли до того, что не время раздумывать, когда бы лучше и легче дело повести, но вести сильно и энергично, поступая рука в руку»⁸³. Письма основных деятелей Красноярско-Канской организации свидетельствуют, что среди руководящего ядра существовали расхождения по вопросу о степени готовности к выступлению.

Шленкер был арестован в деревне Замятниной, в нескольких километрах от Красноярска, на квартире у доктора Людвика Полячека. Кроме револьвера, при нем ничего не было найдено.

По сообщению Борка, подпольщиками планировалось до начала восстания провести совещания в Енисейской и Томской губерниях, преимущественно в городе Мариинске. Сильный недостаток в денежных средствах проектировалось пополнить выпуском фальшивых кредитных билетов⁸⁴.

Таким образом, к началу 1866 г. в Сибири была создана разветвленная революционная организация, состоящая из ссыльных и местного населения. Довольно быстрое организационное оформление планов русских и польских революционеров в ссылке стало возможно в силу того, что в России в 1864—1866 гг. действовали русские и польские организации, глубоко убежденные в необходимости и возможности революционного политического переворота. Немалую роль в конспиративной работе организации сыграл опыт участников восстания 1863—1864 гг.

В Канске окончательно был выработан план восстания. Его, по сообщению Борка, предполагалось произвести в марте 1866 г. одновременно на Нерчинских заводах, в Канском округе, преимущественно на Троицком солеваренном заводе, и во всей Западной Сибири⁸⁵.

Воспоминания В. Левандовского вносят важные дополнения к сообщению жандарма. «Когда в России вспыхнет революция, — пишет он, — поляки и русские на Нерчинских рудниках разоружат стражу и в походе на Иркутск

⁸² Н. П. М и т и н а. Из истории..., стр. 660.

⁸³ Там же, стр. 659.

⁸⁴ Там же, стр. 658.

⁸⁵ Там же, стр. 558.

будут забирать всех сосланных на каторгу и на поселение. Они будут действовать под руководством избранных главнокомандующих и офицеров»⁸⁶. В. Левандовский подчеркивал, что в планируемом восстании польским ссыльным отводилась активная, но вспомогательная роль.

Временное правительство в Сибири должно было состоять из Михайлова, Чернышевского, Серно-Соловьевича и представителей Сибири. Ю. Огрызко должен был войти в правительство с совещательным голосом для решения польского вопроса⁸⁷. Намечалось переименование Сибири в Свободославию. Польский вопрос намеревались решить после свержения царизма⁸⁸.

На март 1866 г. революционерами центрального подполья планировалось покушение на царя, которое, по их мнению, должно было вызвать движение народных масс в России и послужить сигналом к восстанию⁸⁹. Тесные контакты революционеров Сибири и Петербурга, активное участие в подготовке восстания в Сибири Н. А. Серно-Соловьевича позволяют рассматривать революционное движение в Сибири в 1864—1866 гг. как составную часть общероссийских революционных планов.

В прямой связи с революционными планами этих лет велась подготовка сибирской экспедиции с целью освобождения Н. Г. Чернышевского⁹⁰.

План его освобождения был выдвинут летом 1865 г. и исходил из петербургских революционных кругов, горячо поддержанных московскими революционными организациями. Для освобождения Чернышевского должна была выехать целая группа. Руководителем всей операции был избран Н. П. Странден. Поездка намечалась на весну 1866 г. Активную роль в подготовке сибирской экспедиции играл И. А. Худяков. В феврале 1866 г. Худяков вручил Страндену рекомендательные письма в Сибирь, о которых речь шла выше (см. стр. 84—85). Кроме того, по словам Страндена, Худяков достал фальшивые паспорта наркотические рецепты, краску для волос, симпатические чернила.

---

⁸⁶ W. Lewandowski. Указ. соч., стр. 84.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Э. С. Виленская. Указ. соч., стр. 416, 417, 424 и др.

⁹⁰ Более подробно об этом см. там же, стр. 356—362.

Большое участие в подготовке сибирской экспедиции, кроме петербургских революционеров и ишутинцев, принимали члены Польского комитета в Москве — Павел Маевский, Максимилиан Маркс и Болеслав Трусов. Они должны были снабдить участников поездки фальшивыми паспортами и ядовитыми веществами. Последние были взяты у провизора А. Лянгауза и вручены В. Н. Шаганову⁹¹.

Таким образом, замышляемая поездка весной 1866 г. в Сибирь готовилась совместно русскими и польскими революционерами. Кроме задач освобождения Н. Г. Чернышевского, революционеры могли иметь и другое немало-важное задание — принять участие в движении, которое готовилось в Сибири.

В Сибири тесно переплетались и были взаимно обусловлены два лозунга борьбы польских ссыльных — борьба с царизмом за независимость Польши через демократическую революцию в России и за личное освобождение. Конечно, нельзя полагать, что оба лозунга поддерживались всеми польскими ссыльными в одинаковой степени. Огромной массе ссыльных лозунг личного освобождения был доступнее и понятнее, поэтому они охотнее поддерживали агитацию за борьбу с целью ухода за границу. Руководящее ядро Красноярско-Канского центра для привлечения широких кругов ссыльных целью восстания объявило массовую эмиграцию за границы России⁹².

В Красноярско-Канском центре действовал провокатор Ю. Сулинский. Поэтому деятельность организации в последние месяцы проходила под наблюдением енисейских властей, а в феврале 1866 г. была оборвана в результате многочисленных арестов.

Следствие по делу о Красноярско-Канском центре сибирскими властями не производилось. Левандовский был переведен в Киренский округ, Ляндовский отправлен на Александровский завод, Шленкер осужден якобы за побег. Большой Серно-Соловьевич срочно был вывезен в Иркутск. III отделение во всеподданнейшем отчете за 1866 г. так мотивировало отказ от следствия: «Генерал-губернатор Восточной Сибири, имея в виду, что заговор остался без последствий, не желая предавать дело

---

⁹¹ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 574—575, 576—579.

⁹² Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 572.

гласности, чтобы не возбудить тревожных идей в коренном населении, а также не заставить злоумышленников действовать еще осторожнее, ограничился преданием Шленкера за побег и соучастников его суду на общих основаниях, а прочих по мере обвинений приказал переместить в более отдаленные местности края»⁹³.

Н. А. Серно-Соловьевич скончался 14 февраля 1866 г. в Иркутском тюремном госпитале. По дороге из Канска в Иркутск при очень быстрой езде он выпал из саней и был тяжело ранен. В его шубе, в рукаве, были зашиты важные конспиративные документы, касающиеся сибирской организации. Находясь в тяжелом полусознательном состоянии, Серно-Соловьевич не переставал думать о судьбе организации, о тех бесчисленных жертвах, которые последуют в случае обнаружения документов. Счастливым стечением обстоятельств, в то время, когда его привезли во двор иркутской тюрьмы, там находилось несколько польских ссыльных. Глазами и слабым жестом Серно-Соловьевич показал им на шубу, и как бы невзначай уронил ее на землю. В рукаве ее были найдены бумаги, которые моментально без раздумья были брошены в печь. Таким образом, огонь поглотил тайны сибирской организации⁹⁴. В руки властей попали лишь те документы, которые были переданы Сулинским.

Несмотря на то, что о Красноярско-Канском центре до нас дошло сравнительно больше материалов, чем о других кружках и группах ссыльных, действовавших в эти годы в Сибири, все же и они не освещают многих вопросов, и среди них такой важный, как численный и социальный состав организации. Судя по огромной проделанной работе, и Красноярско-Канский центр, и томская, и многие другие организации этих лет не были малочисленными. Основу этих организаций составляли радикально настроенные участники восстания 1863 г., осознавшие необходимость совместной борьбы польских ссыльных с русским народом. Большинство их было сослано на долгие годы каторжных работ. Вторую многочисленную группу, по-видимому, составляли польские ссыльные из низших сословий, меньше всего рассчитывавшие на возврат на родину. Лозунг личного освобождения был им особенно понятен и близок.

⁹³ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 566.

⁹⁴ Z. Odrzywolski. Указ. соч., стр. 29—31.

Меньше всего источники освещают вопрос об участии в организации местного населения. Вместе с тем нет сомнения в том, что выдвинутая организацией программа буржуазно-демократического характера нашла отклик у некоторых слоев местных жителей.

Итак, революционная организация польских ссыльных, созданная в Тобольске весной — летом 1864 г., развилась и охватила всю Сибирь. Осенью 1865 г. и зимой 1865/66 г. в Енисейской губернии она достигла высшей фазы своего развития, превратившись в русско-польскую революционно-демократическую организацию, ставившую целью поднять вооруженное восстание в Сибири против царизма. Выступление намечалось на весну 1866 г. и рассматривалось как составная часть общероссийской революции.

Выстрел Каракозова, последовавший 4 апреля 1866 г., привел к арестам деятелей центрального революционного подполья и срыву широких революционных планов, задуманных на весну 1866 г. Однако революционная деятельность ссыльных не прекратилась и завершилась восстанием на строительстве Кругобайкальской дороги в июне 1866 г.

5.

Подготовка восстания на Кругобайкальском тракте

К лету 1865 г. в Иркутской губернии было сконцентрировано 2367 сосланных поляков, из них 2040 приговоренных к каторге ¹.

Уже в конце 1864 г. иркутские власти испытывали трудности с размещением политических ссыльных. Кроме острога, под тюрьмы были отведены солдатские казармы и здание казенной палаты. Каждую неделю в Иркутск прибывала партия, которая здесь должна была получить назначение для дальнейшего следования. В октябре 1865 г. председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири К. Н. Шелашников с тревогой сообщал генерал-губернатору М. С. Корсакову, что «политические прибывают около 100 человек в неделю. Помещений не хватает. Отдали гражданскую больницу» ².

Теснота, болезни усугубляли и без того тяжелое положение ссыльных. Вот какую картину жизни рисует один из участников событий Вандалин Черник: «Тем временем еженедельно прибывали новые партии, что вызвало страшную тесноту. Наконец вспыхнул тиф, унося ежедневно по несколько жертв. Фургон, обитый темно-синим сукном, увозил из городской больницы трупы по несколько раз в неделю. Несчастных перед увозом складывали в сарай, стоящий в нашем дворе. Больных лечили находящиеся среди нас врачи. Местная аптека давала лекарства, но в тяжелых

---

¹ F. A. Kudrjawcew. Powstanie Polaków nad Bajkałem.— «Z pola walki», 1927, № 2, str. 81.

² Государственная библиотека им. Ленина, отдел рукописей, ф. 137, п. 126, д. 14, письмо 7.

антигигиенических условиях они не могли помочь. Как хоронили наших товарищей, никто не знал, потому что никто их не провожал, ни одна слеза не упала на их могилы. Ясно, что каждый из нас предвидел для себя такой же конец, ибо теснота становилась все большею»³.

Тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович в начале 1866 г. по поводу положения польских ссыльных в Восточной Сибири писал: «Мне известны лица, составляющие административный круг Восточной Сибири, известны и приемы обращения там со ссыльными поляками. Не удивительно, если постоянное солдатское арестантское обращение с людьми, в которых очень живо чувство человеческого достоинства, нарушает спокойное расположение духа в этих людях. Поэтому я не могу уверить, чтобы там не могло случиться какой-нибудь демонстрации со стороны ссыльных, потому что за всеми их политическими преступлениями нельзя не признавать в них людей, и в большинстве весьма высоко развитых, а всякому человеческому терпению есть предел»⁴.

Тяжелое положение ссыльных увеличивало ненависть к царизму, создавало благоприятную почву для революционной пропаганды.

О революционной деятельности в иркутских тюрьмах в середине 1865 г. свидетельствуют воспоминания польских ссыльных. Вот что сообщает, в частности, Б. Дыбовский: «Уже во время нашего пребывания в остроге мне стало известно, что недобросовестные люди пропагандируют среди ссыльных крестьян мысль вооруженного восстания... какое-то волнение охватило мазур и жмудинов»⁵.

В Иркутской губернии весной 1865 г. начал выходить рукописный журнал «Метеор»⁶. Его издание предприняла черемховская колония польских ссыльных. Непосредственными издателями журнала были Юзеф Чехович, Марцин Моргулец и Владислав Сенкевич. Издание «Метеора» и многих других журналов и газет (о них упоминают мемуаристы, но до нас, к сожалению, они не дошли) было

³ W. Czernik. Pamiętniki weterana, 1864. Wilno, 1914, str. 33.

⁴ ЦГАОР, ф. 109и, I экзп., 1866 г., д. 38, ч. 3, лл. 46 об.—47.

⁵ «Pamiętniki Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878». Lwów, 1930, str. 63.

⁶ См. С. Ф. Коваль. «Метеор» — рукописный журнал польских ссыльных. — «Русско-польские революционные связи и восстание 1863 г.». М., 1962, стр. 460—478.

обусловлено той агитационно-пропагандистской работой, которая охватила к этому времени всю Сибирь.

«Метеор» был общественно-политическим и литературно-художественным журналом. В нем были подняты вопросы о судьбах родины, о работе на пользу родины в условиях ссылки (статьи «Вопросы времени» и «Некоторые возражения автору „Вопросов времени“»). Автор статьи «Вопросы времени» подробно анализировал причины поражения восстания 1863 г. Он видел их в слабой подготовке восстания, в его плохой организации. Ссылные призывались к труду на общую пользу, предостерегались от безделья, которое как ржавчина разъедает польское общество, к единению и взаимопомощи.

Эта статья вызвала гневный протест автора «Возражений»: «Действительно, мы пали,— писал он,— но пали в бою с врагом, потому что сила его больше, но не упали мы духом, не охладели в любви к отчизне нашей; не сложились перед ним покорностью и сознанием преступления за восстание»⁷.

Полемический характер этих статей, конечно, не случаен. Он отражал наличие в среде польских ссыльных двух лагерей, двух тенденций и борьбы между ними: сторонников примирения с изгнанием, отказа от борьбы, чтобы примерным поведением и трудом добиться «помилования» и возвращения на родину, и зовущих к борьбе, к освобождению от ярма рабства. Правда, во второй статье нет открытого призыва к восстанию. Это можно объяснить многими причинами, в том числе конспиративными соображениями. Но этой идее подчинен весь материал, который помещался в журнале. Это прежде всего исторические обзоры. В статье «Слово о короле Яне III» восхвалялся патриотизм и борьба за освобождение родины. Идея славянского единения проводилась в статье «Карл Шайноха и его положение в польской литературе»⁸.

Важным центром революционной деятельности ссыльных Иркутской губернии была деревня Лиственичная, расположенная в 60 км от Иркутска. Там зимой 1865/66 г. развернулась острая дискуссия по вопросу о путях и методах борьбы с царизмом. По воспоминаниям польского ссыльного А. Розманита, планам, проектам, мечтам не бы-

---

⁷ С. Ф. К о в а л ь. Указ. соч., стр. 470.

⁸ Там же, стр. 471.

Г. Шаромович

ло конца. Однако в газете, выходившей зимой 1866 г. в Лиственичной, наряду со статьями, призывавшими к восстанию, появлялись статьи, в которых подвергалась сомнению возможность вооруженной борьбы⁹.

В Лиственичной существовал революционный комитет во главе с Г. Шаромовичем.

Густав Шаромович (2 ноября 1836 г.— 15 ноября 1866 г.) был родом из Житомира. Его дед (генерал русских войск) и отец (полковник) были разжалованы Николаем I в солдаты. После окончания гимназии Шаромович изучал историю, политическую экономию, музыку. В 1860 г. выехал в Киев, где завязал связи с университетской молодежью и стал членом студенческой гмины. В феврале 1862 г. Шаромович выехал в Радомысльский уезд для подготовки восстания, а в апреле 1863 г. стал революционным

---

⁹ Сведения об этой газете сообщает в своих воспоминаниях А. Розманит (A. Rozmanith. Wspomnienia z nad Bajkału. Kraków, 1870, str. 35—36).

начальником этого уезда. Был приговорен к 10 годам каторги. За попытку бежать из Киевской крепости путем подкопа срок каторги был увеличен до 15 лет. В Иркутск прибыл в 1865 г. Современники отмечали его выдающиеся способности, целеустремленность, трезвый ум, сочетающийся с фантазией «широкой, как украинская степь»¹⁰.

Революционный комитет, действовавший в Лиственичной, назывался Восточным в отличие от Красноярско-Канского, который назывался Западным. Комитет в Лиственичной издавал воззвания, подписанные Г. Шарамовичем, выдавал номинации (например Н. Целинскому)¹¹. В Лиственичной действовали Л. Ильяшевич и Э. Вронский — будущие активные участники Кругобайкальского восстания.

Леопольд Ильяшевич, из дворян Киевской губернии, родился в 1837 г., был офицером русских войск, за несколько лет до восстания подал в отставку. Участвовал в восстании на территории Бессарабии, за что был приговорен к 12 годам каторжных работ в рудниках. В киевской тюрьме находился вместе с Густавом Шарамовичем, они вместе пытались бежать. Эдвард Вронский, из дворян Радомской губернии, принимал участие в восстании 1863 г. в отрядах Оксинского, Тачановского и Залеского. Был приговорен к восьми годам каторги.

Польские ссыльные, отбывающие каторгу в Забайкалье, находились в крайне тяжелых условиях. Недовольство их нередко выливалось в открытое возмущение, доходившее до стычек со стражей и даже с воинскими частями. Особенно часто «беспорядки» происходили в деревне Сиваковой. К концу 1865 г. здесь сконцентрировалось около 800 человек привилегированных польских ссыльных. По сообщению мемуариста Зеленки, ссыльные жили здесь напряженной идейной и духовной жизнью. Была создана библиотека с читальней, где проводились литературные вечера, любительский театр. Выходили две рукописные газеты — одна политического характера, другая — посвященная текущим вопросам¹².

---

¹⁰ А. Rozmanith. Указ. соч., стр. 23—24.

¹¹ «Polacy na Syberii i powstanie nad Bajkałem». Poznań, 1878. стр. 71—72.

¹² L. Zielonka. Wspomnienia z Syberii od roku 1863—1869. Lwów, 1886, стр. 75—76.

6 декабря 1865 г. в Сиваковой произошли волнения, окончившиеся столкновением ссыльных с войском. Месяцем раньше были волнения на Акатуевском руднике¹³.

Причины, приводившие ссыльных к столкновениям с администрацией и войском, были гораздо серьезней, чем это указывалось обычно в отчетах военно-судных комиссий. Это прежде всего тяжелые условия каторжных работ и повседневные унижения человеческого достоинства.

Для выяснения причин происходящих на рудниках Нерчинской каторги частых беспорядков генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков направил состоящего у него на службе в должности чиновника особых поручений П. А. Кропоткина. В письме от 27 мая 1866 г. П. А. Кропоткин сообщил М. С. Корсакову, что из неофициальных разговоров с политическими ссыльными выяснилось, что и без того тяжелое их положение ухудшается грубым обращением с ними и мелкими придирками, не говоря уже об обращении на «ты». Политические ссыльные, указывал П. А. Кропоткин, обременены непосильным трудом. У многих из них расстроено здоровье. П. А. Кропоткин высказывал мнение, что полякам можно было бы разрешить отмечать пасху и рождество по их календарю и не оскорблять их религиозных чувств¹⁴.

О волнениях среди ссыльных доносил военный губернатор Забайкальской области Н. П. Дитмар. 10 апреля 1866 г. он сообщил М. С. Корсакову о существовании среди польских ссыльных Нерчинско-заводского округа тайного совета¹⁵. В мае он писал, что «между политическими преступниками в Сретенске часто повторяются беспорядки»¹⁶. Однако до нас дошло мало конкретных фактов о революционной деятельности в Забайкалье. Администрация Нерчинской каторги редко «давала ход» таким делам и доносила о

---

¹³ ЦГАОР, ф. 109и, IV эксл., 1886 г., л. 101, ф. 29, оп. 6, д. 14; M. Dalbor (Cwikliński). Z. naszej martyrologii.— «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863—1903». Lwów, 1903, str. 104—109.

¹⁴ Государственная библиотека им. Ленина, отдел рукописей, ф. 137, п. 96, д. 59.

¹⁵ Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова, Русско-польские революционные связи в подполье и ссылке 1864—1866 гг.— «Русско-польские революционные связи», т. 2. М., 1963, стр. 571—572. «Восстание 1863 года. Материалы и документы»).

¹⁶ Там же, стр. 573—574.

них «во все места», а чаще ограничивалась «домашней» расправой.

Выше уже говорилось о связях томской организации с Сиваковой, Нерчинским округом и Сретенском. О Юзефе Дворжачке известно, что он имел связи с Томском и создал на Александровском заводе «железную кассу» взаимопомощи, по поводу которой польские ссыльные острили, что это «железо на косы»¹⁷.

В планах Красноярско-Канского центра Нерчинской каторге, как отмечалось выше, отводилось большое место.

В январе 1866 г. в Иркутск для координации действий должен был выехать Н. А. Серно-Соловьевич. В связи с его болезнью центр направил туда двух других своих членов — З. Одживольского и К. Михаловского-Малицкого.

По сообщению З. Одживольского, в иркутской организации была группа, которая очень сочувственно отнеслась к идее русско-польского союза и совместной борьбы против царизма¹⁸. Однако среди членов организации немало было и сторонников массового побега¹⁹.

Революционная организация ссыльных в Сибири включала в свой состав людей различных политических убеждений и разной степени зрелости. После разгрома Красноярско-Канского центра активнее стала действовать группа, которая стремилась ограничить задачи восстания массовым побегом за пределы России.

Михаловскому-Малицкому и Одживольскому Красноярско-Канским центром было дано указание самостоятельно ничего не предпринимать, а ждать решений из Канска. Однако вопреки инструкции Серно-Соловьевича, Михаловский-Малицкий стремился действовать «на свой страх и риск»²⁰. Он не был сторонником русско-польского революционного сотрудничества и всю агитацию направил на подготовку восстания с целью массового ухода за границу. Современники дают крайне отрицательную характеристику Михаловскому-Малицкому, подчеркивая его легкомыслие, зазнайство, хвастовство, хотя и отмечают его ораторские способности, прекрасную память и обширные познания²¹.

¹⁷ M. Janik. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928, str. 315.

¹⁸ Z. Odrzywolski. Powstanie polskie nad Bajkałem i sprawa Kazańska. Lwów, 1878, str. 25.

¹⁹ «Polacy na Syberii i powstanie nad Bajkałem», str. 61.

²⁰ Z. Odrzywolski. Указ. соч., стр. 25.

²¹ Там же.

После разгрома Красноярско-Канского центра начались репрессии и в Иркутске. При малейшем подозрении польских ссыльных заковывали в кандалы и высылали на Нерчинские заводы. В этих условиях Михаловский-Малицкий действовал в Иркутске еще в течение нескольких месяцев и начал даже создавать среди заключенных жан-дармерию ²².

Весной 1866 г. в Иркутской организации значительную роль играли Н. Целинский и К. Арцимович.

Нарциз Целинский (1817—1866 гг.) — сын помещика из Куяв, эмигрировал в Париж, где в 1845 г. вступил в секцию Демократического общества. В 1848 г. принимал участие в восстании в княжестве Познанском и в Галиции. Был арестован австрийскими властями и выдан русскому правительству. Находился в заключении в крепости в Замостье. В 1856 г. за намерение бежать за границу был выслан в Россию и по его просьбе послан на Кавказ. В 1862 г. во время отпуска отправился за границу, откуда вместе с Мерославским в 1863 г. прибыл в Польшу. Сражался под Кшивосондзем, был схвачен и осужден военным судом в Седльце, по конфирмации Александра II 14 октября 1865 г. взамен смертной казни сослан в каторжные работы в крепостях на восемь лет. В феврале 1866 г. Н. Целинский прибыл в красноярскую тюрьму, в середине марта был отправлен в Иркутск ²³. В Енисейской губернии он имел свидание с В. Левандовским, который, по словам Н. Целинского, убеждал его стать во главе заговора ²⁴. Однако Целинского не привлекало сотрудничество с русскими революционерами. Его план, по заявлению З. Одживольского, исключал «всякие комбинации с русскими». Основным его стремлением было организовать массовый побег поляков, прорвавшись к ближайшей границе. «Я хочу себя и тысячу поляков вернуть к жизни», говорил он ²⁵.

Казимеж Арцимович был юнкером царских войск. Участник восстания в Белоруссии, в Динабургской следственной комиссии, по свидетельству автора воспоминаний Розманита, «проявил слабость характера» ²⁶. Архивные мате-

²² Это обстоятельство позволило М. Злотожицкой считать Михаловского-Малицкого авантюристом и провокатором, что, однако, не подтверждается архивными документами.

²³ ЦГАОР, ф. 109я, I эксл., 1866 г., д. 8, л. 101 об.

²⁴ «Былое», 1921, № 17, стр. 118.

²⁵ Z. O d r z y w o l s k i. Указ. соч., стр. 34.

²⁶ A. R o z m a n i t h. Указ. соч., стр. 32.

риалы подтверждают, что по дороге в Сибирь он стремился добиться освобождения от наказания доносом царским властям на своих товарищей²⁷. В Томске и Красноярске пытался бежать, за что провел в Канской тюрьме 11 месяцев (по август 1865 г.).

Один из планов восстания, выработанный к весне 1866 г. в Иркутской губернии, заключался в следующем. Руководить всем движением должен был революционный комитет под предводительством Густава Шарамовича. Восстание намечалось начать с Александровска и Лиственичной. Оба повстанческих отряда должны были прибыть в Иркутск и разбить гарнизон, освободив всех ссыльных, затем снова отправиться в Лиственичную для переправы через Байкал, в Посольск. Оттуда, забрав оружие направиться на Нерчинские заводы, а затем всей массой идти к китайской границе²⁸.

К. Арцимович в показаниях говорил о плане, автором которого он считал Н. Целинского. По этому плану предполагалось вначале овладеть Верхнеудинском, а затем и Нерчинскими заводами с целью освобождения товарищей. В случае неудачи думали рассыпаться и через горы уйти за границу. Точно также и дальнейший маршрут от Нерчинска зависел от степени успеха первоначальных действий. Если бы удалось найти сочувствие в народе и иметь под руками до 5000—6000 человек годных к бою, то предполагалось большим трактом пойти на Иркутск, Красноярск, Томск, и потом к киргизам. В противном случае ушли бы в Китай. Рассчитывали, что задуманное здесь движение будет иметь отголосок в Королевстве Польском и в Западном крае²⁹.

Если в планах Красноярко-Канского центра выступление польских ссыльных мыслилось как составная часть восстания местного населения против царизма, то в планах иркутской организации, как это явствует из приведенных проектов, первенствующее место отводилось вооруженному выступлению ссыльных с целью ухода за границу. Однако и в этих планах ярко проявляются черты красноярко-канского проекта. Это прежде всего большие надежды на то,

²⁷ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 395, лл. 7—8.

²⁸ «Polacy na Syberii i powstanie nad Bajkałem», str. 69—70.

²⁹ Н. И. Митина. Материалы к истории Кругобайкальского восстания польских ссыльных в июне-июле 1866 г.— «К столетию героической борьбы „За нашу и вашу свободу“», М., 1964, стр. 400.

что выступление послужит сигналом к восстанию сибирского населения. «При всех планах,— указывает К. Арцимович,— расчет был на арестантов и на население, которое, как говорили нам, недовольно правительством и по первому возбуждению соединится и пойдет с нами»³⁰. Существенным являлся расчет организаторов восстания на то, что выступление ссыльных вызовет ответное движение в Королевстве Польском и Литве.

Хотя и в мемуарной литературе и в показаниях К. Арцимовича подчеркивается, что основным в планах иркутской организации был массовый уход за границу, в них нетрудно усмотреть элементы, выходящие за рамки этого лозунга. Утратив в силу изменившихся конкретных условий основной элемент замысла Красноярско-Канского центра — совместное выступление с местным населением, все же эти планы опирались на проведенную ранее агитационную и организационную работу. Об этом свидетельствуют как их отдельные элементы, так и массовость замышляемого восстания. Сама легкость, с какой авторы различных планов и проектов могли варьировать намечаемые действия на огромных пространствах Сибири, была возможна лишь потому, что уже была проделана большая работа по подготовке восстания.

В мае 1866 г. были арестованы Михаловский-Малицкий и несколько активных деятелей организации. Революционный комитет в Лиственичной при получении известия об их аресте выпустил воззвание³¹, в котором призывал ссыльных сохранять спокойствие. В это время стало известно об отправке на строительство Кругобайкальской дороги большого числа ссыльных.

Иркутские власти, испытывавшие трудности с размещением приговоренных к каторге, нашли «выход» — бросить ссыльных в тайгу, где с одной стороны воды Байкала, а с другой — непроходимые горы создавали тюрьму без стен и решеток.

В 1861 г. Главное управление Восточной Сибири вынесло решение о постройке дороги вдоль озера Байкал. Окружающие озеро горы отделяли Иркутскую губернию от Забайкальской и Амурской областей. Зимой туда переправлялись по льду, а летом пароходом. Весной и осенью

---

³⁰ Н. И. Митина. Указ. соч., стр. 400.

³¹ «Polacy na Syborii i powstanie nad Bajkałem», str. 72.

добраться до Читы можно было только кружной горной тропой, пересекая хребты высотой 2000—2500 м. Было решено проложить постоянный тракт вдоль самого берега, взрывая отвесные скалы и перекидывая мосты через бесчисленные горные потоки. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков постановил использовать для работ ссыльных. Работы были начаты осенью 1865 г.

Революционный комитет усмотрел в этом благоприятный момент для начала восстания, так как концентрация значительного числа ссыльных вдали от властей и войск облегчала его подготовку и проведение. Из Александровских заводов также пришло известие, что все единогласно решили принять участие в работах, чтобы присоединиться к восстанию ³².

Таким образом, после раскрытия Красноярско-Канского центра подготовка восстания в Сибири не прекратилась. Однако после того как связи с русскими революционерами были утрачены, в Иркутской губернии все большее место начинает занимать агитация за восстание, цель которого ограничивалась массовой эмиграцией из пределов Сибири. Продолжала действовать и группа ссыльных — сторонников планов Красноярско-Канского центра. Об этом свидетельствуют вышеприведенные проекты. Они отчетливо отражают наличие этих двух групп, а дальнейшая борьба между ними ярко проявится в ходе подготовки и проведения восстания.

С наступлением тепла за Байкал потянулись сотни ссыльных из Иркутской губернии, с Петровского и Александровского заводов. Последние ссыльные, назначенные на строительство дороги, прибыли сюда 22 июня.

Работы по постройке дороги намечено было производить на протяжении 200 верст между деревней Култук и станцией Лихановской. Все ссыльные были разделены на партии, насчитывающие от 50 до 100 человек. Партии каторжан составлялись по сословному признаку ³³. Первая

---

³² «Polacy na Syberii i powstanie nad Bajkałem», str. 73—74.

³³ Весной 1865 г. ссыльные были разделены на привилегированных, т. е. шляхту, и непривилегированных. Это деление было, по определению польского мемуариста А. Розманита, «сатанинским замыслом царского правительства». Оно в значительной мере подорвало солидарность польских ссыльных, объединенных общностью тюрем, котла, одежды, невольно породило неприязнь, ухудшило материальное положение ссыльных из низших сосло-

култукская партия находилась в 12 верстах от Култука и состояла из 48 человек при 5 конвойных; вторая култукская партия (в 28 верстах от Култука) включала 47 человек при 6 конвойных; третья (в 50 верстах от Култука) — 43 человека ссыльных и 7 конвойных. Все три партии состояли из «непривилегированных» ссыльных. В 57 верстах от Култука на станции Мурино находилось 102 человека «привилегированных» при 14 конвойных. Близ Мишихи работали три партии: первая в 11 верстах от Мишихи, вторая в 9 верстах и третья в 6 верстах. В этих партиях насчитывалось 335 человек, также преимущественно из шляхты. В 200 верстах от Култука на станции Лихановской находилось около 41 человека из разряда «привилегированных» при 6 конвойных и на Мантурихе — 106 человек при 9 конвойных ³⁴.

Руководил строительными работами инженер-подполковник Шац. Надзор за ссыльными был поручен полковнику Черняеву и четырем офицерам: прапорщикам Важеву и Лаврентьеву, есаулу Прошутинскому и зауряд-сотнику Попову. Было создано четыре отделения «надзора особого конвоя» с местопребыванием офицеров в Култуке, Мурине, Мишихе и на Лихановской ³⁵.

Конвой для надзора за ссыльными состоял из 123 человек, но с вычетом занятых по хозяйственной части и в пикетах фактически надзор несли около 80 человек. Таким образом, на партию 40—50 человек приходилось всего 5 или 6 человек конвойных ³⁶.

С прибытием ссыльных на Байкал подготовка к восстанию пошла полным ходом. Еще в Иркутске решили выйти на дорогу спокойно, не подавая ни малейшего признака, что готовится восстание. Было постановлено в каждой партии составить особый отряд и по сигналу взяться за оружие. Оружие предполагалось добыть от конвойных, населения и изготовить в партиях. Восстание намечалось начать с култукской партии и идти к Посольску. План выступления был связан с размещением партий по тракту, которые должны были превратиться в повстанческие отря-

---

вий, так как возникавшие почти повсюду кассы вспомоществования финансировались в основном шляхтой.

³⁴ «Былое», 1921, № 17, стр. 114.

³⁵ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 414.

³⁶ Там же.

ды. Култукские партии, расположенные на крайнем западном участке дороги и состоящие из «непривилегированных» ссыльных, должны были подняться первыми и двинуться вперед, увлекая по дороге остальных. На крайнем востоке, в Мантурихе, перед самым Посольском, также была размещена большая партия «непривилегированных», которая должна была присоединиться последней и со свежими силами принять участие в занятии Посольска. Посольск на пути ссыльных был, по выражению мемуариста, своего рода Гибралтаром³⁷. От его захвата зависел дальнейший ход восстания. Из Посольска открывалась дорога на восток и юг к границе, в посольском складе были большие материальные запасы, овладение которыми обеспечивало расширение восстания. Из Посольска предполагалось идти на Верхнеудинск, где повстанцы надеялись найти большие склады оружия и амуниции, затем на Нерчинские заводы³⁸.

Для подготовки восстания в каждую партию были назначены организаторы с помощниками. Организаторы впоследствии были произведены в офицеры, а их помощники в унтер-офицеры.

Организатором култукской партии был назначен К. Арцимович. Чтобы попасть в Култук, он еще в Иркутске поменялся фамилией с крестьянином Квятковским, так как Арцимович, как дворянин, должен был следовать в «привилегированной» партии. Помощником его был назначен Зарембский³⁹. Арцимович получил от Н. Целинского словесную инструкцию: в течение одной недели ознакомиться с окрестностями Култука, запастись провиантом и подготовить людей⁴⁰. К. Арцимович поручения эти выполнил: разделил партию на десятки, назначив десятниками Мошинского, Залеского, Костшевского и Ю. Держановского; подготовил несколько десятков древков для пик, засушил с помощью пекаря 18 или 20 пудов сухарей, запаса солью. Все эти приготовления были сделаны, по показанию К. Арцимовича, следующим образом. «Балаганы наши в Култукке были разбиты в $\frac{1}{4}$ версты за деревней. Посреди площади, окруженной этими балаганами, сделана была кузница для приготовления инструментов, топоров, ломов,

³⁷ А. Розманит. Указ. соч., стр. 44.

³⁸ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 400.

³⁹ Там же, стр. 401.

⁴⁰ Там же.

лопат и т. д. Мы ее окружили плетнем, так что издали слышны были только удары молота, но что куют, разглядеть было нельзя; при том кузнец имел всегда наготове какой-либо топор, так что пришедший офицер или солдат заставлял его всегда за работой, по-видимому, всегда казенной. За материалы для оружия послужило несколько казенных топоров и лопат»⁴¹.

Через две-три недели после прибытия ссыльных на Кругобайкальскую дорогу в Култук приехал К. Новаковский, активный член Красноярско-Канского центра, который, по словам К. Арцимовича, «был не без авторитета между поляками и не без значения в тайной организации»⁴². К. Новаковский имел особое поручение: достать в Тунке⁴³ у ксендзов деньги для закупки огнестрельного оружия и привезти его в Култук. В Култуке находился лазарет, в котором организаторы восстания не раз проводили совещания.

Настроение в различных партиях было далеко не одинаково боевым. Наиболее высокий повстанческий дух наблюдался в култукской партии, состоящей из ссыльных низших сословий. Томимые долгим ожиданием начала восстания, они говорили: «Мы сами совершим восстание, а шляхту принудим пойти с нами»⁴⁴. В шляхетских партиях наблюдались колебания, неверие в исход дела. После манифеста 16 апреля 1866 г.⁴⁵ среди шляхты появилась надежда на «помилование».

Главной движущей силой и опорой восстания на Байкале должны были стать крестьяне и ремесленники. На следствии и суде Шарамович говорил, что «в простом народе, находящемся на работах, чрезвычайно много сохра-

---

⁴¹ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 401.

⁴² Там же, стр. 402—403.

⁴³ Место отбывания ссылки ксендзов.

⁴⁴ А. R o z m a n i t h. Указ. соч., стр. 43.

⁴⁵ Согласно манифесту от 16 апреля, сосланным на пожизненную каторгу наказание ограничивалось 10 годами; тем, кому мера наказания определена была свыше шести лет, срок сокращался наполовину, а сосланные на срок до шести лет от каторжных работ освобождались и переводились в разряд «поселенцев». Сосланные по лишению всех прав состояния на «поселение» переводились в разряд сосланных «на жительство». Тем, кто был осужден на «жительство», разрешался переезд в европейскую часть России. В арестантских ротах срок пребывания сокращался наполовину (ЦГАОР, ф. 109и, секретный архив, оп. 2, д. 866, л. 1 и об.). О манифестах, вышедших до 1874 г., см. также это дело.

нилось жизни и энергии» и что «рвение, высказанное людьми простыми, убеждало меня в возможности выполнить предприятие»⁴⁶. Н. Целинский также считал дворянство «слишком отжившим, ветхим, неспособным на энергические действия»⁴⁷ и вел пропаганду преимущественно среди простых людей. По отзывам А. Розманита, он умел внушать энтузиазм. «Мазуры готовы были за ним в огонь»⁴⁸. Одного из таких людей, «жмудина» Пусловского, Арцимович характеризовал как «человека совершенно феноменального». Этот простой неграмотный крестьянин возглавлял в Ковенской губернии повстанческий отряд в 300 человек и держался больше года. Выдающимся организатором был крестьянин Юзеф Держановский. Активное участие в восстании приняли Михал Голембовский — крестьянин, бывший рядовой 3-го уланского полка; Антон Мысловский, осужденный на 16 лет каторжных работ «за неприятие присяги на верность службы... и уклонение от долга верноподданства»; Валентий Шилинг — бывший рядовой; крестьяне Ковенской губернии Адомас Ясайтис, Антанас Шемчак и Каetan Шафран, Якуб Келляк, революционный начальник Ковно Теофиль Ожинский и др.

Среди участников Кругобайкальского восстания значительную группу составляли бывшие члены повстанческой жандармерии Национального правительства, в большинстве своем крестьяне: Кароль Бартольд, Теофиль Воронович, Михал Гасинский, Ян Ропицкий, Александр Домбровский, Ян Костневский, Юзеф Кульчевский, Ксаверий Рупковский, Юзеф Олтаржевский, Леон Перловский, Казимеж Шимелковский и др.⁴⁹

Из 236 участников Кругобайкальского восстания крестьяне составляли 97 человек, мещане 57 человек, рядовые царской армии, осужденные за участие в восстании 1863 г., — 27 человек и, наконец, шляхта — 55 человек. Другими словами, из 236 польских повстанцев, участников

---

⁴⁶ «Былое», 1921, № 17, стр. 123.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ A. Rozmanith. Указ. соч., стр. 31.

⁴⁹ В. Р. Лейкина-Свирская. О характере восстания ссыльных поляков в 1866 г. — «Исторические записки», 1962, № 72, стр. 240; Ф. А. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 84; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1872 г., д. 86 б.

Кругобайкальских событий, к низшим сословиям принадлежал 181 человек⁵⁰.

Есть указания, что восстание началось раньше срока, к которому готовилось. Этому способствовали несколько обстоятельств. Во-первых, администрация провела разбивку и переброску самой боевой и лучше всего подготовленной партии — култукской. Во-вторых, ссыльные заподозрили Лисевича в предательстве и повесили его. Кроме того, один из ссыльных украл у стражи ружье и был схвачен. Опасались, что эти факты обратят внимание стражи и вызовут следствие⁵¹. Однако можно с уверенностью говорить, что восстание началось не стихийно. Об этом свидетельствует К. Арцимович, когда указывает, что «днем для восстания пазначалось 24 июня»⁵².

Учитывая сложившуюся обстановку и видя, что култукская партия к восстанию подготовлена, Л. Ильиневич дал указание К. Арцимовичу известить об этом начальника восстания, который находился в Мурино. Через несколько дней в култукскую партию приехал Г. Шарамович⁵³.

На пост руководителя восстания претендовали два человека — Г. Шарамович и Н. Целинский. Для ссыльных, пришедших из Иркутска, а таких было большинство, этот вопрос был решен. Целинского они знали по деятельности его в Иркутске и считали своим главным предводителем. Однако, как это явствует из архивных материалов, руководил подготовкой восстания Г. Шарамович. Приехав в Култук, он расспрашивал К. Арцимовича о духе партии, о наиболее энергичных ее членах. При отъезде в Мурино Г. Шарамович оставил К. Арцимовичу инструкцию следующего содержания⁵⁴. По выходе партии из селения на дорогу К. Арцимовичу нужно было стать старостой. По истечении нескольких дней он должен был прочесть партии данную ему инструкцию, обезоружить конвой, убивая только в крайних случаях, и немедленно идти к Мурино. К. Арцимовичу вменялось в обязанность спешить, насколько хватит сил, не пропуская под страхом смерти никого вперед себя, а потому арестовывать встречающихся на пути

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 409и, I эксп., 1872 г., д. 86 б.

⁵¹ «Былое», 1921, № 17, стр. 124.

⁵² Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 403.

⁵³ Там же, стр. 402.

⁵⁴ Излагается по показаниям К. Арцимовича (см. Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 403).

и вести за собой. На почтовых станциях разрешалось брать лишь оружие, упряжь, съестные припасы и лошадей.

По сведениям З. Одживольского, Н. Целинский 20 июня послал К. Арцимовичу и Г. Шарамовичу записку: «Что было постановлено, нужно выполнять, оттягивать нельзя, каждая минута промедления будет губельна для нас, мы должны восстать»⁵⁵. Нет ни одного источника, который бы подтвердил этот факт. Тем не менее польский исследователь Вл. Евсевицкий на этом основании считает Н. Целинского руководителем восстания⁵⁶. Придерживается сообщения З. Одживольского и В. Р. Лейкина-Свирская, также считая Целинского предводителем восстания⁵⁷. Не вызывает сомнений, что показания К. Арцимовича, старосты и повстанческого организатора култуковской партии, более достоверны и заслуживают предпочтения.

---

⁵⁵ Z. Odrzywolski. Указ. соч., стр. 49.

⁵⁶ Wł. Jewsiewicki. Na Syberyjskim zesłaniu. Warszawa, 1959, str. 139.

⁵⁷ В. Р. Лейкина-Свирская. Указ. соч., стр. 241.

6.

Восстание польских ссыльных на Кругобайкальском тракте

24 июня в 8 часов вечера К. Арцимович созвал всю партию на берег Байкала и прочел ей инструкцию, данную ему Шарамовичем. Все единогласно согласились выступить. Пять человек направились к шалашу, занимаемому конвоем. Солдаты сидели у разложенного огня и играли в карты. Без малейшего сопротивления они позволили связать себя и отобрать оружие¹. Когда стемнело, партия в 48 человек отправилась в путь. Через несколько километров она пришла на почтовую станцию, где взяла лошадей, повозки и троих ямщиков. На 27-й версте от Култука к ней присоединилась следующая партия из 47 человек. На следующей почтовой станции были захвачены еще несколько почтовых лошадей и ямщик. К третьей култукской партии пришли в полдень. Конвой разбежался, но его вскоре поймали. Здесь к восставшим присоединились 33 человека². Люди были голодны и утомлены, но Шарамович дал только одни сутки, чтобы привести партию из Култука в Мурино, и Арцимович позволял людям отдохнуть лишь несколько часов. В это время прискакал конный пикет с сообщением, что едут два офицера и за ними кибитка. Это были прапорщик Лаврентьев и ревизор телеграфной станции Снежная Трапезников³. Арцимович по-

---

¹ Н. П. Митина. Материалы к истории Кругобайкальского восстания польских ссыльных в июне-июле 1866 г.— «К столетию героической борьбы „За нашу и вашу свободу“». М., 1964, стр. 403.

² Там же, стр. 403—404.

³ Там же, стр. 404.

дошел к Лаврентьеву, попросил его сойти с лошади и отдать оружие. Последний совершенно растерялся, и, заплавав, начал просить не убивать его. Это произвело на окружающих, большею частью людей простых, выше всего ценивших личную отвагу, до того дурное впечатление, что слышались голоса «на дерево труса»⁴. Арцимович, опасаясь, чтобы и в самом деле этого не сделали, завел Лаврентьева в палат, поручив его Зарембскому, а сам с 20 верховыми уехал вперед к Мурино, до которого еще оставалось несколько километров.

Старостой муринской партии был Г. Шарамович. Часть этой партии еще летом 1865 г. работала на строительстве дороги около Посольска и зимовала в Лиственичной. В составе партии были энергичные, решительные люди, которых Шарамович выдвинул впоследствии на командные посты: Л. Ильяшевич, Э. Вронский и др. Однако таких в партии было немного. Когда Шарамович объявил о начале восстания, он встретил сильную оппозицию. Это вынудило его арестовать часть своих противников (около 20 человек).

Так как приехавший в Мурино Арцимович был очень утомлен, Шарамович приказал Ильяшевичу отправиться за оставшимся отрядом. Ильяшевич привел в Мурино отряд около 130 человек 25 июня вечером. Несмотря на горячие убеждения Шарамовича и даже угрозы, в Мурине к восставшим присоединилось всего 25—30 человек⁵.

Г. Шарамович принял главное руководство над восставшими, достаточно уже снабженными оружием, лошадьми и другими припасами. Здесь была проведена первая реорганизация сил. Был создан конный отряд под командой Л. Ильяшевича, являвшийся авангардом восставших. Э. Вронский был назначен адъютантом Ильяшевича. Г. Шарамович собрал всех восставших и произнес речь, в которой говорил, что «пришло время разбить кандалы и взяться за оружие, пришло время доказать и друзьям и недругам, что... в жилах наших течет кровь тех героев, которые в течение многих веков служили в Европе оплотом против варваров, монголов и т. д.»⁶

---

⁴ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 404.

⁵ Там же.

⁶ Содержание речи Г. Шарамовича взято из показания К. Арцимовича (Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 407).

Авангард Ильяшевича, по планам, должен был сделать до Мысовой станции то же, что было сделано до Мурина Арцимовичем, т. е. обезоружить и захватить конвой следующих трех партий, присоединить людей этих партий к восставшим, забрать на станциях Снежной, Выдриной, Переемной и Мишихинской, а также на зимовьях живших рыбопромышленников лошадей с упряжью и седлами, продукты, оружие и испортить телеграф. Все это авангардом выполнено было с успехом. На дороге в пяти верстах от станции Снежной был захвачен полковник Черняев, ехавший с казаком из Посольска для осмотра партий политических ссыльных. Вместе с ними были арестованы инженер-подполковник путей сообщения Шац и архитектор Дружинин. Вскоре был взят и есаул Прошутинский, возвращавшийся на Мишиху со станции Мысовой⁷.

У Черняева потребовали отдать казенные деньги и он дал 100 рублей, Ильяшевич выдал расписку со своей подписью: «начальник авангарда Сибирского легиона свободных поляков»⁸. Шарамович, отобрав у подполковника Шаца казенные деньги в сумме 105 рублей, дал расписку, назвав себя в ней начальником «Сибирского легиона вольных поляков»⁹.

На рассвете 26 июня вслед за передовым отрядом с остальными силами из Мурина выступил Г. Шарамович. В этот же день вечером Ильяшевич, обезоружив конвой партии политических ссыльных «привилегированного» звания на шестой версте от Мишихи, считал поручение свое оконченным. Дальнейшее командование должен был принять на себя Нарциз Целинский. Почему он этого не сделал, следственная комиссия не раскрыла. Тем не менее, согласно сведениям А. Розманита, Целинский принял деятельное участие в вербовке людей в Мишихе, где находились партии «привилегированных», которые неохотно присоединялись к восставшим. Лишь староста мишихинской партии Якуб Рейнер¹⁰ с небольшим отрядом присоединился к Ильяшевичу. В Мысовой был созван совет, и было решено, что командование кавалерией примет на

---

⁷ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 404.

⁸ «Былое», 1921, № 17, стр. 117.

⁹ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 416—417.

¹⁰ Якуб Рейнер — фармацевт, сын врача из Люблина, участник восстания в Подлясье.

себя Я. Рейнер, а Целинский останется в Мишихе¹¹. На другой день Ильяшевич, сдав свои обязанности Я. Рейнеру, возвратился в Мишиху.

27 июня рано утром Я. Рейнер с помощником своим Вл. Котковским¹², составив отряд из ссыльных одной с ним партии и авангарда Ильяшевича, двинулся к Посольску. По дороге он обезоружил и арестовал конвой мантуринской партии и подступил к станции Лихановской, расположенной в 25 верстах от Посольска. Там жили, кроме ямщиков, зауряд-сотник Попов с семьей конвойными нижними чинами и семь ссыльных.

Партия, расположенная под Лихановской в Сухом Ручье и состоящая из «непривилегированных», с готовностью присоединилась к восстанию. Эта была предпоследняя партия, расположенная на пути к Посольску. Однако к последней партии, состоящей из 102 человек и расположенной на Мантуринке, восставшим дойти не удалось. От Посольска навстречу восставшим шел с войском майор Рик.

Первые известия о восстании польских ссыльных на Кругобайкальской дороге были получены в Иркутске 26 июня. В 10 часов утра к начальнику окружного штаба генерал-майору Кукелю прибыл из Култука нарочный от прапорщика Важева с донесением, что «в ночь с 24 на 25 июня политические преступники, находившиеся на работах по Кругобайкальской дороге, в 12 верстах от Култука, в числе 50 человек перевязали 6 человек конвойных, отняли у них оружие и, взяв лошадей казенных и у бурят, находившихся на исправлении дороги, отправились к станции Амурской, где, перевязав ямщиков, взяв почтовые повозки, лошадей и какое было оружие, направились далее к станции Мурино. Кругобайкальский телеграф оказался поврежденным»¹³. Генерал-губернатор М. С. Корсаков находился на Амуре с ревизией этого края. Генерал-майор Кукель тотчас же, 26 июня, послал в Посольск пароходом в распоряжение полковника Черняева для

¹¹ Н. П. Митяна. Указ. соч., стр. 416.

¹² Владислав Котковский — дворянин, осенью 1862 г. кнжальник, один из организаторов и участников убийства начальника тайной полиции в Варшаве Фелькнера. Опасаясь ареста, он пошел в рекруты в конце 1862 г. и в качестве солдата служил в Петербурге и Харькове. В 1865 г. тайна убийства Фелькнера была раскрыта. Котковский был приговорен к 15 годам каторжных работ.

¹³ Н. П. Митяна. Указ. соч., стр. 383.

подкрепления конвоя двух офицеров и 80 солдат под начальством батальонного командира майора Рика¹⁴.

Майор Рик, отправившись из Иркутска 26 июня в 2 часа дня, прибыл с отрядом в Посольск на следующий день в половине шестого утра. В Посольске еще не знали о восстании поляков на Кругобайкальской дороге. Рик с отрядом отправился на пароходе в Прорву, в 14 верстах от Посольска высадился на берег и двинулся навстречу восставшим.

Одновременно командиру Иркутского конного казачьего полка войсковому старшине Лисовскому предписано было спешить в Култук, сформировать немедленно из казаков ближайших станиц два конных отряда по 100 человек и с одним из них двинуться для преследования восставших по Кругобайкальскому тракту, а другой послать для разъездов и наблюдения за выходами из Байкальских гор к Тункинскому краю и границе¹⁵. Вместе с Лисовским был отправлен и телеграфный ревизор с ручным аппаратом для восстановления телеграфа.

Были посланы телеграммы командирам 1-й и 3-ей конных бригад Забайкальского казачьего войска с приказом отправить казачьи отряды к границе с Монголией, а также принять меры к поимке беглых ссыльных с Кругобайкальского тракта со стороны Забайкальской области¹⁶.

Ночью с 26 на 27 июня к начальнику штаба явились два бурята-ямщика со станции Выдриной, бежавшие на лодке через Байкал, и сообщили, что вооруженный отряд до 100 человек прибыл уже на станцию Выдрину, конвоируя арестованного ими полковника Черняева, и что восставшие направились далее к Посольску¹⁷.

Известие это, а еще больше отсутствие сведений о размерах и характере восстания, заставили иркутские власти опасаться более широкого его развития. По мнению Кукеля, скорость появления военных отрядов со стороны Посольска, откуда восставшие могли их не ожидать, была «самым главным и существенным условием успеха, ибо необходимо было преградить мятежникам выход из ущелья Кругобайкальской дороги, откуда двинувшись они

¹⁴ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 383.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 384.

могли бы угрожать разграблением Посольска и всей густонаселенной местности по Верхнеудинскому тракту, имея большое удобство для продовольствия и движения к городу Верхнеудинску и Кяхте»¹⁸. Поэтому генерал-майор Кукель тотчас же отправил на почтовых в подкрепление отряду Рика команду под начальством поручика Лаврентьева в составе 70 низших чинов и вслед за нею — другую команду под начальством своего адъютанта штаба ротмистра Ларионова в составе 150 человек¹⁹. Таким образом, отряд майора Рика был доведен до 297 человек²⁰.

Возникли опасения, что восставшие могут удалиться с Кругобайкальской дороги в горы и несмотря на трудность перехода через безлюдную тайгу, дремучие леса и скалистые гольцы Байкальских хребтов, будут пытаться выйти обходными тропами на Верхнеудинскую дорогу, в Селенгинскую степь или на старый Кругоморский тракт по направлению к китайской границе. В связи с этим были приняты следующие меры: по Верхнеудинскому тракту к Посольску отправили казачий конный отряд с двумя конно-артиллерийскими орудиями; со стороны Селенгинской степи и старой Кругоморской дороги были выставлены казачьи отряды и учреждены между ними наблюдательные пикеты и разъезды; усилен разъезд вдоль государственной границы; сообщено в Читу и на Нерчинские заводы, чтобы были приняты меры предосторожности «на случай сочувственного отголоска к мятежу со стороны находящихся там политических преступников»²¹.

Майор Рик послал в Лихановскую поручика фон-Керна, чтобы он известил зауряд-сотника Попова о восстании польских ссыльных. Но Попов вместо того чтобы приготовиться к отпору, приказал страже чистить ружья, а сам отправился вместе с фон-Керном на берег Байкала посмотреть, не идет ли пароход²². На расстоянии 200 шагов от здания станции они были окружены восставшими, но те их в плен не взяли, устремившись к зданию.

Оборона станции Лихановской, во время которой трое восставших были ранены, продолжалась около трех часов.

---

¹⁸ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 384.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² «Былое», 1921, № 17, стр. 120; «Петербургские ведомости», 28 ноября 1866 г.

Между тем главные силы авангарда направились дальше в сторону Посольска. В полутора верстах от Лихановской они встретились с пехотой майора Рика. Завязалась перестрелка. Восставшие кинулись к лесу. Отступая, повстанцы по приказу Рейнера подожгли станцию Лихановскую. Им удалось захватить зауряд-сотника Попова, всех ссыльных, живших на станции, двух ямщиков и 14 лошадей. Остальные успели уйти к станции Куприяновой.

Из-под Лихановской авангард повстанцев отошел к Мишихе, а майор Рик вернулся с отрядом к Мантурихе, где заночевал. По-видимому, не имея сведений о реальных силах восставших, Рик не решился идти вперед.

По свидетельству мемуаристов, Н. Целинский во главе отряда пехоты в 80 человек на челнах отправился за авангардом к Посольску. Встретив возвращающийся отряд, Целинский также повернул к Мишихе²³.

Вечером 27 июня туда прибыл и Г. Шарамович. Таким образом, 27 июня все силы восставших сконцентрировались в этом месте. На неудачу под Лихановской Шарамович смотрел как на событие, которое сильно деморализовало многих поляков. Он даже приказал арестовать Рейнера²⁴. Известие о движении войск заставило восставших ускорить формирование. Мишиха была похожа на военный лагерь. Шарамович, считая, что успех восстания зависит от удачи в первых столкновениях с войском, приступил к срочному формированию отрядов и их вооружению.

По показанию Арцимовича, было создано два плутона (взвода) стрелков с карабинами под командой Котковского и В. Паньковского, два плутона косинеров с самодельным оружием под командой Арцимовича и бывшего поручика Ф. Кершовского и плутон конницы под командой Ильяшевича²⁵.

Вооружение повстанцев было самое различное: ружья, карабины, пистолеты, пашки, пики, косы и древки с заостренными концами или насаженными на них гвоздями, долотами, ножами и птыками.

---

²³ Z. Odrzywolski. Powstanie polskie nad Bajkałem i sprawa Kazańska. Lwów. 1878, str. 56, 58.

²⁴ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 408.

²⁵ Там же, стр. 405. В записке иркутской следственной комиссии командиром конницы назван Н. Целинский (там же, стр. 416).

В «Московских ведомостях» сообщалось, что «поляки сформировались весьма стройно: их теперь уже 5 кадровых полков, имеют обоз при каждом полку, имеют оружие и порох, появились и косинеры, как в Польше, и косы у них не обыкновенные крестьянские, но особо изготовленные, словом формируются как нельзя лучше и ожидают еще прибытия (конечно, из поселенцев, коих здесь немало) многих для составления из кадров полных полков»²⁶.

Численность восставших составляла около 300 человек²⁷. Первые известия о движении войск вызвали у части восставших страх и деморализацию. Среди них был и Н. Целинский. Дело дошло до того, что Целинский 27-го вечером пришел к арестованному Черняеву и стал оправдываться и просить заступиться за него перед властями²⁸. На совещании руководителей Целинский стремился изменить план восстания и требовал быстрее ухода за границу. Шарамович назвал предлагаемое Целинским отступление «бегством с поля битвы». Шарамовича поддерживали Ильяшевич и Паньковский. Целинский устранился от руководства. Не получив поддержки на совещании, он, по сведениям З. Одживольского, тайно уговаривал людей конного отряда не подчиняться Г. Шарамовичу, уверяя их, что последний скоро будет разбит. Целинский утверждал, что он их спасет, призывая идти к Кяхте, к государственной границе²⁹.

Таким образом, Шарамович и многие повстанцы не пали духом, не отказались от дальнейшей борьбы и первоначальных планов восстания. Когда Черняев 28 июня утром стал уговаривать их сложить оружие и отказаться от безрассудного плана, Шарамович ответил: «Разве можно таких молодых, как мы, спокойно запереть в глушь? Поверьте, лучше пуля, чем такая ссылка»³⁰. Ильяшевич и Бронский на упреки Черняева, что после амнистии они решились на такой противозаконный поступок, отвечали, что не такой они ждали амнистии, что переход с каторги на поселение несет новые мучения. «Нет,—говорили они,—мы лучше сами возьмем свободу, лучше пуля, чем такое житье»³¹.

²⁶ Н. И. Митина. Указ. соч., стр. 413.

²⁷ Там же, стр. 417.

²⁸ «Былое», 1921, № 17, стр. 118.

²⁹ Z. O d r z y w o l s k i. Указ. соч., стр. 67.

³⁰ «Былое», 1921, № 17, стр. 117.

³¹ Там же.

От Шарамовича и Вронского Черняев узнал, что повстанцы рассчитывали на подкрепление сиваковских ссыльных и хотели напасть на Иркутск³².

День 27 июня был решающим. Перед лицом опасности отчетливо определились и размежевались два направления, существовавшие в организации ссыльных. Одно, возглавляемое Н. Целинским, имело тенденцию, не вступая в бой с войском, немедленно уйти к границе. Эту тенденцию отмечает и А. Розманит. «В пропаганде Целинского,— пишет он,— усматривается меньше революции и восстания... Он был рационалистичнее, замыслил и пропагандировал замысел вооруженного побега и последовательно его проводил»³³. Другое, представляемое Г. Шарамовичем и его единомышленниками, стояло за развитие восстания, за сражение с войском и движение к Посольску. Это свидетельствует о том, что Шарамович надеялся на размах движения, на присоединение к восставшим ссыльных из других мест.

Шарамович придавал большое значение дисциплине. Видя колебания и снижение боевого духа, он в своих выступлениях в Мишихе призывал к солидарности, разъяснял, что необходимо победить войско, что от этого будет зависеть успех восстания. Шарамович неоднократно повторял, что участие в восстании — дело добровольное, что все те, которые боятся, пусть выйдут из рядов³⁴.

28 июня во второй половине дня в страшную грозу восставшие в числе 250 человек, не считая кавалерии Ильяшевича, которая уехала вперед раньше, вышли из Мишихи. Во время переправы через реку Быструю прискакал гонец Ильяшевича с донесением, что прибыл пароход с батальоном войска³⁵. Между Шарамовичем и Целинским опять начались разногласия. Целинский предлагал бежать в горы, Шарамович же убеждал идти другой дорогой к Посольску навстречу войску³⁶. По свидетельству Одживольского, конный отряд поддался уговорам Целинского и, бросив товарищей, направился в обратную сторону, к Култуку, ближе к границе³⁷.

³² Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 371.

³³ А. Rozmanith. Указ. соч., стр. 41.

³⁴ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 407.

³⁵ Это прибыл отряд в 70 человек под командой поручика Лаврентьева (там же, стр. 405).

³⁶ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 405—406.

³⁷ Z. Odrzywolski. Указ. соч., стр. 67—68.

На шестой версте от Мишихи восставшие встретились с войском. Здесь произошло решающее сражение. 250 человек плохо вооруженных, измученных четырехдневным переходом, слабо подготовленных в военном отношении, в какой-то степени деморализованных разногласиями между Целинским и Шарамовичем, не могли противостоять хорошо вооруженному противнику. Битва была недолгой, она продолжалась 10—20 минут³⁸. Несмотря на то, что многие повстанцы стойко и смело сражались, вплоть до рукопашной схватки, исход битвы решился сразу. При первых же выстрелах все те, кто колебался, кого коснулась ржавчина сомнений, бросились в лес. Мужество и отвага таких ссыльных, как Паньковский, Мысловский, Желиевский и других, не могли изменить хода сражения. «Словом, произошло что-то такое, чему и имени нельзя найти»³⁹, так характеризует сражение под Мишихой К. Арцимович. Поляки отступили, оставив на поле боя семь убитых и несколько раненых. В бою под Мишихой погиб адъютант Б. К. Кукеля поручик Порохов. Польским ссыльным, не принимавшим участия в восстании, было разрешено похоронить убитых повстанцев под Мишихой. На их могиле, по распоряжению местных властей, поставили крест с надписью: «Здесь погребены взбунтовавшиеся польские мятежники, убитые во время перестрелки 28 июня 1866 года»⁴⁰.

Перестрелки повстанцев, укрывшихся в тайге, с отрядом Рика продолжались еще несколько дней. Велись также перестрелки с отрядами Ларионова и Лисовского, в результате которых девять повстанцев было убито и несколько десятков взято в плен. На 4 июля число захваченных в плен отрядами Рика и Лисовского достигало 70 человек. Голодные и измученные, они сами выходили к отрядам и сдавались. В числе первых, сложивших оружие и сдавшихся, был Э. Вронский.

12 июля Б. К. Кукель сообщил М. С. Корсакову, что вся кругобайкальская местность оцеплена войсками, чтобы преградить все возможные выходы 130 польским повстанцам, продолжающим оставаться в тайге⁴¹. Руководствуясь

---

³⁸ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 406.

³⁹ Там же.

⁴⁰ A. Wanczura. Powstanie syberyjskiego legionu wolnych Polaków nad Bajkałem w roku 1866. Lwów, 1932.

⁴¹ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 378.

тем, что «лучше переделать, чем не доделать»⁴², Кукель поднял «на ноги и в ружье» и послал в кругобайкальскую местность почти полностью две восточносибирские бригады. Он полагал, что подобная тревога не лишняя как для бригад, так и для артиллерии, как «практика вместо летних сборов».

Весть о восстании польских ссыльных мгновенно разнеслась по Сибири. Пошел говор, что готовится всеобщее восстание ссыльных и что справиться с ним будет очень трудно. Следует отметить, что местному населению, не видевшему разницы между политическими и уголовными (в этих местах польские ссыльные наказание не отбывали), «бунт каторжников» вселял ужас и страх, так как они опасались за целостность своих хозяйств, а часто и за жизнь.

Этим воспользовались сибирские власти и в своих официальных сообщениях подчеркивали, что восставшие поляки грабят, жгут и убивают жителей, не щадя никого⁴³. Пожар в Лиственичной, зарево которого было видно далеко вокруг, был лучшим подтверждением этой клеветы. По провокационному призыву часть местного населения, вооружившись кто чем мог, принимала участие в преследовании восставших поляков и их поимке.

После поражения восстания, когда и цель и характер движения стали ясны, отношение населения к восставшим польским ссыльным изменилось. Об этом свидетельствуют как воспоминания, так и официальные документы. Так, например, анонимный автор статьи «Восстание поляков в Сибири в 1866 г.» на основании воспоминаний очевидцев так описывает прибытие в Иркутск первой партии пленных польских повстанцев, участников Кругобайкальского восстания. «В первых числах июля в город были доставлены первые партии поляков. Когда они проходили городом, улицы были полны народом, который проводил их до тюрьмы. Поляки шли медленно, утомленной походкой, все в пыли. Кроме чувства сострадания и сожаления, они не могли возбудить ничего другого»⁴⁴.

---

⁴² Н. П. Митина. Указ, соч., стр. 378.

⁴³ См. «Иркутские епархиальные ведомости», 23 июля 1866 г.

⁴⁴ «Сибирский архив», 1912, № 3, стр. 180; на изменение отношения местного населения к восстанию обратил внимание польский историк Г. Скок (H. Skok. Powstanie polskich zesłańców za Bajkałem w 1866 roku.— «Przegląd historyczny», 1963, т. LIV, zeszyt 2, str. 261—262).

Когда годом позже в Европейскую Россию перевозили останки поручика Порохова, убитого под Мишихой, это событие не вызвало в Иркутске особого интереса, в то время как похороны его в июле 1866 г. в Иркутске вылились в многолюдную демонстрацию. В связи с этим в «Сибирском вестнике» появилась статья, в которой автор сетовал на «отсутствие патриотизма среди иркутян»⁴⁵.

Дольше всех продержались в тайге отряды, возглавляемые Шарамовичем, Целинским, Котковским и Держановским. В тайге Шарамович не раз говорил, что страшные мучения, которые их ждут, а может быть и голодная смерть, лучше, чем кандалы и неволя⁴⁶. Показательно, что и в тайге Шарамович не искал дороги к границе, а надеялся провести зиму у бурят, и при первой возможности добраться до Усолья⁴⁷. Вот как описывает К. Ардимович пребывание отряда Шарамовича в тайге. «После битвы под Мишихой... я набрел в лесу на Шарамовича, Ильяшевича, Паньковского, Мысловского, раненного Пороховым, и других нескольких. Все они ожидали ночи, чтобы идти в горы, к ним присоединился и я. В течение ночи и следующего утра к нам пристало еще несколько человек, так что в числе 40 человек и имея за проводника бродягу, которого поймали где-то под Мишихой, мы 29 числа направились в горы, держась юго-запада. У нас почти ничего не было съестного. Но бродяга уверял, что через три-четыре дня непременно пройдем горы; мы простодушно верили и шли. Прошло не три и не четыре дня, а прошло их одиннадцать, а следов человеческого не было заметно. Мы питались травой, черемшой и плодами. Такая жизнь не понравилась бродяге, и он подговорил еще четырех из числа наших, бежал с ними, взяв лучшее оружие. Примеру бежавших последовали многие, так что к концу наших странствований по тайге и горам нас осталось всего 17 человек. На 24-й день после стычки под Мишихой, мы, едва живые, набрали на зимовье бурят, около которого паслось несколько коров, одну из них мы сейчас же убили и почти сырую съели. Мы полагали пробыть тут некоторое время, чтобы собраться с силами и отдохнуть, но это не удалось; на другой же день на нас на-

---

⁴⁵ Н. Skok. Указ. соч., стр. 262.

⁴⁶ Там же, стр. 407.

⁴⁷ Там же, стр. 406—408.

пали казаки и взяли всех 17 человек, ранив при этом Ильяшевича и Витковского»⁴⁸.

Находясь в тайге, Шарамович не раз говорил, что живой не дастся в плен, и с этой целью постоянно имел при себе заряженный револьвер, взятый у полковника Черняева. Когда отряд окружили казаки, он, действительно, выхватил револьвер и приложил к виску. Арцимович уговорил его этого не делать, а назваться Складовским, которого считали погибшим под Мишихой. Тут же Ильяшевич назвался Плущинским, который был убит под Мишихой, а Арцимович принял свою настоящую фамилию. Но Шарамович вскоре убедился, что скрывать фамилию напрасно, что приметы его слишком известны, и в Селенгинске признался, что он Шарамович⁴⁹.

К концу июля все находившиеся в тайге польские повстанцы были схвачены и доставлены в Иркутск, где их ожидали следствие и суд.

Вспыхнувшее на Кругобайкальской дороге восстание ссыльных вызвало тревогу и страх восточносибирской администрации, опасения, что движение даст «отголосок» в других местах Сибири.

К общим административным мерам, последовавшим в первые дни восстания, относится распоряжение К. Н. Шелашникова об усилении контроля за ссыльными, запрещении каких-либо сборищ и совещаний, отлучек с мест причислений «в видах предосторожности и предупреждения каких-либо беспорядков со стороны политических преступников, находящихся в крае на поселении»⁵⁰. Начальникам Енисейской и Иркутской губерний было дано распоряжение немедленно выслать из городов для распределения по волостям всех тех ссыльных, которые оставлены были там для занятий ремеслами, но не приступили к работе в продолжение определенного времени⁵¹.

Особое внимание сибирские власти уделили усилению военной силы, боясь оставить губернские батальоны, местные и этапные команды в некомплекте. К. Н. Шелашников официально заявил об усилении до штатного состава регулярных частей. Из Иркутска приостановили отправку рек-

---

⁴⁸ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 406.

⁴⁹ Там же, стр. 409—410.

⁵⁰ Там же, стр. 390.

⁵¹ Там же.

рутов⁵². В городе были приняты самые энергичные меры к охране порядка: установлены особые ночные караулы в тюрьме и при погребях, укомплектованы батальоны. Живущие здесь ссыльные поляки были обязаны подписками не собираться по нескольку человек вместе и не выходить на улицу позже десяти часов вечера. Ночью по улицам ходили патрули, которые задерживали всех подозрительных. По дорогам вокруг Иркутска беспрестанно патрулировали казацки разезды. Всякий сомнительный случай подвергался самому тщательному расследованию. Иркутск находился, по словам Б. К. Кукеля, «чуть не на военном положении»⁵³.

Из Усолья поступили сведения, что находящиеся там польские ссыльные взбунтовались и ранили начальника завода штыком в лицо. Тотчас же из Иркутска в Усолье было отправлено 150 солдат для умирения «бунтовщиков»⁵⁴.

Председатель областного правления Забайкальской области Мордвинов получил от К. Н. Шелашникова известие о восстании ссыльных на Кругобайкальской дороге 29 июня. Тотчас же были приняты меры для усиления надзора за ссыльными и предупреждения выступлений в Забайкальском крае. В Читу отправились 200 казаков 10-го батальона. Исправнику Чайковскому было дано распоряжение собрать вооруженных крестьян. Из Агинской степной думы было вызвано 300 бурят с винтовками, командиры 1-й и 2-й пеших бригад получили предписание в случае необходимости немедленно двинуть часть войск на Нерчинские заводы. Были усилены конвои в Сиваковой и в тюрьмах Нерчинских заводов⁵⁵.

Б. К. Кукель 4 июля сообщал М. С. Корсакову, что ему придется ехать в Читу, чтобы «окончательно распорядиться оцеплением всей местности караулами и разездами»⁵⁶.

Имея в виду распоряжение военного губернатора Забайкальской области об отправлении из Сиваковой в Иркутск политических ссыльных, освобожденных на основании «высочайше дарованных милостей» от работ и подлежащих переводу на поселение по Иркутской губернии,

---

⁵² Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 372—373.

⁵³ Там же, стр. 378.

⁵⁴ Там же, стр. 395.

⁵⁵ Там же, стр. 376—377.

⁵⁶ Там же, стр. 362.

которые, по расчету времени, должны были следовать недалеко от Верхнеудинска, и чтобы предупредить встречу их с восставшими ссыльными, К. Н. Шелашников 28 июня отправил с курьером приказание остановить эту партию в пути и разместить в первом удобном месте под наблюдением сопровождающего конвоя и партионного офицера.

Особенно сильное беспокойство и тревогу у сибирских властей вызывала Енисейская губерния. В первые же дни К. Н. Шелашников известил губернатора шифрованной телеграммой о восстании ссыльных и сделал распоряжение об отправлении 70 человек воинской команды в Канск и 30 — в Троицкий завод⁵⁷. Не удовлетворившись принятыми мерами, он направил 12 июля в Енисейскую губернию заведующего временным управлением по надзору за политическими ссыльными майора М. С. Купенко. 19 июля Купенко уведомлял телеграммой К. Н. Шелашникова, что, по собранным сведениям, в Канском округе готовятся беспорядки⁵⁸. По словам Б. К. Кукеля, М. С. Купенко застал в Енисейской губернии такую неурядицу, которая легко могла привести к беспорядкам⁵⁹. Так, например, до приезда М. С. Купенко политическим ссыльным не выдавались кормовые деньги, которых набралось за прошлое время более 13 тыс. рублей серебром. В губернаторской канцелярии задерживали все письма. Местная администрация была груба и нередко допускала рукоприкладство. В Троицком заводе, например, полицмейстер не разговаривал с ссыльными иначе как «сопровождая слова своей самой грубой бранью и внушениями нагайкою»⁶⁰. Учитывая большое скопление в Енисейской губернии политических ссыльных и их тяжелое материальное положение, в городах Канске, Минусинске и на Троицком заводе были усилены воинские команды⁶¹. Полковой командир получил «весьма строгие

⁵⁷ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 375.

⁵⁸ Там же, стр. 394.

⁵⁹ Там же, стр. 398.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ По свидетельству енисейского жандармского штаб-офицера Н. П. Борка, воинская команда в Енисейской губернии находилась в жалком состоянии. Так, красноярский губернский батальон при наличном составе в 600 человек нижних чинов, из которых половина была из рекрут, имел всего 63 ударных ружья и 137 старых, кремневых, почти не годных. В Енисейском казачьем конном полку, хотя и считалось 800 (тоже негодных) кремневых ружей, но значительная часть их (около 200) находилась у казаков на золотых приисках, другие были рассеяны по конвойным коман-

секретные инструкции» и предписание «быть на страже и в случае надобности в готовности»⁶².

Несмотря на меры, принятые восточносибирской администрацией для предотвращения волнений среди ссыльных в дни Кругобайкальского восстания, имеются указания, что в некоторых местах возникли беспорядки и велась пропаганда. Корреспондент «Московских ведомостей» сообщал, что в Канске и Балаганске «поляки взбунтовались» и что в Балаганск была даже послана рота солдат⁶³.

Енисейская губерния еще в течение длительного времени доставляла тревоги восточносибирской администрации и подвергалась ее «бдительному надзору». В декабре 1866 г. К. Н. Шелашников писал М. С. Корсакову, что в Минусинском и Канском округах политические ссыльные собираются бежать за границу, если не будет амнистии⁶⁴. 4 января 1867 г. К. Н. Шелашников извещал М. С. Корсакова, что «придется высылать в самые отдаленные места Киренского округа еще семь личностей из Канского округа. Положительно дознано, что во время беспорядков на Кругобайкальской дороге они подстрекали и возбуждали к беспорядкам по Канскому округу»⁶⁵. 7 февраля 1867 г. Шелашников сообщал Корсакову, что из Канского и Минусинского округов придется высылать «несколько весьма влиятельных личностей»⁶⁶.

Таким образом, в дни кругобайкальских событий по всей Восточной Сибири принимались самые решительные меры к предотвращению волнений и выступлений ссыльных, к предупреждению расширения восстания.

20 июля 1866 г. последовало постановление Главного управления Восточной Сибири о создании в Иркутске специальной следственной комиссии «для формального и строгого исследования» восстания польских ссыльных на Кругобайкальской дороге⁶⁷. Председателем ее был назначен состоящий по особым поручениям при команду-

---

дам. В Канском округе имелось всего 173 ружья; казачьи станицы Минусинского и других округов вовсе не имели огнестрельного оружия, кроме небольшого количества собственных ружей (Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 396).

⁶² Там же, стр. 375—376.

⁶³ «Московские ведомости», 5 августа 1866 г.

⁶⁴ Н. П. Митина. Указ. соч., стр. 395.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 392—393.

ющем войсками Восточно-Сибирского военного округа генерал-майор Ольденбург, членами: с гражданской стороны, исполняющий должность товарища председателя иркутского губернского суда Веретенников, советник иркутского губернского правления Языков, стряпчий губернских уголовных дел Козлов и столоначальник Главного управления Восточной Сибири Юрьев. Для делопроизводства следственной комиссии были выделены помощник столоначальника Главного управления Восточной Сибири Апопшев, заседатель иркутского земского суда Романов и два чиновника военного ведомства. Кроме того, в следственной комиссии имели право присутствовать и принимать в ее работе участие иркутский жандармский штаб-офицер полковник Дувинг, заведующий временным управлением по надзору за политическими ссыльными в Восточной Сибири майор Купенко и иркутский полицмейстер майор Думанский. Начальникам Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской и Якутской областей, а также Нерчинскому коменданту вменялось в обязанность оказывать следственной комиссии содействие и исполнять все ее требования.

Перед иркутской следственной комиссией ставились широкие задачи. Она должна была произвести «строжайшее следствие не только о Кругобайкальском возмущении политических преступников, но и связь этого мятежа, буде таковая была или существует, с прочими политическими преступниками, находящимися в других местах на каторжной работе, на поселении и на жительстве, равно как с посторонними злоумышленниками противоправительственного направления»⁶⁸.

Главное управление Восточной Сибири и окружной штаб должны были передать в следственную комиссию все имеющиеся у них сведения как о кругобайкальских событиях, так и о других фактах революционной деятельности ссыльных. Опросу подлежали около 1000 человек. Уже из предварительных показаний подсудимых было видно, что к следствию должны быть привлечены политические ссыльные, находящиеся в Иркутской и Енисейской губерниях⁶⁹. К. Н. Шелашников в середине августа писал М. С. Корсакову, что следственная комиссия продолжает работать

⁶⁸ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 392.

⁶⁹ Государственная библиотека им. Ленина, отдел рукописей, ф. 137, а. 96, д. 12, письмо 16.

очень напряженно, ежедневно бывает по два заседания, нередко заканчивающиеся за полночь⁷⁰.

Следствие длилось с 21 июля по 4 октября.

Лишь 17 октября 1866 г. иркутская следственная комиссия представила М. С. Корсакову доклад о результатах расследования Кругобайкальского восстания.

24 октября начал работу военно-полевой суд, учрежденный под председательством начальника артиллерии Восточно-Сибирского военного округа генерал-майора Софиано. Прокурором был утвержден член Совета Главного управления Восточной Сибири Б. А. Милютин. Суд длился двенадцать дней. 9 ноября на рассмотрение М. С. Корсакова было представлено оконченное военносудное дело.

Насколько можно судить по тем материалам, которые дошли до нас, следственная комиссия, несмотря на широко поставленные перед ней задачи, не занялась, к счастью, тщательным расследованием связей Кругобайкальского восстания с предшествовавшей ему революционной деятельностью ссыльных. В работе следственной комиссии отчетливо проявилась позиция, занимаемая восточносибирской администрацией, поменьше демонстрировать перед Петербургом «домашние дела». Показать размах революционной деятельности ссыльных, означало признать плохую работу местных властей. А ведь заявления К. Арцимовича, что Кругобайкальское восстание было тесно связано со многими предшествовавшими попытками и задумано гораздо раньше «теми корифеями польской партии, которые, подобно Левандовскому, Ляндовскому и другим лицам, принимали деятельное участие в тайной организации»⁷¹, и показания ссыльных, что работавшие на Кругобайкальской дороге имели указание Иркутского и Енисейского комитетов⁷² поднять восстание, вскрыли эти связи. В донесении иркутского жандармского штаб-офицера имеются категорические утверждения, что «возмущение, произведенное сосланными поляками на Кругобайкальском тракте... имело связь с прочими сосланными поляками»⁷³. Енисейский жандармский штаб-офицер писал, что генерал-майор Кукель частным письмом уведомил енисейского воинского на-

⁷⁰ Государственная библиотека им. Ленина, отдел рукописей, ф. 137, а. 96, д. 12, письмо 16.

⁷¹ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 399.

⁷² Там же, стр. 381.

⁷³ ЦГАОР, ф. 109я, IV эксп., 1866 г., д. 119, л. 75.

чальника полковника Тихменева, что «положительно известно о непосредственной связи возмущения ссыльных поляков на Кругобайкальской дороге с замышляемым ими же восстанием в Канском округе»⁷⁴ (подчеркнуто мною.— Н. М.).

Корреспондент «Московских ведомостей» писал, что «при так называемом начальнике штаба сибирского легиона Домбровском найдены изготовленные воззвания революционного содержания и много писем по этому же предмету из разных концов Сибири и даже из России. Значит, заговор давно существует, каковы же наши Аргусы, когда ничего не знали, доколе не вспыхнул бунт!»⁷⁵

Следствие и суд не привлекли лиц, причастных к революционной деятельности в Сибири, а ограничились расправой над участниками Кругобайкальского восстания. По заключению прокурора Милютина, «совокупность всех данных делает этот акт по всем признакам подходящим к определению бунта». Такого обвинения было достаточно для того, чтобы жестоко расправиться с революционно настроенными поляками, подавить возможность подобных выступлений в будущем⁷⁶.

К чести польских повстанцев нужно отметить, что они стойко и мужественно держались на следствии и суде.

Следственной комиссией были признаны виновными в участии в восстании 688 человек. Суд разделил их на пять категорий, каждую из которых судили отдельно. Суд признал виновными в участии в восстании 418 человек. К первой категории судом были отнесены Густав Шарамович, Казимеж Арцимович, Леопольд Ильяшевич, Нарциз Целинский, Якуб Рейнер, Владислав Котковский и Эдвард Вронский. Они были признаны руководителями восстания и приговорены к смертной казни — расстрелу.

«Смертная казнь, которую вы мне уже назначали, — сказал Шарамович на суде, — будет для меня справедливой за то, что я не сумел лучше руководить восстанием»⁷⁷.

Г. Шарамович в своих показаниях, по замечанию К. Арцимовича, стремился к тому, чтобы как можно меньше скомпрометировать лиц, которые в свою очередь могли потянуть новых, и таким образом подорвать все здание ор-

⁷⁴ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 395.

⁷⁵ «Московские ведомости», 10 августа 1866 г.

⁷⁶ «Былое», 1921, № 17, стр. 127.

⁷⁷ Z. Odrzywolski. Указ. соч., стр. 118.

ганизации. Слова Шарамовича, сказанные на суде: «пусть нас расстреляют, зато другие останутся свободны», К. Арцимович истолковал как свободу действовать⁷⁸.

В защитительной речи Ильяшевич сказал: «Вы будете судить меня перед глазами всей России, перед глазами Европы, народная молва произнесет со временем приговор над нашими поступками, и кровь осужденных вами падет на вашу голову и детей ваших. Народная молва говорила, что мы навеки здесь останемся; мы сделали попытку освободиться. Неужели вы осудите меня за эту попытку?»⁷⁹.

Генерал-губернатор Восточной Сибири утвердил смертный приговор Целинскому и Шарамовичу, квалифицировав их как «двух главных распорядителей и предводителей мятежа», и Рейперу и Котковскому — как «предводителям шаяк». В обосновании приговора Котковскому фигурировало также его участие в убийстве в Варшаве полицмейстера Фелькнера. Арцимович и Ильяшевич были осуждены на каторжные работы в рудники без срока, Вронский — на каторжные работы в рудниках на 12 лет⁸⁰.

Ко второй категории виновности суд отнес 197 человек⁸¹, обвинив их в непосредственном участии в вооруженном восстании или в подготовке его. Суд приговорил всех судимых по этой категории подвергнуть по жребию каждого десятого смертной казни, остальных, по наказанию 100 ударами плетью, сослать в каторжную работу в рудники без срока. Генерал-губернатор Восточной Сибири «смягчил» приговор. Все судимые этой категории были отосланы на каторжные работы без срока⁸².

К третьей категории судом было причислено 116 человек. Сюда, по сообщению П. А. Кропоткина, были зачислены преимущественно те, которые взяты «за гольцами», почти исключительно крестьяне. В обвинительном акте прокурора относительно этой категории участников восстания говорилось следующее: «Если во вторую категорию вошли преступники, составлявшие самое гнездо мятежа, то преступники третьей категории были его проводниками (т. е. исполнителями. — *Н. М.*). Отличительная черта этой категории — это отсутствие положительных указаний на то, что

⁷⁸ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 410.

⁷⁹ «Былое», 1921, № 17, стр. 134—135.

⁸⁰ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 426.

⁸¹ Там же, стр. 429—430.

⁸² Там же, стр. 430—431.

они участвовали вооруженными; но все они взяты по ту сторону гольцов, следовательно, продолжали упорствовать в своем противозаконном намерении до самой последней возможности». Прокурор просил обратить внимание суда на «их запирательство, неискренность показаний, на желание затемнить все те обстоятельства, которые могли бы разъяснить дело и степень виновности главных зачинщиков и участников». Поэтому они были обвинены «в деятельном пособничестве бунту, соединенном с упорством в достижении предначертанной преступной цели». Почти все подсудимые этой категории на суде говорили, что раньше ничего не знали о готовящемся восстании, видели только, что дворяне что-то говорили между собой⁸³. Суд постановил всех судимых по третьей категории «по наказанию плетями в соразмерности с разрядами работ, в коих состояли, обратить в высшие разряды тех же работ с увеличением срока в оных».

Согласно подтверждения М. С. Корсакова, было постановлено: бывших на работах в заводах сослать в крепости на 10 лет, бывших в крепостях сослать в рудники на 15 лет и бывшим на каторге в рудниках назначить работы без срока⁸⁴.

К четвертой категории суд отнес 92 человека. «Все они,— говорил прокурор,— принимали более или менее деятельное участие в мятеже. Все они из своих партий были на Мишихе, некоторые даже на Быстрой. Следовательно, были не из последних деятелей. Видя, что замысел их не удастся, или одумавшись, они являлись добровольно... Явка начальству есть только маневр с их стороны для того, чтобы скрыть свое преступление. Поэтому означенные преступники обвиняются в энергическом пособничестве мятежу»⁸⁵.

Суд приговорил оставить всех обвиняемых по четвертой категории в сильном подозрении «по соучастию в бунте»⁸⁶.

К пятой категории было отнесено 260 человек. Так как они «в соучастии в мятеже ничем не изобличены», суд постановил освободить их от ответственности⁸⁷.

---

⁸³ «Былое», 1921, № 17, стр. 145—146.

⁸⁴ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 430—431.

⁸⁵ «Былое», 1921, № 17, стр. 147—148.

⁸⁶ Н. П. М и т и н а. Указ. соч., стр. 430.

⁸⁷ Там же.

М. С. Корсаков телеграфировал в Петербург о решении военно-полевого суда, прося смягчить приговор. Но прождав несколько дней и не получив ответа из Петербурга, приказал свершить казнь секретно, рано утром. Ответ из Петербурга прибыл почтой через месяц! Генерал-губернатору предоставили «поступить по собственному благоусмотрению»⁸⁸.

15 ноября утром за Якутской заставою был приведен в исполнение смертный приговор. Вот как описывают героическую смерть польских революционеров, поднявших знамя борьбы в тяжелой неволе, З. Одживольский и автор статьи о восстании, помещенной в «Сибирском архиве».

На площадке было вкопано на недалеком расстоянии друг от друга четыре столба, а около них ямы. Место это было окружено войсками, а за ними стояла многотысячная толпа.

Вдруг народ заволновался — вдали показалась «позорная колесница», в ней стояли осужденные. Встретив колесницу, толпа народа пошла вслед за ней. На месте казни осужденных ожидал для последнего напутствия ксендз иркутского костела Шверницкий, сосланный по делу Конарского. Он подошел к Шарамовичу, который, видя нервное состояние ксендза, сказал: «Отче, вместо того, чтобы нас подкрепить божьим словом и придать нам мужество в последние минуты, ты сам упал духом и требуешь поддержки: рука твоя, которая должна благословить нас к отходу в жизнь вечную, дрожит! Успокойся и молись не за нас, а за будущее Польши! Нам все равно, где бы мы ни погибли за свое отечество, — у себя ли дома, или в изгнании: мысль, которая была всегда нашей путеводной звездой, не умрет и после нас. Вот что нас подкрепляет и утешает». Сказав это, Шарамович обнялся с остальными товарищами, стоявшими неподалеку, в отдельной группе, принял благословение от трепещущего ксендза и затем подошел к одному из врытых в землю столбов. Палач надел на него смертную рубаху. Шарамович, сняв с головы шапку, бросил ее вверх и воскликнул: «Еще Польша не гинела». Вскоре раздался роковой залп... Многотысячная толпа дрогнула: послышались крики нервных и громкий плач. Трое казненных сразу опустили голову на грудь, а

---

⁸⁸ П. А. Кропоткин. Записки революционера. СПб., 1906, стр. 200.

Шарамович начал биться, он был только ранен. Тогда последовал в него ружейный выстрел в упор ⁸⁹.

Вооруженное выступление польских ссыльных в июне 1866 г. — «последняя конвульсия революционной вспышки... среди каторжной обстановки, в условиях, которые смогли признать благоприятными для нового восстания лишь воспламененные неугасаемым революционным держновением души, рвавшиеся к свету из мрака сибирского ада» ⁹⁰ — так характеризовал восстание автор вступительной статьи к корреспонденции П. А. Кропоткина.

Восстание польских ссыльных было задушено. Гневно бичевал герценовский «Колокол» царизм по поводу кругобайкальских событий. «Трудно убивать народы, даже со всем монгольским бездумьем, с адвокатами, как Катков, с катами, как Муравьев и со всякими православными краснобаями из инженерного ведомства и Лютеровой ереси à la Кауфман. Добивали, добивали Польшу,... а она все жива... Она восстала в Сибири — безнадежная, отчаянная, но все же предпочитающая смерть — рабству» ⁹¹.

Восстание ссыльных на Байкале не прошло бесследно. Оно вызвало широкий отклик как внутри России, так и за рубежом. «Горсть храбрых повстанцев добилась кое-чего, — писал П. Кропоткин, — о восстании стало известно за границей. Казни, жестокость офицеров, которая раскрылась на суде, вызвала сильное волнение в Австрии. Австрийское правительство заступилось за галичан, принимавших участие в революции 1863 г. и сосланных тогда в Сибирь, и некоторые из них были возвращены на родину. Вообще, — указывал П. Кропоткин, — вскоре после мятежа 1866 г. положение всех ссыльных поляков заметно улучшилось. И этим они обязаны были бунту — тем, которые взяли за оружие и тем пяти ⁹² мужественным лицам, которые были расстреляны в Иркутске» ⁹³.

Восстание ссыльных в Сибири ярко продемонстрировало царизму и всему миру, что никакими виселицами, расстрелами, отрывом от родины нельзя задушить революционное движение масс, сломить национально-освободительные стремления народов.

⁸⁹ Z. Odrzywolski. Указ. соч., стр. 119—120. См. также: Н. И. С. Восстание поляков в Сибири 1866 г. — «Сибирский архив». Иркутск, 1912, № 3, стр. 183—184.

⁹⁰ «Былое», 1921, № 17, стр. 105.

⁹¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIX. М., 1960, стр. 127.

⁹² Так в тексте.

⁹³ П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 200.

Содержание

Введение	3
1.	
Повстанцы 1863 г. в сибирской ссылке	9
2.	
Подъем общественного и революционного движения в Сибири в начале 60-х годов XIX в. .	32
3.	
Возникновение революционной организации польских ссыльных и ее связи с местным населением	52
4.	
Установление связей с подпольем центральной России. Оформление русско-польского революционного союза в Сибири и план восстания . .	77
5.	
Подготовка восстания на Кругобайкальском тракте	104
6.	
Восстание польских ссыльных на Кругобайкальском тракте	121

Митина Нинель Петровна

Во глубине сибирских руд

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор *Д. М. Козан*. Редактор издательства *Л. М. Алексеева*

Художник *А. Д. Смеляков*; Корректор *Б.И.Рыбин*

Технический редактор *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 13/VI 1966 г. Подписано к печати 30/VIII 1966 г.

Формат 84×108 1/32. Печ. л. 4 1/2 л, Усл. л. 7,56. Уч.-изд.л.7,6

Тираж: 20000 экз. Т-12440. Изд. № 1199/66. Тип. зак. 986

Цена 46 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10